

Выпуск готовили:

В.А. Зубакин (главный редактор)
Е.В. Зубакина
Е.В. Чернова

дизайн и верстка: **Е.В. Чернова**
фотография на первой странице
обложки: **И. Савранский**

**Адрес Координационного
центра Союза: Россия,
111123, Москва, шоссе
Энтузиастов,
дом 60, корп. 1
Тел/факс (495) 672-22-63
e-mail: mail@rbcu.ru
http://www.rbcu.ru**

**Мы благодарны
всем, кто безвозмездно
помогал и помогает
в издании «Мира птиц».**

**Если вы хотите
тоже помочь журналу,
можете перечислить
деньги на расчетный счет
40703810000310000041
в ОАО «Банк Москвы»
г. Москва, инн. 7702000406
БИК 044525219
к/с 3010181050000000219
с пометкой
«благотворительный взнос
для «Мира птиц»,
или внести пожертвование
в Координационный центр
Союза охраны птиц России.**

Мнение авторов статей может
не совпадать с мнением редакции

Распространяется среди членов
Союза охраны птиц России
бесплатно

Тираж 3000 экз.
© Союз охраны птиц России

СОДЕРЖАНИЕ Contents

ТЕМА НОМЕРА 2 TOPIC OF THE ISSUE	ВАШИ НАБЛЮДЕНИЯ 33 YOUR OBSERVATIONS
Е.Л. Мацына. Варакушка – птица 2012 года..... 2 E.L. Matsyna. Bluethroat is the bird of the year 2012	П. Лихачева. Странное поведение канюка 33 P. Likhacheva. Strange behaviour of Buzzard
Д.Н. Кайгородов. Варакушка 4 D.N. Kaygorodov. The Bluethroat	А.В. Андреев. Путевые заметки о птицах Химачальской провинции (Северная Индия) 34 A.V. Andreev. Travel notes on birds of Khimachal province, North India
ВЕСТИ ОРНИТОЛОГИИ 6 ORNITHOLOGICAL NEWS	ПРОБЛЕМА 41 THE PROBLEM
Л.В. Маловичко, В.М. Музаев, Г.С. Джамирзоев. Наблюдения за осенней миграцией кречетки через Кумо-Манычскую впадину в 2011 г. 6 L.V. Malovichko, V.M. Muzaev, G.S. Dzhamirzoev. Autumn migration of Sociable Plover across Kuma-Manych depression in 2011	А.В. Салтыков. Птицы и ЛЭП: итоги Ульяновского семинара 41 A.V. Saltykov. "Birds and high-electricity lines" workshop in Uliyanovsk
С.А. Мечникова, Н.В. Кудрявцев. Искусственные гнездовья для ямальных кречетов 7 S.A. Mechnikova, N.V. Kudryavtsev. Nesting boxes for Yamal Gyrfalcons	Резолюция семинара «Птицы и ЛЭП-2011» 43 Resolution of "Birds and high-electricity lines – 2011" workshop
А.Д. Липкович, М.В. Таманцян. Встреча редких птиц в природном парке «Донской» и на прилегающих территориях 9 A.D. Lipkovich, M.V. Tamantsyan. Rare birds in "Donskoy" nature park and in close vicinity	Б.М. Звонов, Ш. Болдбаатар, С.А. Букреев. Гибель птиц на ЛЭП в Монголии и меры ее предотвращения 45 B.M. Zvonov, Sh. Boldbaatar, S.A. Bukreev. Bird death on high-electricity lines in Mongolia and steps for prevention
В.Н. Мельников. Воздействие пожаров на видовой состав и численность птиц в Балахнинской низине 10 V.N. Melnikov. Impact of fire on species diversity and number of birds in Balakhna depression	О грачах, дроздах и прочих охотничьих трофеях 46 About rooks, thrushes and other hunting trophies
Мониторинг численности стрепета в Оренбургской области..... 13 Monitoring of Little Bustard number in Orenburg Region	Обследование ООПТ в Подмосковье после пожаров 2010 г. 48 Inspection of Nature Special Protected Areas in Moscow Region after the fire in 2010
С.В. Бакка. Камско-Бакалдинские болота: последствия катастрофических пожаров 2010 г. 14 S.V. Bakka. Kamsko-Bakaldinskies marshes after catastrophic fire in 2010	ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 49 MEMORABLE DATES
ПРАКТИКА ОХРАНЫ ПТИЦ 17 PRACTICAL EFFORTS IN BIRD CONSERVATION	А.А. Тишков. Мистер Икс – Юрий Андреевич Исаков (1912–1988) 49 A.A. Tishkov. About Yu.A. Isakov – 100 years
А. Мурашов. Опыт выращивания и реабилитации птенца чомги 17 A. Murashov. Experience on breeding and rehabilitation of Great Crested Grebe chick	А.Д. Липкович. Густав Фердинанд Рихард Радде. К 180-летию со дня рождения 53 A.D. Lipkovich. Gustav Ferdinand Richard Radde – 180 years
ПТИЦЫ ВОКРУГ НАС 20 BIRDS AROUND US	НАМ ПИШУТ 57 YOUR LETTERS
И.А. Липилина. Три командорских истории 20 I.A. Lipilina. Three stories on Commander Islands	В.И. Фридолина. Здравствуй, перелетная птица! 57 V.I. Fridolina. We are happy to welcome you, bird!
Е. Чернова. Приключения Серезжки в мире птиц (сказка)..... 25 E. Chernova. Adventure of Sergey among birds (tale)	НАШИ ПОТЕРИ 58 IN MEMORIAM
С. Рыкова. Ларуся прилетела! 27 S. Rykova. Larusya has come flying!	Эдуард Иванович Гаврилов 8 октября 1933 г. – 15 сентября 2011 г. 58 Eduard Ivanovich Gavrilov (8.10.1933–15.09.2011)
В. Белик. Сотворение мира. Семь дней и семь встреч с Абхазией..... 29 V. Belik. The creation of the world. Seven days and seven meetings with Abkhazia	Евгений Николаевич Курочкин 12 июля 1940 г.–13 декабря 2011 г. 60 Eugeny Nikolaevich Kurochkin (12.07.1940–3.12.2011)
А. Яновский. Птицы-храбрецы 31 A. Yanovsky. Birds of brave spirit	Татьяна Борисовна Ардамацкая 25 октября 1927 г.–24 октября 2011 г. 61 Tatyana Borisovna Ardamatskaya (25.10.1927–24.10.2011)
В.М. Авилов. Грачи 32 V.M. Avilov. Rooks	КАК ВСТУПИТЬ В СОЮЗ 47 HOW TO JOIN THE RBCU

Требования к материалам, присылаемым в редакцию бюллетеня для публикации

Электронные тексты : допускается присылать в форматах .txt, .doc, .rtf. Таблицы просьба присылать в форматах .doc и .rtf. Объем текста не более 10 000 знаков. (включая пробелы).

Компьютерная графика: Векторные изображения желательно присылать в формате .eps, допустимы форматы .cdr, .ai. Растровые изображения желательно присылать в формате .tif, .psd, допускается формат .jpg обязательно без сжатия. Для формата .tif допустима LWZ-компрессия. Разрешение изображений должно быть не менее 300 dpi.

Рукописи, машинописные тексты, слайды и фотографии принимаются к печати в случае невозможности предоставить электронный вариант. Ссылки на литературу в тексте и в конце статьи, а также список литературы в конце статьи мы просим приводить только в том случае, если их отсутствие существенно влияет на содержание. Редакция оставляет за собой право отклонять присланные материалы. Тексты не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке материалов ссылка на «Мир птиц» обязательна.

Варакушка – птица 2011 года

Птицей 2012 года избрана таинственная и прекрасная варакушка – птица из семейства дроздовых, близкая родственница соловья. Птичка, носящая на своей груди символические цвета российской государственности – белый, синий и красный. Эдакий маленький российский знаменосец.

Несмотря на свою необычайно яркую для птицы наших широт окраску, варакушка мало известна широкому кругу людей. И знаете почему? Ее не так-то просто рассмотреть в природе! Поющий самец редко подпускает к себе человека на близкое расстояние, поэтому без бинокля вряд ли удастся полюбоваться тропически-яркой окраской его манишки. И даже с биноклем в руках надо еще исхитриться разглядеть эту птичку. Казалось бы, до крайности увлеченный песней самец, сидящий на вершине куста, не замечает никого вокруг. Но вдруг, не иначе, как почувствовав интерес к собственной персоне, он ловко поворачивается к вам спиной и... продолжает петь, будто ничего не произошло. Он «спрятался». Спинка у варакушки ничем не примечательна – буровато-серая, поэтому, сидя к вам спиной, самец считает себя «невидимым». Если вы будете настаивать на знакомстве и приблизитесь, он просто перелетит на другую присаду – подальше – где и продолжит пение. А то и прервется на завтрак и скроется в траве. Не выпуская вас из виду, он будет собирать беспозвоночных, иногда выпрыгивая повыше и проверяя обстановку.

Несмотря на свою скрытность, варакушка довольно часто селится по соседству с человеком и хорошо известна наиболее наблюдательным и влюбленным в природу садоводам. Описываются случаи проявления этой птичкой невероятной доверчивости, когда она выхватывает червячков чуть ли не из-под лопаты.

Размером варакушка с воробья, но стройнее, с изящными формами и пропорциональными длинными ногами. Это очень грациозная и элегантная птичка. Хвост часто задорно вздернут и в состоянии тревоги слегка подергивается. Улетающую от наблюдателя птицу легко определить по ярко-рыжей окраске хвоста с темным Т-образным рисунком, образованным бурым цветом центральной пары рулевых перьев и бурыми же предвершинными полосами на всех остальных перьях хвоста.

Рисунок горла и груди варакушки заслуживает отдельного описания. Великолепное кобальтово-синее глянцевое оперение горла и верхней части груди очерчено снизу узкой черной полоской; на нижнем ряду черных перьев бывают еще и белые каемки, образующие светлую полосу. Завершает узор каштаново-рыжая полоса, ширина которой различается у разных особей. Наибольшей изменчивостью отличаются форма и цвет пятнышка («звездочки») на синем горле самца – от белого, через всевозможные

промежуточные сочетания рыжего и белого, до полностью красно-рыжего. Пятнышко может быть совсем маленьким или даже полностью отсутствовать. Его цвет в совокупности с размерами, а также тоном окраски верхней части тела служит диагностическим признаком для определения подвидов варакушки, коих в разное время насчитывалось до 11 на всем протяжении ареала. Самцы северных и восточных популяций – из Скандинавии, Севера России, Сибири и Камчатки – носят рыжую «звезду» на синем горле. Рыжезвездная северная раса обитает даже на Аляске, вторгаясь туда узким языком с Чукотки. Белозвездные варакушки населяют главным образом Западную и Центральную Европу, Закавказье и Северный Иран. Довольно часто встречаются белозвездные самцы у среднерусской варакушки. А самцы иранского подвида зачастую и вовсе лишены этого украшения.

Окраска самок почти столь же разнообразна. Встречаются самочки с буроватыми «усиками» и «ожерельем» вокруг сливочно-белого горла, могут быть и с голубыми «усиками», с разной степенью выраженности голубого цвета на зобе и горле. Изредка попадаются самки с самцовой окраской – с полностью голубым горлом и довольно четко очерченной «звездой» в центре. Разумеется, цвета манишки даже самой яркой самки уступают по своей интенсивности окраске самца. И у самок никогда не бывает такой выраженной каштаново-рыжей полосы под синим горлом, как у самцов. Вне сезона размножения по этому признаку можно легко отличить яркую самку от неяркого осеннего самца.

Но не только оперение делает эту птичку столь привлекательной. Любителям-птицеловам она известна, как хороший певец. Недаром это удивительное создание принадлежит к роду соловьев. Песенка у нее длинная, звучная, мелодичная и исключительно разнообразная, одно коленце сменяется другим. Варакушка относится к видам-имитаторам, она заимствует фрагменты песен своих ближайших соседей. Поэтому певцы из разных частей ареала имеют свои собственные песенные особенности.

Изучая песню варакушки, орнитологи получили интересные данные. Оказалось, что варакушка, вплетая в свою песню крики и фрагменты песен многих других видов птиц, не только оповещает остальных участников поселения о том, кто живет по соседству. Закономерно изменяя набор, частоту и порядок следования имитонов в песне, варакушки могут сообщать всей округе, как живут соседи, и что в данный момент происходит в сообществе. Такие вот, своего рода, вестовые. Но и это еще не все. Получив в свое распоряжение столь полезный для пернатых (и не только пернатых) обитателей биоценоза инструмент, варакушка одновременно получила возможность использовать его для подавления своих соседей и

Варакушка. Фото П. Лихачёвой

конкурентов. Заимствуя у них тревожные позы и усиливая их эмоциональное и смысловое воздействие, она преобразует их в так называемые «сверхстимулы», обладающие повышенным воздействием на птиц. Инструментарий для такого преобразования весьма разнообразен. Птица может выкрикивать эти сигналы громче, чище по тону, изменять частоту и скорость их воспроизведения, сбивая с толку и доводя до отчаяния своих пернатых собратьев.

Обладая, с одной стороны, хорошими вокальными данными и являясь близким родственником соловья, варакушка, тем не менее, сильно уступает ему по красоте песни. Видимо, поэтому в названии этой птички использовано старорусское слово «варакать», что значит делать что-либо кое-как, дурно, без умения (или врать, болтать пустяки, говорить вздор). Слово «варакушить», в свою очередь, приобрело значение «передразнивать, корчить, дразнить, подделываться под кого-либо».

В процессе пения самец часто совершает токовые полеты – взлетает вверх по восходящей дуге, а потом медленно планирует вниз на вершину деревца или куста, а то и просто «шлепается» в заросли травы или низкого кустарника. Для варакушки вообще характерен полет с резким нырком в укрытие перед приземлением.

В период распределения территорий самцы очень агрессивны. Если участок приглянулся более, чем одному самцу, между претендентами завязываются настоящие многодневные баталии. Мне довелось наблюдать, как чуть припозднившийся прошлогодний хозяин участка, в ходе боев так и не сумевший доказать свое преимущество, был вытеснен на неудобный – слишком сильно заросший – участок. За этой неудачей закономерно последовала и другая – привлечь самку на неприглядную жилплощадь ему не удалось. Так и пропел холостой самец все лето, пока в июле не начал линять и поглядывать в сторону мест зимовки.

С появлением на своем участке самки кавалер полностью преображается. Шея вытягивается, клювик задирается вверх – так, чтобы синее горло и неповторимой формы и цвета пятнышко не оста-

лись незамеченными избранницей. Крылья томно приопущены, хвостик максимально задран вверх. Выстроив свой силуэт подобным образом и уже не меняя фигуры, самец, слегка трепеща крыльями, спускается к самке. Для полноты эффекта птичка начинает забавно покачивать головой на максимальной вытянутой шее из стороны в сторону. И этот танец, и окраска горла самца призваны не оставить сомнений у самки, на ком остановить свой выбор.

Гнездятся варакушки в речных долинах, по берегам озер и болот, иногда с тростником и камышом, ивой или ольхой, на севере – в лесистых тундрах с заболоченными прогалинами и участками влажных земель, заросших кустарником. Могут подниматься высоко в горы. Одно из основных условий обитания – низкая плотная растительность с разбросанными пятнами открытого грунта, и отсутствие крупных деревьев. Наличие открытой воды скорее способствует поддержанию такой среды обитания, но само по себе не является неотъемлемым условием гнездования варакушки. Нередко можно встретить варакушку, поющую на кустарнике вдоль дороги в пойме реки или на дамбе. Кусты и деревца самец использует только, чтобы устроиться повыше во время пения, гнездо же птица строит на земле.

Гнездо представляет собой углубление в почве, оно может располагаться как на ровном месте, так и на небольшом склоне. В густом кустарнике птицы устраивают гнезда не часто. Нередко гнезда располагаются довольно открыто в куртинах травы или даже на песке с редкой травой среди кустиков ивы. В этом случае птица с удивительным искусством использует неровности рельефа, помещая гнездо так, что его почти невозможно заметить.

Варакушка может устроить гнездо и недалеко от дорожной колеи, что говорит о не слишком большой чувствительности этой птицы к фактору беспокойства. Об этом же свидетельствует и нередкое гнездование варакушек в черте города – например, на склонах оврагов в поймах малых рек или где-нибудь под мостом в компании камышевок, славок и прочих обитателей подобных биотопов. Охотно селится эта птица также на садовых участках.

Появляется варакушка весной довольно рано – в центральной России ее прилет приходится на середину апреля, когда местами еще лежит снег. Первые гнезда появляются уже к концу этого месяца. Пока травяной покров отсутствует, буроватая спинка самки варакушки, плотно сидящей на кладке, хорошо маскирует гнездо с довольно заметными бирюзово-оливковыми яйцами.

Откладывает варакушка 5–7 яиц. В средних широтах птицы часто имеют по два выводка за сезон, но вторые кладки обычно меньше. Насиживает только самка. У самца наседное пятно не образуется, но он вполне может обогревать птенцов. Насиживание длится 13 дней, и примерно столько же птенцы находятся

в гнезде. Выкармливают потомство оба родителя. Выбравшиеся из гнезда птенцы сначала совсем не умеют летать, зато ловко перебегают и затаиваются в траве. По внешнему виду они сильно отличаются от родителей: как и у других дроздовых, окраска у птенцов варакушки покровительственная – на буром фоне разбросаны округлые светлые пестрины. К моменту отлета на зимовку этот наряд уже полностью сменяется на первый зимний, который почти не отличается от зимнего наряда взрослых птиц.

Корм варакушка собирает чаще всего на земле, по краям лужи или болотца, на открытых прогалинах, совершая свои характерные пробежки с внезапными остановками.

Зимуют варакушки в Северной Африке, в Иране, Израиле, Индии, Южном Китае. Улетают они от нас в зимнем наряде, в котором уже невозможно разглядеть «звезду» на синем горле. Само горлышко становится более тусклым, синий цвет – более блеклым, а на кончиках только что отросших после линьки

перьев заметны светлые каемки. На зимовках перед самым отлетом на родину у варакушек происходит частичное обновление оперения, после чего птицы опять готовы лететь к местам гнездовой и радовать нас своей песней и парадным видом.

Варакушка довольно пластичный в экологическом отношении вид, но и она нуждается в нашей помощи. Одна из основных угроз для ранних кладок варакушки – повсеместно распространенное весеннее выжигание сухой травы. Такие весенние палы – серьезнейшее бедствие для многих наземно гнездящихся птиц, к которым, наравне с варакушкой, относятся овсянки, жаворонки, коньки и трясогузки. Много гнезд, да и самих птиц, гибнет во время поздних весенних заморозков. Любители-птицеловы в небольших количествах отлавливают наиболее интересных по песне и окраске самцов для содержания в неволе, однако масштабы этого явления невелики – варакушка весьма требовательна к условиям кормления и содержания.

Е. Л. Мацына

Варакушка¹

Мы перепечатаем очерк о варакушке из книги «Из царства пернатых» замечательного русского фенолога, популяризатора науки и деятеля охраны природы, профессора Петербургского лесного института Дмитрия Никифоровича Кайгородова, которому в 2011 году исполнилось 165 лет. Его книга, впервые опубликованная в конце XIX, выдержала с тех пор не менее восьми изданий (последнее – в 2006 г.) и по праву вошла в золотой фонд русской научно-популярной литературы о птицах.

*В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи:
И лес оденется листвою.*

А. Плещеев

*Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды.
Прохладная стелется тень...*

В. Жуковский

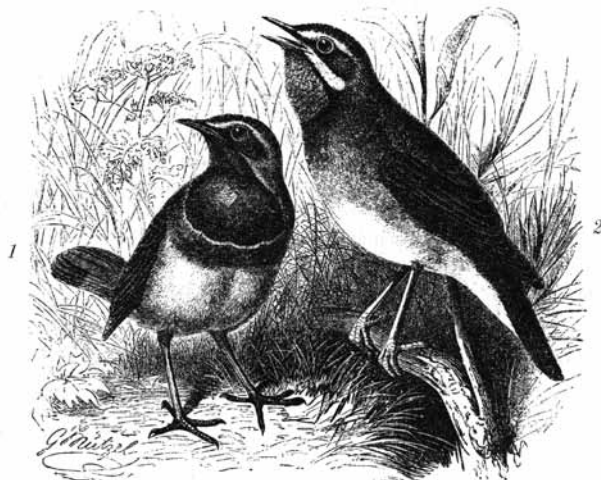
Покончив с дневными трудами, сельский житель, перед отходом ко сну, вышел посидеть на крылечке – подышать смолистым ароматом распускающейся березовой почки, освежить голову ласкающей прохладой весеннего вечера, послушать, не донесется ли из прибрежных кустов щелканье со дня на день ожидаемого «певца любви». Из соседнего леса изредка доносятся последние строфы певчего дрозда. В саду и в ближней роще допевают свои вечерние песни малиновки и горихвостки – все реже и реже – полусонливо... Вот и они умолкли. «Лазурные своды» темнеют все более и более. С песчаной отмели реки долетел тоскливый свист спугнутого кем-то куличка-перевозчика – долетел, повторился

эхом в березовой роще и потерялся в клубах тумана, поднявшегося из сырой ложины. Вслед затем, как бы в ответ, из глубокой, широко размытой и поросшей ольховыми и ивовыми кустами канавы, раздавалась отрывистая, свежая, полная весеннего задора песня: «Ти-ти-титити, рю-рю-рю-рю (как сверчок), титирю, тирю», – далее разнообразные прищелкивания, громкие свисты и затем какое-то пестрое негромкое бормотание-щебетание, плохо слышное издали. Сельчанин, собравшийся уже было уходить, восвояси, остановился и стал прислушиваться к этой странной песне. Заинтересовавшись пением таинственной ночной певуньи, он захотел поближе расслышать неясное издали бормотание птички. Подойдя осторожно к тому месту заросшей канавы, из которой раздавалось пение, он ясно мог расслышать, что упомянутое бормотание состоит из пестрого смешения разнообразных птичьих голосов и особого грудного ворчания или храпения. В общем, вся песня была интересна до чрезвычайности, временами она звучала необыкновенно светло и красиво, временами напевалась как бы про себя, втихомолку. То пела *варакушка*².

¹ *Cyanecula leucocyanus* Brhm. – зорька (Казанская, Харьковская губ.); синешейка, синегрудка, лазоревка.*

* Современное латинское название варакушки – *Luscinia svecica*

² *Варакушить* на народном говоре значит передразнивать, подделываться под кого-нибудь. Очевидно, что название *варакушка* дано этой птичке за ее умение подражать голосам других птиц.

Варакушка (1) и соловей-красношейка (2)
Рис. Густава Мютцеля

Долго слушал сельский житель, сидя на полевом камне, у края канавы, пение этой интересной и прекрасной певуны, пока холодок апрельской ночи не заставил его вздрогнуть раз-другой и вспомнить о теплой постели... Засыпая, он все еще прислушивался к звучным строфам этой песни, изредка долетавшим до его слуха даже через закрытое окно комнаты.

Варакушка – одна из самых красивых и поэтичных наших птичек. Стройная, изящная, на высоких тонких ножках, сверху буренькая, снизу беловатая, с яркосиними горлышком и грудкой, с хвостиком наполовину (от основания) красным, наполовину темно-бурным, и со светлой бровкой над глазами – вот какой является эта милая птичка, приходящаяся вместе с малиновкой близкой родственницей соловью. В таком наряде, впрочем, щеголяет только самчик; у самочки же горло беловатое, и только на зобу находится голубая полоска. У молодых – верхняя сторона с желтыми пятнышками, горло белое, зоб черный.

К сожалению, это прелестное создание встречается далеко не так часто, как этого можно бы желать. Хотя варакушка и попадает на всем протяжении Европейской России, но гнездится преимущественно в северных и средних губерниях, а также и на Кавказе. В Крыму, если и бывает, то только на весеннем и осеннем пролетах. Кроме того, она не особенно многочисленна и на местах своих гнездований ведет довольно скрытный образ жизни. Легче всего ее увидеть весной, в прилетное время (у нас, под Петроградом, во второй половине апреля). В первые дни по прилете поющую варакушку можно встретить вблизи человеческих жилищ на невысоком, еще безлиственном дереве, где-нибудь поблизости от проточной канавы или ручья; также на крыше водяной мельницы, полевого амбара, на перилах моста и тому подобных открытых местах. Позднее же, во время вывода птенцов, варакушки больше скрываются в кустах и редко попадают на глаза.

Из встречающихся у нас варакушек одни имеют посредине синей грудки серебристо-белое пятно

(белозвездная варакушка³), другие же – ржаво-красное (краснозвездная варакушка⁴). Попадают также варакушки и вовсе без грудного пятна⁵.

Любимыми местами гнездовой варакушек являются поросшие кустарником канавы с проточной водой, полевые ручейки, овраги и т. п. В лесах эта птичка не держится. Гнездо – рыхлая, плохенькая постройка из сухих стебельков и тоненьких корешков – помещается обыкновенно на земле, в ямке, тщательно скрытой под нависшей травой или прикрытой ветвями кустарника. Самочка несет шесть – семь светло-голубых с буроватыми крапинками яиц, которые высидиваются ею попеременно с самчиком.

Пищу варакушки составляют насекомые и их личинки, отыскиваемые ею преимущественно на земле, на манер ее родственников – дроздов и малиновок.

Осенью, в сентябре, варакушки отлетают на юг, в Африку. В это время нередко случается спугивать в кустах небольших темно-буреньких птичек, которые, пролетев с десяток шагов, снова быстро скрываются в кустах; при этом бросается в глаза их красный хвостик, раскрывающийся во время полета. Птички эти – варакушки.

Варакушка – умная, бодрая и чрезвычайно подвижная птичка. Она быстро и грациозно бежит по земле, часто приостанавливаясь и грациозно приподнимаясь при этом на своих стройных, тонких ножках. При каждой остановке она обязательно покачает несколько раз своим хвостиком (вроде трясогузки, но только не так учащенно).

В клетке варакушка – милейшая птичка и поет весьма ретиво – как днем, так и вечером, при огне. Клетка для нее должна быть немного длиннее, чем для других певчих птичек – чтобы было где побегать, так как варакушка, если только не поет, большей частью бежит по клетке (а не скачет с жердочки на жердочку, как другие птички). Корм ей полагается такой же, как и соловью. У меня жила одну зиму прекрасная певунья-варакушка на следующем корме: к тертой моркови, смешанной с толченым сухим белым хлебом, прибавлялись муравьиные яйца, мореные мелкие муравьи (мураши – приобретаются в птичных лавках) и 8–10 тараканов-прусаков в день.

На нашем рисунке рядом с варакушкой изображен соловей-красношейка⁶ – прелестная азиатская птичка, гнездящаяся, между прочим, и в азиатской части Пермской губернии и нередко залетающая в Оренбургский край. Сверху буроватая, снизу желтовато-белая, с великолепным ярко-красным (рубиновым) горлышком, птичка эта по своему характеру и образу жизни очень сходна с родственной ей варакушкой. Поет она, говорят, превосходно, хотя отнюдь не может соперничать с нашим соловьем.

³ *Erythacus leucocyanus* Brhm.

⁴ *Erythacus suecicus* L.

⁵ *Erythacus Wolfii*, Brhm.

⁶ *Erythacus Calliope*, Pallas.*

* Современные латинские названия этих форм отличаются от приведенных Кайгородовым.

Наблюдения за осенней миграцией кречетки через Кумо-Маньчскую впадину в 2011 году

Находка в сентябре 2005 года крупного (более 800 птиц) миграционного скопления кречеток на севере Ставропольского края (Л.В. Маловичко и др., 2006. Новые сведения о пребывании кречеток на Ставрополье // Информационные материалы рабочей группы по куликам. № 19) инициировала последующий мониторинг миграции этого вида в Кумо-Маньчской впадине.

На территории Ставропольского края наблюдения за осенней миграцией кречетки в 2011 г. проводились ежедневно с 10 сентября по 1 октября. Первая рекогносцировочная поездка была организована 10 сентября по следующему маршруту: Ставрополь – с. Кивка (урочище Дунда – оз. Маньч) – с. Маньчское – с. Дивное – с. Арзгир – Чограйский. Детально были обследованы балка Голубь Туркменского района, озеро Лысый Лиман и пойма Восточного Маньча, южная часть Чограйского водохранилища и Дадынские озера. В сентябре и первой половине октября учет проводился в Юстинском, Яшульском, Черноземельском, Ики-Бурульском и Приютненском районах Республики Калмыкия на автомагистралях, общая протяженность которых составила около 2000 км. В Республике Дагестан потенциальные территории для остановки мигрирующих кречеток обследованы с 16 по 23 октября 2011 года.

Местность, охваченная учетами 2011 г., представляет собой полынно-злаковую солонцеватую полупустыню. Характерная особенность ландшафта на севере Ставропольского края – интенсивное сельскохозяйственное освоение земель. На солончаковых понижениях и эродированных склонах осуществляется выпас скота, преимущественно крупного рогатого и овец. Возвышенные элементы рельефа чаще всего распаханы. В противоположность южному склону, северная часть Кумо-Маньчской впадины, входящая в состав Республики Калмыкия, менее населена и в меньшей степени хозяйственно

освоена. Трава на калмыцких пастбищах сбита скотом, степень сбитости преимущественно средняя, а в удалении от населенных пунктов – даже слабая. Пахотные земли после экономического кризиса, постигшего сельское хозяйство в последнем десятилетии XX века, оказались заброшенными. Однако в последние годы залежи севернее Чограйского водохранилища вновь стали распахивать.

Обнаруженные стаи кречеток тщательно осматривались в 25-кратные подзорные трубы на предмет наличия цветных колец на лапках птиц. Фиксировались время, географические координаты, количество птиц в стае (в том числе, осмотренных), наличие особей других видов. Кратко описывался биотоп и поведение птиц.

Подавляющее большинство кречеток в 2011 г. встречены на пространстве между меридианами 43°40,715' (с. Воздвиженское Апанасенковского района) и 44°35,598' (пос. Чограйский Арзгирского района). За предыдущие годы наблюдений замечено, что кречетки ежегодно встречаются преимущественно в одних и тех же местах. В частности, это окрестности оз. Малое Соленое, степь и поля в левобережье балки Голубь, верхняя часть Чограйского водохранилища, берег оз. Лысый лиман и прилегающие к нему поля. Привлекательность территории в качестве мест кормежки и отдыха для кречетки напрямую связана с интенсивным сельскохозяйственным использованием земель. Если на южной половине Кумо-Маньчской впадины (земли Ставропольского края) кречеток мы наблюдали регулярно и в значительном количестве, то на прилегающей территории Республики Калмыкия, в меньшей степени подверженной антропогенному воздействию, они встречались довольно редко.

Всего за время наблюдений в 2011 г. в Ставропольском крае нами достоверно отмечено 366 кречеток, а экспертная оценка численности вида здесь составляет около 1900–2000 птиц. Это гораздо меньше, чем в предшествующие годы. В Калмыкии удалось встретить кречетку трижды: 17 сентября 2 птицы отмечены в 8–9 км юго-восточнее п. Октябрьский (Приютненский район) в стае чибисов, насчитывавшей примерно 250 особей и державшейся на берегу протоки Кираста, соединяющей залив Маньч и оз. Крутянское. В этот же день еще одна птица отмечена в стае чибисов из 300 особей, державшейся в 11–12 км западнее места встречи предыдущих птиц на полуострове, вдающемся с юга в залив Маньч на западной окраине заповедника «Черные земли». Еще 2 кречетки встречены 18 сентября на территории Ставропольского края, в 5 км от границы с Калмыкией, на западном берегу оз. Белое. В Дагестане утром 22 октября в урочище «Проран» на обсохшем участке

Кречетка. Балка Голубь. Фото Л.В. Маловичко

дна мелководий Кизлярского залива с редкими зарослями солянок подняли стаю кречеток из 20 птиц. Скорее всего, это были молодые птицы.

Таким образом, за период наших наблюдений на территории Ставропольского края, Калмыкии и Дагестана отмечено почти 400 кречеток, причем не встречено ни одной окольцованной птицы.

Данные наблюдений 2011 года и прошлых лет позволяют предположить, что мигрирующие кречетки предпочитают участки низкотравной степи и обрабатываемые поля, расположенные недалеко от источников пресной воды. При этом на полях кречетки более охотно и в большем количестве кормятся на вспаханных безотвальным методом, но плохо боронованных полях, особенно если на них сохранились остатки растений и кое-где начали всходить побеги молодой травы; вероятно, здесь больше насекомых. На таком поле птицы могут проводить весь день, отлетая только к водопою и опять возвращаясь. Кормятся кречетки также на сильно сбитых скотом пастбищах и убранных зерновых полях, на участках вытопанной стерни.

Приемлемые для вида кормовые биотопы характеризуются изреженным и низким растительным покровом или его отсутствием. Другое важное требование – рыхлость верхнего слоя почвы. Это особо наглядно видно на примере использования птицами паровых полей. При этом наибольшее значение для них, вероятно, имеют поля с расположенными по периметру участками степей, где в ранние часы, на границе «поле – степь», по всей видимости, больше насекомых, чем в центре однообразных полей. Для отдыха в дневное время птицы предпочитают хорошо вспаханные и проборонованные ровные поля.

Кречетки чаще всего встречаются в стаях с чибисами, степными тиркушками, турухтанами и степными жаворонками. Во время миграции в Кумо-Манычской впадине нередко отмечаются кормящиеся стаи степных тиркушек, состоящие из нескольких тысяч (иногда более 10 тысяч) особей. Осмотр сбитой машиной тиркушки показал, что упитанность ее была хорошей: жиром были покрыты даже внутренние органы.

Во время миграции кречетки тесно связаны с водоемами. В жаркие дни их стаи наблюдали на глини-

Кречетки и чибисы. Чограйское водохранилище
Фото Л.В. Маловичко

стых пологих, лишенных растительности берегах. В районе наших исследований птицы наиболее часто посещали Чограйское водохранилище, озера Лысый лиман и Малое Соленое. Именно на Малом Соленом озере 11 сентября 2005 г. впервые была обнаружена стая из 600–700 кречеток. Однако в последние годы это озеро утратило прежнее значение для кречеток и многих других околоводных птиц из-за уменьшения поступления в него пресной воды. Осенью 2011 г. по той же причине отсутствия пресной воды птицы не посещали оз. Довсун.

Существенных факторов, негативно воздействующих на кречеток, за время наблюдений не отмечено. Выжигание сухой растительности на полях в осеннее время, вероятно, не сказывается отрицательно на этих птицах. Из предположительно отрицательных факторов можно отметить недостаток источников пресной воды (артезианских скважин) рядом с местами кормежки птиц. Вероятно, оказывает отрицательное воздействие на кречеток и фактор беспокойства, поскольку охота в Калмыкии начинается 19–20 сентября, в период наиболее интенсивного пролета кречеток.

Работы проводились в рамках проекта «Совершенствование системы и механизмов управления ООПТ в степном биоме России».

**Л.В. Маловичко, В.М. Музаев,
Г.С. Джамирзоев**

Искусственные гнездовья для ямальских кречетов

С 2009 г. при поддержке Союза охраны птиц России на полуострове Ямал осуществляется проект установки искусственных гнездовых ящиков для кречета (*Falco rusticolus*). Как известно, хищные птицы охотно заселяют искусственные гнездовья (платформы, ящики), особенно в тех районах, где они испытывают нехватку доступных мест для гнездования (смотри, например: Грищенко, 1997; Ивановский, 2008; Карякин, Николенко, 2011; Потапов, 2005; и др.). Так, благодаря установке гнездовых ящиков в открытых степных и

полупустынных районах Монголии, удалось расселить балобана на территориях, богатых кормовыми ресурсами, но ранее недоступных для гнездования из-за отсутствия подходящих субстратов (Потапов, 2005). В отношении кречета опыт использования искусственных гнезд есть пока только в Норвегии, где в 1990-х гг. было установлено 10 гнездовых платформ, укрепленных на непрочных и осыпающихся уступах скал; все платформы занимались кречетами в 2000–2010 гг., и успех размножения птиц здесь был даже чуть выше,

чем в естественных гнездах (А. Østlyngen, личное сообщение). В 2009 г. начали развешивать гнездовые ящики для кречетов в Финляндии, но о результатах пока не известно (Р. Koskimies, личное сообщение).

Идея установки искусственных гнездовий для кречета на Ямале связана с тем, что в результате многолетнего (более 30 лет) мониторинга в последние 10 лет было отмечено неблагоприятное состояние гнездовой группировки этого вида. В 1980-х – середине 1990-х гг. плотность гнездования кречета в лесотундре Ямала была выше, чем в большинстве других регионов России. Но с 2000 г. она, по нашим данным, постоянно остается низкой, что особенно заметно на фоне хорошего состояния популяций других «краснокнижных» видов: население беркута и орлана-белохвоста за тот же период увеличилось, численность сапсана остается стабильной.

Причин неблагоприятия ситуации с кречетом, вероятно, несколько. Во-первых, этот вид теснейшим образом связан со своими основными видами-жертвами – белой и тундряной куропатками, обилие которых подвержено значительным многолетним колебаниям. Например, исследования О. Нильсена в Исландии выявили, что «волны» изменений гнездовой плотности кречета следуют за колебаниями численности куропаток, отставая от них на 2–3 года (Nielsen, 1999). На юге Ямала численность белой куропатки – основной добычи кречета – сильно упала в конце 1990-х гг. Однако к середине 2000-х гг. она вновь стала высокой, а популяция кречета осталась на низком уровне.

Вторым отрицательным фактором может быть антропогенный. Как известно, кречет – один из наиболее популярных видов, используемых в соколиной охоте, и в последние два десятилетия многие его популяции в России несут большой урон от нелегального, а в некоторых случаях – и легального (для нужд частных питомников) изъятия яиц и птенцов и отлова взрослых птиц (Лобков и др., 2008; Potapov, Sale, 2005; Koskimies, 2006). Для территории Ямала нам известно несколько фактов такого рода, но, конечно, далеко не все они выявляются. Так, летом 2000 г. браконьеры забрали птенцов из нескольких гнезд; осенью 2005 г. отловили по крайней мере 2-х молодых птиц, а в 2009 г., по опросным сведениям, «легальные» сборщики яиц в мае опустошили практически все доступные гнезда кречета, в результате чего летом мы обнаружили всего одно жилое гнездо, и находилось оно на отвесной скале, куда без специального снаряжения не добраться.

И, наконец, еще одна причина, сдерживающая увеличение численности кречета на Ямале, – недостаток доступных гнездовых построек. Дело в том, что, как и все соколы, кречеты не строят гнезда сами. А откладывать яйца просто на землю, как, например, сапсаны, они тоже не могут, поскольку приступают к насиживанию в апреле – начале мая, когда на Севере еще лежит снег. Поэтому на большей части своего ареала кречеты занимают гнездовые постройки воронов или

Выпавший птенец кречета. Фото Т. Прёля

крупных хищных птиц, расположенные на уступах отвесных скал и чаще всего (в 80 % случаев) прикрытые сверху нависающими «козырьками» – такие гнезда ранней весной слабо занесены снегом, и птицам не приходится их «откапывать» (Potapov, Sale, 2005).

На Ямале, как и в других равнинных северных районах, скал мало, и здесь кречеты вынуждены занимать гнезда на деревьях. В 1970-х–1980-х гг. они гнездились преимущественно в крупных и прочных постройках орлана-белохвоста, диаметром и толщиной метр–полтора и более. Но с середины 1990-х гг. птицы все чаще стали использовать небольшие гнезда, диаметром 50–70 см, построенные вороном и мохноногим канюком (зимняком), а крупные занимать практически перестали. Главный недостаток небольших гнезд – непрочность: когда подросшие птенцы кречета активно двигаются, края гнезда разрушаются. Если такое непрочное гнездо расположено на уступе скалы, то для птенцов это не имеет особого значения, но если на дереве – то один-два птенца нередко оказываются на земле, не удержавшись на оставшемся «пяточке». Упавшие пуховые птенцы погибают от голода, так как взрослые птицы их не кормят. Даже если птенцы уже достаточно подросли, чтобы взобраться на какое-либо возвышенное место и привлечь внимание родителей, они чаще всего все равно не выживают, так как становятся добычей наземных хищников: медведя, волка, лисицы.

Таким образом, с середины 1990-х гг. продуктивность кречета на Ямале снизилась из-за отхода большого числа птенцов, что, несомненно, связано с предпочтением гнезд небольшого размера (Мечникова и др., 2010). Мы знаем по крайней мере 3 случая, когда эти крупные соколы использовали даже постройки серой вороны диаметром около 40 см! В двух таких гнездах выжило только по одному птенцу, в третьем – ни одного. Самое удивительное, что крупных пустых гнезд орлана-белохвоста на юге Ямала предостаточно – их число даже возросло в последние годы в связи с увеличением численности орлана. Но кречеты перестали их занимать. Чем это можно объяснить?

Мы предполагаем, что это может быть связано с проблемой доступности гнездовых построек ранней

Искусственное гнездовье. Фото П. Мечниковой

весной. На гнездах, расположенных на деревьях, к концу зимы образуются мощные снеговые «шапки», поэтому птицам в марте – апреле приходится изрядно «поработать», чтобы их очистить. Но если снег уплотняется и смерзается в ледяную глыбу, кречеты вообще не могут расчистить крупное гнездо и вынуждены занять более мелкое. Возможно, в последние годы уплотнение снега стало наблюдаться чаще из-за изменения климата в Арктике, а именно – из-за зимних оттепелей, чередующихся с морозами. Таким образом, крупные гнезда стали менее доступными для кречета.

В этой ситуации мы решили помочь птицам решить «жилищную проблему», установив для них на деревьях гнездовые ящики, закрытые сверху от снега. Ящики делаем из досок, размер их гнездовой площадки 70 x 55 см, высота 60 см; внутрь помещаем старое гнездо ворона либо искусственно сделанное гнездо из веток с травяной и моховой выстилкой. Укрепляем искусственные гнездовья на деревьях с таким расчетом, чтобы выход был ориентирован на восток (так гнездо будет меньше заноситься снегом), и чтобы гнездовье было не очень заметно с реки (это хоть и слабая, но все-таки защита от браконьеров – разорителей гнезд).

В работе по изготовлению и установке гнездовых ящиков нам помогали волонтеры: Петр Романов, Торстен Прёль (Torsten Pröhl), Илья Уколов и Дмитрий Ситников, за что мы им очень благодарны. За два

сезона мы повесили 15 гнездовых. Конечно, этого мало, и мы планируем продолжать наш проект. Будем очень рады добровольцам, готовым в июне-июле помочь в этой работе. Надеемся, что через год-два, когда плотность размещения ящиков будет достаточно высокой, кречеты начнут их занимать. В дальнейшем, если проект будет успешным, его можно реализовать и в других равнинных лесотундровых районах, где соколы испытывают недостаток надежных и доступных гнездовых субстратов.

Литература:

Грищенко В.Н. 1997. Биотехнические мероприятия по охране редких видов птиц. Черновцы.

Ивановский В.В. 2008. Итоги многолетнего опыта привлечения дневных хищных птиц в искусственные гнездовья. // Новітні дослідження соколоподібних та сов. Матеріали III Міжнародної наукової конференції «Хижі птахи України».

Карякин И.В., Николенко Э.Г. 2011. Результаты проекта по восстановлению мест гнездования хищных птиц в республике Тыва, Россия. // Пернатые хищники и их охрана, № 21.

Лобков Е.Г., Герасимов Ю.Н., Горovenko А.В. 2008. Кречет на Камчатке: новые материалы по состоянию популяции. // Изучение и охрана хищных птиц Северной Евразии. V конференция по хищным птицам Северной Евразии. Иваново.

Мечникова С.А., Романов М.С., Калякин В.Н., Кудрявцев Н.В. 2010. Кречет на Ямале: динамика величины выводка и размеров гнезд в период 1973-2008 гг. // Экология, № 3.

Потапов Е.Р. 2005. Последние результаты проекта по установке искусственных гнездовых в Монголии. // Пернатые хищники и их охрана, № 1.

Koskimies P. 2006. Action plan for the Gyrfalcon (*Falco rusticolus*) in Europe. // Status of raptor populations in Eastern Fennoscandia. Proceedings of the Workshop, Kostomuksha, Karelia, Russia, November 8–10, 2005.

Nielsen Ó. K. 1999. Gyrfalcon predation on ptarmigan: numerical and functional responses. // Journal of Animal Ecology, 68.

Potapov E. R. & Sale R. 2005. The Gyrfalcon.

С.А. Мечникова, Н.В. Кудрявцев

Встречи редких птиц в природном парке «Донской»¹ и на прилегающих территориях

Природный парк «Донской» состоит из двух территориально удаленных участков: «Дельта Дона» и «Островной». Как ясно из названия, первый из участков расположен в дельте реки Дон. Настоящее

сообщение основано на наблюдениях, проведенных на этом участке. Фауна птиц здесь изучена достаточно полно. Аннотированный список видов птиц, обитающих в дельте, приведен в книге В.А. Миноранского «Дельта Дона» (Ростов-на-Дону, 2004). Тем не менее, сведения о новых встречах редких видов птиц на рассматриваемой территории заслуживают внимания.

¹ К моменту сдачи этого текста в печать решением администрации Ростовской области природный парк «Донской» ликвидирован. На территории, которую он занимал, установлен режим охотничьего заказника.

Черный аист *Ciconia nigra* L. Этот вид крайне редок в Ростовской области. Достоверных сведений о находках гнезд в последние десятилетия мы не имеем. Регистрации пролетных особей отмечены в окрестностях Веселовского водохранилища (Б.А. Казаков. «Берегите, их осталось мало». Ростов-на-Дону, 1983), в Целинском, Константиновском и Азовском районах (Б.А. Казаков и др. «Птицы Северного Кавказа». Ростов-на-Дону, 2004). В.А. Миноранский в своей книге указывает единственную встречу отдельных особей в пределах дельты Дона 4 сентября 2004 г. в Кулешовском заказнике.

Нами встречена группа из 9 особей черных аистов в стае с каравайками, большой белой и серой цаплями 10 августа 2009 г. в окрестностях хутора Дугино. В дальнейшем эта группа наблюдалась в течение 10 дней на ерике Лагутник, вблизи хутора Недвиговка.

Чеглок *Falco subbuteo* L. В.А. Миноранский указывает этот вид как гнездящийся в дельте Дона «в минимальном количестве», не приводя конкретных находок гнезд. Нами гнездо чеглока найдено 12 июля 2009 г. Оно располагалось в развилке ивы, на высоте 2,5 метра от земли; самка насиживала кладку из 3-х яиц.

Орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla* L. Орланы-белохвосты – постоянные обитатели дельты Дона. В.А. Миноранский оценивает количество гнездящихся здесь орланов в 10–12 пар, что, по нашим данным, близко к реальности и в настоящее время. В течение 12 лет пара белохвостов гнездилась в черте города Ростова-на-Дону. По нашим наблюдениям, с 1998 по 2010 гг. птицы этой пары не размножились в известном нам гнезде на Зеленом острове только два сезона: в 2007 и 2009 гг. Возможно, в 2008 году на острове гнездились две пары орланов, так как при

посещении нами гнездового участка на крик слетевшего с гнезда белохвоста подлетела вторая птица и еще одна пара взрослых белохвостов. Однако поиски второго гнезда тогда к успеху не привели.

5 апреля 2010 г. гнездо, в котором раньше гнездились орланы, оказалось пустым. Его вид говорил о том, что оно не подновлялось в течение последних двух лет. Жилое гнездо было обнаружено в 1,5 километрах восточнее, на высоком тополе. Судя по массивности постройки, оно использовалось не первый год. Взрослая птица насиживала кладку или обогревала маленьких птенцов.

Вблизи гнезд орланов в черте Ростова-на-Дону были найдены остатки пищи, включавшие жаберные крышки довольно крупных сазанов, черепа ондатры, череп и перья кряквы. Визуально отмечено, как взрослая птица приносила на гнездо довольно крупную щуку. Окрестности гнезда орланов регулярно посещаются серыми воронами, подбирающими остатки корма, что не позволяет исследовать питание белохвостов более полно. В отдельных случаях вороны пытаются схватить корм с гнезда, на котором насиживает птица. Нередко наблюдаются конфликты: белохвосты отгоняют ворон, пытающихся опуститься на гнездо в отсутствие хозяев.

В целом, создается впечатление, что численность орланов в дельте Дона и на прилегающих участках близка к предельной. Такой вывод подтверждается фактом гнездования пары белохвостов на опоре высоковольтной ЛЭП в 2010 году в окрестностях хутора Рогожкино. Можно предположить, что причиной необычного для рассматриваемого района устройства гнезда послужил дефицит привычных мест гнездования на старовозрастных деревьях.

А.Д. Липкович, М.В. Таманцян

Воздействие пожаров на видовой состав и численность птиц в Балахнинской низине

На самом юго-востоке Ивановской области, на стыке с соседними Владимирской и Нижегородской областями располагается один из интереснейших и особо ценных природных комплексов региона – Балахнинская низина, северная часть которой формирует ключевую орнитологическую территорию (КОТР) международного значения «Южское поозерье» (ИВ-14). Балахнинская низина представляет собой обширную зандровую долину с массивом соснового леса. После схода ледниковых вод пески подвергались активному ветровому воздействию, в ходе которого сформировался дюнный рельеф. Междюнные понижения были заполнены водой, сформировались озера, часть которых за прошедшие тысячелетия превратилась в болота, а другие увеличили свой размер за счет карстовых процессов. С запада этот своеобразный природно-ландшафтный комплекс

ограничен широкой поймой реки Клязьмы, на севере располагаются крупные выработанные торфяные карьеры, а на востоке в песчаную равнину врезалась река Лух. Все это создало сложный мозаичный ландшафт и при малой населенности человеком обусловило высокий уровень видового разнообразия.

Орнитофауна этого уникального природно-ландшафтного комплекса отличается высокой спецификой и своеобразием, богатством редких видов. Изучение авифауны северной части Балахнинской низины ведется нами с 2001 года; здесь выявлено 160 видов птиц, из них 148 гнездящихся, 9 пролетных, 3 вида встречены только на пролете. Из видов Красной книги России гнездятся черный аист, змеяд, орлан-белохвост, беркут, большой подорлик, большой кроншнеп, филин, серый сорокопуд, белая лазоревка. На прилегающих участках поймы р. Лух

селится скопа, и птицы иногда прилетают охотиться на торфяные карьеры. На болотах и гарях с высокой плотностью гнездится большой улит; он предпочитает сухие участки на гарях, помещая гнездо в ямке в песке, у лежащих сухих стволов сосен. В сосновых лесах, особенно на участках, подвергшихся пирогенному воздействию, обитает трехпалый дятел. Гнездование в Ивановской области еще одного редкого вида – дербника – было впервые обнаружено именно в Балахнинской низине. Гнезда этого мелкого сокола найдены как в сосновых лесах, так и на торфоразработках.

Серьезную угрозу для Балахнинской низины представляют пожары. При описании этой территории как КОТР пирогенное воздействие было названо наиболее важным негативным фактором. Пожары на этой территории – явление, к сожалению, довольно обычное. Этому способствуют сами природные условия. Аллювиальные пески свободно пропускают воду, и после снеготаяния и дождей почва высыхает очень быстро. В борах-беломошниках сухой лишайник и многочисленные упавшие ветки сосны позволяют быстро распространяться низовым пожарам. Особо огнеопасны выработанные торфяники. В ходе работы нам неоднократно приходилось справляться с небольшими пожарами.

Первая попытка начать работу на этой территории, предпринятая в июле 1996 г., оказалась неудачной. Мы переехали из Клязьминского заказника на оз. Заборье и, к счастью, не отпустили машину. За озером поднимался мощный фронт дыма, и даже озерная прохлада не могла сдержать жар огненной стихии. Пришлось вернуться на Клязьму. По дороге встретили три группы туристов, выводимых из опасного участка лесниками.

Непосредственно в нашем районе исследований большие площади подверглись пожарам и в 2002 г. На следующий год, в майскую декаду, на нашу стоянку мы шли большей частью уже не по лесу, а по гари. Уже тогда у нас родился термин а-ля черный юмор – природный парк «Горелки». А у самой стоянки, в пройденной низовым пожаром сосняке, среди черноты сгоревших лишайников насжила кладку глу-

харка и, считая себя незаметной, с тревогой посматривала на проходящих мимо людей. Мы ее также «не замечали» и старались не беспокоить. После этих пожаров значительно возросла численность трехпалого дятла, на старых гарях стал гнездиться большой улит. Жизнь шла своим чередом, на месте горельников были посажены и подрастали молодые сосны, затягивались ожоги и в переживших низовые пожары борах. Природа зандров адаптирована к умеренному воздействию пирогенного фактора. Но пожарная катастрофа 2010 года оказалась разрушительной даже для «закаленной» Балахнинки...

Южский и Пестяковский районы Ивановской области в 2010 году стали одной из наиболее пострадавших от лесных и торфяных пожаров территорий Европейской России. Здесь было повреждено огнем более 250 км², что почти в 20 раз больше самых крупных пожаров двух последних десятилетий. Мощные пожары оказали серьезное влияние на видовое разнообразие природного комплекса, в том числе и на птиц. Так, для большинства редких видов пожары 2010 года стали критическими – на следующий год после них не были отмечены беркут, большой подорлик, большой кроншнеп, филин, белая лазоревка. Снизилась численность глухарь, серый сорокопуд, серый журавль, большой улит.

Для оценки влияния пожаров на население птиц в мае 2011 года проведены количественные учеты на пожарных участках разных типов. Были заложены 4 учетные площадки на участках соснового леса, в разной степени поврежденных огнем в 2010 г. В 2011 г. на этих площадках отмечены всего 23 вида птиц из 13 семейств и 3 отрядов, из них 17 – гнездились непосредственно на пожарных участках, а 7 – использовали пройденные пожаром участки учетных площадок как кормовой биотоп.

Площадка № 1, в наименьшей степени поврежденная пожаром, представляла собой высокоствольный сосновый лес, пройденный низовым пожаром, с выгоревшей подстилкой и подлеском, обожженными стволами, но выжившими, сохранившими зеленую хвою деревьями. Здесь отмечено 8 гнездящихся видов птиц, наибольшее значение плотности имели два вида: лесной конек и зяблик (смотри таблицу).

В большей мере пострадал от пожаров 2010 года участок леса вдоль оз. Глубокое (площадка № 2). Сосны здесь стояли, в основном, с погибшей хвоей; встречались полностью выгоревшие участки леса, а также горелая поросль молодых берез. Несмотря на это, птицы здесь гнездились – отмечено 4 вида. На этой площадке количественные учеты птиц проводились и до пожаров – в мае 2010 года, когда было отмечено 16 видов. Большинство видов в первый год после пожаров не заселили этот участок, а общая плотность населения птиц снизилась почти в три раза (смотри таблицу). Однако плотность трех видов осталась на том же уровне или даже возросла: увеличилась

численность лесного конька и дерябы, на прежнем уровне осталась численность зяблика. Разрежение подлеска и отсутствие конкуренции со стороны других видов сказалось на этих видах благотворно.

Выгоревшие молодые (5–8 летние) посадки сосны и березы (площадка № 3) заселили 8 видов. Кроме одиночных пар воробьиных птиц, на «вымочках» в пределах площадки загнездились кулики – большой улит, травник и бекас, не отмечавшиеся на этом участке в предыдущие годы. Гнездованию этих видов благоприятствовало то, что древесная поросль и кустарник вдоль берегов луж были уничтожены огнем.

Четвертая площадка до пожара 2010 г. представляла собой вырубку на старой гари, засаженную 3–4 летней сосной. Причем посадки проводились непосредственно между стволами погибших в пожары

2002 года усохших сосен. В 2010 г. вся древесина здесь выгорела практически нацело, и на следующий год площадка представляла собой обширный участок голого песка, лишь присыпанного золой, с лежащими остатками почти полностью сгоревших стволов ранее упавшего сухостоя. На этой сплошной гари не отмечено гнездования птиц, только по берегам большой лужи загнездились 3 вида – чирок-свистунок, большой улит и две пары чибисов. Ранее гнездование чибиса в пределах Балахнинской низины отмечалось только на торфоразработках, а в 2011 г. небольшие гнездовые группы (по 2–4 пары) встречены во многих местах – на влажных понижениях среди открытых гарей. Выгорание поросли оказалось благоприятным для этого вида, видимо, обеспечив необходимый обзор.

Плотность населения гнездящихся видов птиц на обследованных площадках (пар/10 га)

	№2 (2010)	№ 1 (2011)	№2 (2011)	№3 (2011)	№4 (2011)
Чирок-свистунок	–	–	–	–	0,33
Чибис	–	–	–	–	0,67
Черныш	–	0,67	–	–	–
Большой улит	–	–	–	0,67	0,33
Травник	–	–	–	0,67	–
Бекас	–	–	–	1,33	–
Обыкновенная кукушка	0,45	–	–	–	–
Большой пестрый дятел	0,45	–	–	–	–
Лесной жаворонок	–	–	–	0,67	–
Лесной конек	1,79	3,33	2,24	0,67	–
Белая трясогузка	–	–	–	0,67	–
Садовая камышевка	0,45	–	–	–	–
Пеночка-весничка	1,35	1,33	–	–	–
Пеночка-теньковка	0,45	–	–	–	–
Желтоголовый королек	0,90	–	–	–	–
Мухоловка-пеструшка	0,90	–	–	–	–
Луговой чекан	–	–	–	0,67	–
Зарянка	1,79	–	–	–	–
Рябинник	–	0,67	–	–	–
Белобровик	1,35	–	–	–	–
Певчий дрозд	0,90	0,67	0,45	–	–
Деряба	0,45	1,33	0,90	–	–
Пухляк	1,79	–	–	–	–
Большая синица	0,45	–	–	–	–
Обыкновенный поползень	0,45	–	–	–	–
Зяблик	2,24	2	2,24	–	–
Чиж	–	0,67	–	–	–
Обыкновенная овсянка	–	–	–	0,67	–
Все виды	16,14	10,67	5,83	6	1,33
Количество видов	16	8	4	8	3
<i>Индекс Шеннона Hs</i>	–2,60	–1,89	–1,22	–2,04	–1,04
<i>Выравненность Eh</i>	–0,94	–0,91	–0,88	–0,98	–0,95

В целом, результаты исследований показывают, что участки леса, пройденные пожарами, на следующий год характеризуются низким видовым разнообразием населения птиц, при высоком уровне выравненности (смотри таблицу). Исчезают или зна-

чительно снижают численность многие виды, однако для некоторых птиц плотность населения может возрастать, а отдельные виды начинают гнездиться на ранее не заселяемых ими участках.

Восстановление экосистем Балахнинской низины после пожаров 2010 г., несомненно, будет происходить долгие годы, и его ход в значительной степени станет зависеть от характера ведения лесного хозяйства. В настоящее время активно проводятся рубки на пройденных огнем территориях, однако вырубается участки старовозрастного леса, зачастую незначительно затронутого низовым пожаром. Горельники на участках молодого леса не востребованы, они, как и в предыдущие годы, будут усыхать на корню и в любое засушливое лето могут стать полигоном для быстрого распространения огня на большие площади.

В.Н. Мельников
Фото автора

Мониторинг численности стрепета в Оренбургской области

В рамках проекта «Оценка численности и основных экологических факторов, влияющих на состояние популяций стрепета в пилотных степных регионах России» в мае 2011 года Саратовским региональным отделением Союза охраны птиц России проводился мониторинг численности стрепета в Оренбургской области. Экспедиционное обследование на маршруте длиной более 3000 км затронуло большую часть южных районов области, в том числе участки Оренбургского заповедника. В настоящее время идет обработка результатов учетов, но уже можно констатировать факт широкого распространения стрепета в Оренбургской области, с максимальной выявленной плотностью до 14–15 особей на 1 кв. км.

Во время мониторинга были выявлены ряд факторов, которые могут оказывать негативное воздействие на состояние стрепета в Оренбургской области. По всей видимости, стрепет может служить объектом браконьерской охоты, особенно на территориях новых охотничьих хозяйств, созданных различными бизнес-структурами и ведомствами. Высок уровень беспо-

койства вида по причине растянутого посевного сезона у многих сельхозпроизводителей. Практически везде на протяжении маршрута экспедиции в течение всего мая и начала июня велись полевые работы, что вынуждало стрепета перемещаться в нехарактерные для него биотопы – например, на голую пашню. При этом самки устраивали кладки в заведомо бесперспективных участках, типа узких полос степной растительности вдоль полевых дорог.

Также были отмечены последствия практически повсеместных пожаров прошлого года. Выгорели многие участки не только со степной, но и с лесной растительностью. Кроме этого, были выявлены следы пожаров уже 2011 года. Следует отметить, что неконтролируемые палы в гнездовой период могут быть серьезным негативным фактором как для стрепета, так и для других видов птиц.

Во время экспедиции уделялось внимание не только стрепету, но и другим степным видам. Были обнаружены несколько жилых гнезд могильника, отмечена очень низкая численность степного орла и курганника. Многие обычные виды птиц (соловей, жулан и др.) прилетели в места гнездования в 2011 году гораздо позже привычных сроков. Водоёмы области также были пусты, на многих из них численность водоплавающих и околоводных птиц была очень низкой. По всей видимости, это было следствием аномальных условий прошлого года не только в местах гнездования, но и на зимовках и миграционных путях. В связи с этим необходимо принять срочные меры, включающие временный запрет охоты и экстренные противопожарные мероприятия.

**Саратовское региональное отделение
Союза охраны птиц России
www.drofa.info**

Гнездо стрепета. Фото А. Антончикова

Камско-Бакалдинские болота: последствия катастрофических пожаров 2010 года

Камско-Бакалдинские болота – один из 35 рамсарских объектов России, крупнейший в бассейне Волги болотный массив, сохранившийся в естественном состоянии, ключевая орнитологическая территория всемирного значения, ядро экологического каркаса Русской равнины. Площадь КОТР – 3160 км², площадь рамсарского угодья – 2265 км².

Пожары – один из важнейших факторов, определяющих облик территории и влияющих на ее состояние. В 2010 г. пожарами было охвачено 1452 км², в том числе повторно пройдено пожарами после 1972 г. – 932 км², площадь вновь сгоревших территорий составила 520 км². Катастрофические пожары 2010 года отбросили к начальному этапу идущую уже в течение 40 лет (после 1972 г.) восстановительную сукцессию лесных и болотных экосистем. Обширные площади лесов, затронутые пожарами разной степени интенсивности, предполагают организацию крупномасштабной разработки горельников. Это, в свою очередь, скажется на благополучии объектов охраны данной территории, в первую очередь птиц, наиболее чувствительных к беспокойству и рубкам леса.

На территории Камско-Бакалдинских болот организовано 18 памятников природы, спроектировано еще три. Катастрофические пожары поставили вопрос о сохранении данными ООПТ своей природоохранной значимости и целесообразности корректировки их числа, границ, режимов охраны.

В 2011 г. Нижегородским отделением Союза по заданию Министерства экологии и природных ресурсов Нижегородской области было проведено обследование территории Камско-Бакалдинских болот. Его целью стали выявление и минимизация ущерба лесным экосистемам и редким видам живых организмов от пожаров 2010 года, а также оценка послепожарного состояния ООПТ областного значения и их способности обеспечения природоохранных функций. Территорию Керженского биосферного заповедника исследованиями не затрагивали.

Для оценки состояния лесов и болот было выделено и описано 285 модельных точек на территории всех существующих и проектируемых ООПТ, затронутых пожарами 2010 г. Точки располагали преимущественно на участках лесов и болот, состояние которых по данным дистанционного зондирования обозначено как неясное. Однако, для полноты картины, часть модельных точек выделялись как на полностью сгоревших, так и на хорошо сохранившихся участках лесов. На каждом модельном участке определялись растительный тип, состав и примерный возраст древостоя, доля живых деревьев в древостое, высота нагара на стволах деревьев, доля живых растений в составе подростка и подлеска.

Для болот дополнительно оценивали сохранность напочвенного покрова. В каждой точке делалось несколько фотоснимков, иллюстрирующих состояние экосистем.

Состояние редких видов птиц

Модельными видами птиц для оценки состояния территории были выбраны серый журавль, крупные хищные птицы и кулики.

Серый журавль. Вид занесен в Красную книгу Нижегородской области. В то же время журавль – важнейший элемент всех болотных экосистем, «зонтичный» вид, состояние которого служит индикатором сохранности биоценоза в целом. Камско-Бакалдинские болота – один из ключевых участков ареала серого журавля в Приволжском федеральном округе.

В период с 1980 по 2011 гг. на Камско-Бакалдинских болотах нами неоднократно проводились учеты численности серого журавля в гнездовой период. Использовалась стандартная методика пеленгования по голосам. На модельной площади около 270 км² учет 2011 года стал уже пятым.

В целом на территории Камско-Бакалдинских болот с начала 1980-х до начала 2000-х гг. наблюдался почти двукратный рост численности серого журавля. Эти данные согласуются с общеевропейской динамикой вида. В начале третьего тысячелетия численность имеет тенденцию к стабилизации, скорость прироста замедляется. Пожары 2010 г. вызвали спад численности вида на 13%, что сравнимо с величиной годового прироста (долей молодых на предлетных скоплениях в Нижегородской области). Роль Камско-Бакалдинских болот как ключевого участка ареала вида сохраняется, а популяция журавлей при восстановлении гнездовых стаций может восполнить утраты достаточно быстро. В настоящее время угрозу для благополучия вида могут представлять

Вывал леса. Фото автора

интенсивные работы по расчистке горельников на большой площади. Минимизировать отрицательные последствия этого фактора можно, ограничив сроки рубок на окраинах болот: эти работы не должны вестись в гнездовой период (с 1 апреля по 15 июля).

Крупные хищные птицы (беркут, скопа, орлан-белохвост). Для этих видов, занесенных в Красную книгу России, Камско-Бакалдинские болота – важнейшее ключевое местообитание. В результате реализации крупномасштабной долговременной областной программы биотехнических мероприятий эта группа птиц выведена из-под непосредственной угрозы исчезновения. Тем не менее, при численности в десятки пар редкие хищные птицы остаются уязвимыми, за динамикой их численности необходим постоянный контроль в ключевых местообитаниях. После катастрофических пожаров, охвативших в 2010 г. Камско-Бакалдинские болота, такой контроль в 2011 г. особо актуален. Мы обследовали большинство выявленных в 1988–2010 гг. в пределах рамсарского ВБУ гнездовых участков беркута, скопы, орлана-белохвоста, установили их пригодность для обитания и современную занятость птицами.

В пределах обследованной территории были выявлены 22 участка беркута. С 1998 г. по 2005 г. численность беркута возрастала, появлялись новые гнезда, птицы занимали пустующие потенциальные участки. В результате резкого падения численности зайца-беляка и тетеревиных в 2006 г. беркуты практически перестали размножаться. В 2009–2010 гг. занятость участков начала восстанавливаться, регистрировались попытки размножения беркутов. Пожары 2010 г. затормозили этот процесс. Однако, как минимум 9 участков в 2011 г. были заняты птицами. Численность камско-бакалдинской группировки беркута можно оценить в 9–10 пар.

В разные годы на исследуемой территории было выявлено 26 гнездовых участков скопы. Непосредственно перед пожарами в 2007–2009 гг. были заняты 17 участков, в 2011 г. – 12 участков. При этом три гнезда сгорели, три пары исчезли по неясным причинам. Появился один новый участок. Общая численность камско-бакалдинской гнездовой группировки может быть оценена в 12–16 пар.

На исследуемой территории были выявлены 20 участков орлана-белохвоста. Однако большинство этих участков – потенциальные, вычисленные при экстраполяции с применением ГИС-методов. До пожаров 2010 г. 6 участков были достоверно заняты птицами. В 2011 г. орланы отмечены на всех известных участках; кроме того, взрослые птицы в гнездовое время встречены в пригодной для гнездования стадии в двух новых местах. Оба новых участка затронуты пожарами 2010 г. Потенциальные участки орланов не были обследованы, однако следует отметить, что ни один из них от пожаров не постра-

Гнездо скопы. Фото автора

дал. Численность камско-бакалдинской гнездовой группировки орлана-белохвоста можно оценить в 10–12 пар.

Кулики – одна из ключевых групп живых организмов болотных экосистем. Среди них есть несколько редких видов: большой кроншнеп (Красная книга России), фифи, турухтан, поручейник (Красная книга Нижегородской области). Для большого кроншнепа и фифи Камско-Бакалдинские болота – важнейшее местообитание в Нижегородской области.

Учеты куликов на Камско-Бакалдинских болотах проводились неоднократно. Куликов в 2011 г. учитывали на маршрутах, общая протяженность которых составила 119,14 км. Мы сравнили результаты учетов 2011 г., с данными по допозарной численности куликов, собранными в 2007 г., когда учеты были проведены на маршрутах общей длиной 231,93 км. Для сравнения были выбраны 19 учетных маршрутов общей длиной 55 км, проходивших таким образом, что учетные полосы в 2007 и в 2011 гг. в значительной мере перекрывались.

Всего в 2007 и в 2011 гг. на исследованной территории зарегистрированы 16 видов куликов. Видовое богатство и численность куликов после пожаров заметно выросли. До пожаров чаще всего встречался большой улит, после пожаров доля его встреч уменьшилась. Наиболее встречаемым видом в 2011 г. стал бекас, а особенно сильно выросла численность чибиса. В заметном количестве появились травник и поручейник. Регистрацию 2 территориальных пар золотистой ржанки в 2007 г. пока можно рассматривать как случайную встречу, в последующие годы не повторяющуюся.

Показательны изменения видового состава и численности куликов в разных типах местообитаний. Сильно увлажненные открытые переходные болота – оптимальные местообитания для птиц этой группы. Встречаемость куликов здесь была самой высокой и в 2007 г., а после пожаров в 2011 г. увеличилась почти втрое. За счет выгорания поверхностного слоя торфяной залежи в таких местообитаниях появились участки открытой воды и влажного незадернованного

торфа. В результате этих изменений заметно выросла численность бекаса, большого веретенника и чибиса, появились травник и поручейник. Осталась на прежнем уровне численность кроншнепов, большого улита и черныша.

На верховых и переходных болотах с угнетенным разреженным древостоем пожары приводят к частичной гибели и еще большему изреживанию древостоя, а также к появлению непересыхающих обводненных участков. Такие изменения ведут как к росту численности видов, обитавших здесь ранее, так и к вселению новых.

Рост численности куликов наблюдался также в пройденных пожарами разновозрастных сосняках, перемежающихся с небольшими участками болот. Однако здесь виды открытых пространств (веретенник, чибис, травник, поручейник) не появились.

На верховых болотах с хорошо развитым древостоем и слабой обводненностью кулики не обнаружены ни в 2007 г., ни в 2011 г. Такие местообитания ржанкообразными практически не используются.

Таким образом, пожары 2010 г., отбросившие болотные экосистемы на более ранние стадии сукцессии, привели к увеличению численности и видового богатства куликов.

Состояние существующих и проектируемых ООПТ

На территории Камско-Бакалдинских болот расположены 18 утвержденных и 3 проектируемых памятника природы областного значения. Утвержденные памятники природы и их охранные зоны занимают 96095,5 га, из которых пожарами затронуто 77%. Площадь проектируемых памятников природы и их охранных зон – 13269,8 га, пожарами затронуто 62%.

Значительный ущерб нанесен древостоям на территории памятников природы. Однако, благодаря обширности природной территории, она имеет чрезвычайно высокий потенциал самовосстановления. Сохранившаяся торфяная залежь болот позволяет им продолжать депонирование углерода, выполнять водоохранные и другие средообразующие функции.

Несмотря на значительную поврежденность охраняемых экосистем катастрофическими пожарами 2010 г., большинство редких видов живых организмов – объектов охраны и индикаторов природоохранной значимости территории – на Камско-Бакалдинских болотах по-прежнему представлены. В 2011 г. удалось сделать ряд находок редких видов, ранее не отмечавшихся в обследованных памятниках природы.

Гнездовой фонд редких видов хищных птиц в основном сохранился. Уцелели большинство гнездовых участков видов, занесенных в Красную книгу РФ. Территория как Камско-Бакалдинских болот в целом, так и каждой ООПТ остается важным местообитанием многих редких видов живых организмов,

относящихся к разным размерным классам, экологическим и систематическим группам.

Таким образом, как объекты охраны, так и способности ООПТ выполнять природоохранные функции, в основном сохранились, поэтому снятие статуса ООПТ на пройденных огнем территориях недопустимо. Корректировка границ существующих памятников не требуется. Необходима организация всех проектируемых ООПТ регионального значения.

Рекомендации по минимизации и компенсации ущерба ООПТ и редким видам живых организмов

Сохранение в неприкосновенности древостоя, погибшего в результате верхового пожара, нецелесообразно. На таких участках, в том числе в памятниках природы и охранных зонах, допустимы сплошные санитарные рубки. Возможно также проведение выборочных санитарных рубок в древостоях, пострадавших от низовых пожаров большой интенсивности.

Чтобы минимизировать нанесенный пожарами ущерб, а не увеличить его в ходе лесовосстановительных работ, Нижегородское отделение Союза считает необходимым:

- при проведении сплошных санитарных рубок сохранять все живые деревья, имеющиеся на площади делянки, особенно крупные высоковозрастные;
 - при отсутствии живых высоковозрастных деревьев необходимо оставлять на корню единичные погибшие в 2010 г. высоковозрастные сосны (наиболее крупные) из расчета 1 дерево на 1–2 га. Эти деревья будут служить потенциальными местами для гнездования редких видов птиц – объектов охраны ООПТ;
 - не проводить никаких санитарных рубок, даже в случае полной гибели древостоя после верхового пожара, на гнездовых участках беркута и скопы;
 - в местах, где молодые и средневозрастные сосняки на песчаных дюнах уничтожены верховым пожаром высокой интенсивности (сохранились только обгоревшие стволы с частью веток, но без хвои), и при этом выжжен плодородный слой почвы, не проводить расчистку горельников во избежание появления развееваемых песков. Начинать расчистку горельников можно только после формирования травостоя (либо самосева березы и сосны), закрепляющего пески.
- Проведенный анализ показал, что в срочных компенсационных мерах нуждаются только крупные хищные птицы, занесенные в Красную книгу России – скопа и беркут. Необходимо строительство гнездовых платформ взамен утраченных гнезд – для перемещения птиц с участков, погибших или ухудшивших состояние в результате пожаров или вследствие межвидовой конкуренции.

С.В. Бакка,
председатель Нижегородского отделения
Союза охраны птиц России

Опыт выращивания и реабилитации птенца чомги

Поздно вечером 17 июня 2010 года к нам в Центр реабилитации диких животных «Ромашка» позвонил мужчина и предложил забрать у него птенца чомги. Он рассказал, что во время рыбалки с лодки на реке Озерна в районе водохранилища в предрассветных сумерках они с друзьями спугнули выводок чомг. Пара птиц с птенцами отплыли на 150–200 м, а один птенец увязался за их лодкой. Рыбаки пытались подплыть поближе к птицам и вернуть птенца, но чомги держали дистанцию, а птенец, крича, крутился на месте и вновь устремлялся за резиновой лодкой. Пришлось рыбакам забрать обессилевшего и намокшего птенца, обтереть и пригреть за пазухой. Они думали, что с рассветом птенец увидит своих родителей и уплывет к ним, но утром повторилось все то же самое. Рыбаки предложили птенцу из рук мотыля, и он стал активно его поедать. Днем чомги с выводком исчезли совсем, а птенец остался у рыбаков.

Хотя мы и занимаемся возвратом в природу диких животных, в основном птиц, уже более 30 лет, опыта по выращиванию и реабилитации чомг у нас было крайне мало – фактически, всего три случая, считая с последним. Первая молодая чомга попала к нам в сентябре 1976 года; она ничего не ела, и содержать ее, как других водных птиц, было невозможно. Насильное кормление ничего не дало, и птица вскоре пала. В октябре 1978 года к нам поступили сразу 2 молодых чомги. Мы их сразу определили на пруд новой территории московского зоопарка, где в то время была очень чистая вода и много мелкой рыбы. Чомги дожили до замерзания пруда. Одна птица потом погибла, а вторая улетела на р. Москву и уплыла по реке до ледостава. В те же 1978–1980 гг. к нам в ноябре поступили еще более сложные для содержания в неволе птицы – 2 чернозобые гагары и одна полярная гагара. Содержание их в обществе других птиц было невозможно из-за агрессивного поведения. Все гагары были взрослые, находились

в стрессовом состоянии, мертвую рыбу не брали. Пришлось держать их отдельно и кормить насильно. Тем не менее, одна чернозобая гагара вскоре погибла, а вторую удалось переправить в Анапу. Туда же, позже, мы отправили и полярную гагару, не имея других возможностей вернуть птицу в природу.

Таким образом, содержание, а тем более реабилитация таких птиц, как гагары и поганки, а тем более их птенцов, у нас не было отработано. Помимо своего скудного опыта, мы могли воспользоваться опытом волонтеров, отмывающих этих птиц от нефти. Тут по части поганок имелся некоторый опыт передержки, реабилитации и кормления. Однако все это были птицы уже самостоятельные, да и больших успехов в их реабилитации достигнуто, увы, не было.

И вот 18 июня 2010 года у нас в частном Центре реабилитации диких животных «Ромашка» появился новый подопечный, величиной в полтора раза больше спичечного коробка – пуховичок чомги. Нам предстояло его выкормить, подготовить и выпустить в природу. Шансов на успех было крайне мало. В длину с вытянутой шеей птенец едва достигал 13 см, а в ширину был не более 5 см. Он был густо покрыт плотным пухом, черноватым сверху и белым снизу. Вся шея, голова и спина птенца были полосатыми, а на темени располагалось треугольное красное кожистое пятно. Кожа перед глазами тоже была красноватая, и при взгляде спереди создавалось впечатление треугольника из трех красных точек. Яркость этих точек менялось в зависимости от состояния птенца, степени его прогрева. Если птенец мерз, пятна были очень яркими, но стоило ему согреться, как они становились бледными и даже почти исчезали. Пятно на темени бледнело у спящего птенца и быстро краснело, когда он просыпался. Фактически эти свойства сохранялись до полного оперения головы, но и тогда пятно на темени проглядывало сквозь перья. Пятно почти мгновенно становилось ярко-красным при испуге, и птенец стремился нырнуть как можно глубже, но при этом быстро терял силы, не имея возможности зацепиться за растительность, и всплывал, а после 15 минут ныряния начинал намокать. Пуховичок хорошо ел мотыль, а от дождевых червей отказался сразу. Брал он корм только с руки или с пинцета. Чтобы не приручать птенца к рукам, мы в дальнейшем кормили его только с пинцета.

Мы поместили птенца в пластмассовую кювету, на дно постелили несколько слоев газетной бумаги, а поверх нее – небольшой слой влажной стружки хвойных пород деревьев (ель, пихта, сосна). В одном углу на высоте 20 см установили 75-ваттную лампочку с колпаком; первое время свет горел круглосуточно. В противоположном углу поставили небольшую низкую ванночку с водой. Сначала мы использовали

Маленький Чома.

колодезную или родниковую воду, а позже стали набирать воду из лужи, пруда или реки, что позволяло нам сохранить связь птенца с естественной микрофлорой и фауной соседних водоемов. По мере загрязнения вода заменялась, порой до шести раз в день. Из этой ванночки птенец пил и в ней же купался – точнее, просто лежал и мок.

Морфологическое строением птенцов поганок таково, что по суше они передвигаются плохо. Наш птенец, которого мы назвали Чомой, намочив в водоеме, выбирался ванночки на брюхе, отталкиваясь обеими лапами-ластами, полз под лампочку, чистился, переваливаясь с боку на бок, и обсыхал. Птенец активно ел красное мясо и голых мышат, менее охотно он брал белое куриное мясо и кусочки рыбы. Позже легко ловил плавающих мышат-бегунков, полевок, но вне воды их не ел.

Когда птенец был мал (свободно помещался на ладони), он мог есть только мелкий корм, и крупные куски рыбы (мойвы) проглотить не мог. Куски, в которых попадались кости, он выплевывал. Мы решили давать ему хвостики целиком, а спинки разделяли на две части, отделяя от костей. Такой корм ему пришелся по вкусу. Ел птенец не только активно, но и много, до 6 раз в день, за один раз съедая одну большую мойву или 10–15 грамм любого мяса либо двух голых мышат.

Чома попал к нам в возрасте не более 5–7 дней, и первые 7–10 дней съедал в сутки около 70 грамм мелко нарезанного корма (с пинцета, имитирующего клюв родителя). Сам же что-либо склевывать он начал в возрасте около двух недель. С этого времени он стал интересоваться попадающими в воду предметами (даже несъедобными) и схватывал их с поверхности. Теперь кусочки мяса и рыбы мы складывали в ванночку с водой, и Чома сначала склевывал те кусочки, которые мы при нем брали пинцетом из ванночки и предлагали ему, а потом сам стал брать корм из воды. Вскоре мы заметили, что он склевывает из воды попавших туда мух, жуков, кузнечиков. Его привлекали не только движущиеся предметы, но и остатки растительности, попадающие с природной водой (в основном, кусочки темного и белого цвета, зеленые части растений его не интересовали).

Для поддержания секреции копчиковой железы мы уже с третьей недели пребывания у нас Чомы стали купать его в большой и глубокой ванночке. Так как яма с водой, где мы поначалу хотели обучать молодую чомгу добывать себе корм, быстро пересохла, эта ванночка на полтора ближайших месяца, стала для Чомы и бассейном для купания, и местом, где он обучался ловить мелкую рыбешку.

Первоначально ловить рыбу птенец не мог, так как в большом объеме воды он захлебывался. Поэтому сначала мы стали запускать мелкую рыбешку в его прежнюю ванночку с водой. Там он легко ее отлав-

ливал и съедал самостоятельно, заглатывая живьем. Интересно, что в большой ванночке он отлично нырял, а вот рыбу ловить у него не получалось. Постепенно мы стали кормить его только живой мелкой рыбой, а мясом и мойвой кормили лишь тогда, когда живую рыбу не удавалось достать.

Начиная с третьей недели пребывания у нас птенца, уже в июле, его пришлось перевести в более просторную клетку – садок для карликовых кроликов. Лампочку подняли выше – на 30–35 см от подстилки, а с установлением жары на улице включали ее лишь изредка. Все это время птенца держали в помещении. В садок поставили большего размера ванночку с водой, обложили ее плоскими камнями, а остальное пространство застелили резаной соломой. Позже, когда мы заметили, что на ногах у птенца появились ссадины, солому заменили мягким материалом – мхом и сеном, собранным с мышиных гнезд, ошпаренных кипятком и просушенных на солнце. Ноги Чомы быстро зажили. Как выяснилось, самым лучшим материалом для подстилки оказался мох-сфагнум. Он бактерицидный, в сухом состоянии быстро впитывает воду из пуха и пера птицы после купания и лучше сена и соломы поддерживает влажную здоровую подстилку. Это важно для нежных ног чомги и для функционирования копчиковой железы.

Для первой фазы обучения птенца ловле рыбы лучше всего подошли мальки верховки и голяна, которые плавают у поверхности или неглубоко в толще воды и не имеют жесткой чешуи. Во второй фазе оказались пригодны мелкие караси, пескари, голяцы, обитающие у дна; за ними птенец должен глубоко нырять. В третьей фазе обучения, как выяснилось, можно использовать любые виды рыб определенной величины; наиболее удобной оказалась уклейка. Следует отметить, что уклейку уже оперившийся птенец ловил легко и заглатывал сразу по 2 рыбешки; за сутки он съедал их до 9 штук, а карасиков той же толщины – до 25 штук.

Вообще, как показал наш опыт, обучение птенца следует начинать с вялых и слабо сопротивляющихся-

В садке для кроликов

После выпуска

ся видов рыб, поскольку сильные в сопротивлении рыбки позволяют птенцу себя заглатывать. Постепенно птенец учится хватать рыбку на уровне жабр, после чего рыба, растопырив плавники, прекращает сопротивление и через пару секунд плавно проваливается ему в глотку.

Так как первоначально пришлось содержать Чому на сухой подстилке с ограниченным купанием, птенец временно потерял способность нырять. Для обучения нырянию была приспособлена бочка со срезанным боком, положенная горизонтально, длиной и глубиной 60 см. Позже обучение происходило уже в стоячей бочке, где глубина была более одного метра. Такое обучение продолжалось месяц.

В садке на улице вокруг бочки сделали помост с трапом. Чома легко въезжал на брюхе по трапу на помост, чистился, обсыхал, стоял на ногах и интенсивно махал крыльями. Чтобы он не повредил маховые перья, стенки садка мы обтянули тканью, а верх – мелкой ячеистой сеткой. Сверху садок был обтянут звероводческой сеткой для защиты от сорок, ворон, кошек и других хищников.

В целях выработки рефлекса на опасность мы, как всегда, использовали ястреба-тетеревятника, канюка, коршуна, ястреба-перепелятника. Оказалось, что реакция на хищника у птенца инстинктивная, и при предъявлении ему пернатого хищника, как и при появлении собак и кошек, он тут же нырял в воду. Под водой – как при добывании рыбы, так и во время опасности – Чома находился от 13 до 60 секунд, не больше.

Первоначально выпуск птицы в природу был намечен на сентябрь, но к этому времени птенец еще плохо нырял и совсем не умел летать. Потребность летать у него появилась только в конце августа, однако в это время маховые перья еще не доросли до нормальной длины. Мы начали учить птенца летать, сначала держа его на руке: птенец лежал брюхом на ладони и интенсивно махал крыльями. С сентября занятия перенесли на пруд. Здесь мы убедились, что в мутной воде пруда молодая чомга

не могла успешно ловить карасиков – ей нужна была прозрачная вода реки. А летать она была способна лишь метров на десять, после чего снова плюхалась в воду.

Мы понимали, что подготовка затягивается, и лучше всего было бы выпустить чомгу весной, в мае, как мы практикуем с хищными птицами и совами (весенний выпуск повышает выживаемость птиц в десятки раз). Но условий для полноценного содержания чомги зимой у нас не было. Поэтому пришлось выпустить Чому 15 сентября. В окрестностях д. Орловка Тверской области мы выбрали одно из трех озер с чистой водой, малопосещаемое людьми и достаточно заросшее околосудной растительностью. В озере у берега было много мелкой рыбки, и это стало главным критерием выбора озера для выпуска. Все остальные окрестные водоемы были невелики и имели слабую кормовую базу, а речку в качестве места выпуска птицы мы не рассматривали.

Выпущенная чомга была окольцована стандартным кольцом и, как все наши птицы, также самодельным цветным кольцом. Сначала она поплавала у берега, а затем уверенно поплыла на глубину. Птица что-то склевывала в рдесте, купалась и ныряла. Через три дня мы снова навестили своего питомца – он был у противоположного берега, метров за сто от нас: плавал, чистился, нырял. Через неделю, 22 сентября, мы снова были на озере. Долго вглядывались в озерную гладь и вдруг заметили молодую чомгу, поднышающую с воды и отлетевшую метров на сто вдоль озера. А еще через день, 24 сентября, птицы на озере мы не обнаружили. К югу от этого озера находились еще три водоема, но обследовать их нам не удалось. То, что чомга достоверно смогла прожить самостоятельно неделю и научилась летать – факт, безусловно, положительный, но стопроцентной уверенности в успешности реабилитации этой птицы у нас нет. Однако, в любом случае, наш опыт пригодится в дальнейшем при работе с чомгами и другими видами поганок.

**Алексей Мурашов,
руководитель частного Центра
реабилитации диких животных «Ромашка»**

Все реабилитационные работы на протяжении уже 30 лет мы проводим на свои деньги и деньги немногочисленных спонсоров – как правило, из среды небогатых людей. С каждым годом осуществлять эту работу становится все сложнее. Не хватает кормов, оборудования, стройматериалов. Если кто-то захочет поддержать нашу деятельность, мы будем очень признательны. Наши счета размещены на нашем сайте, а связаться с нами можно по телефонам 8-905-741-13-05; 8-903-170-13-30.

Три командорских истории

Кваква

В весну 1986 г. на Командорских островах сильный ветер очень часто дул с юго-запада. День за днем стремительные темные тучи цеплялись за низкие Столовые Сопки своими рваными краями и приносили нескончаемые осадки, называемые в сводках «мокрый снег» или «снег с дождем».

Хрипловатое местное радио, которое полагалось не выключать ни днем, ни ночью из-за угрозы цунами, периодически сообщало, что «циклоническая активность на Курилах, Камчатке и Командорских островах сохранится еще по меньшей мере неделю», «штормовое предупреждение объявлено по всей акватории», «сила ветра в порывах будет превышать 30 метров в секунду», «судам рекомендовано отставаться с подветренной стороны вплоть до окончания непогоды...».

– Шалагугах, – мрачно изрекал кто-нибудь из «знатоков» местного языка. Филологические познания «знатока» обычно не простирались далее десятка слов. На алеутском никто уже давно не говорил, кроме нескольких стариков и местной учительницы, но слово, по-русски звучащее примерно как «шалагугах» и обозначающее такую непогоду, в которую только дома сидеть и носа не казать на улицу, знали очень многие. Оно было очень похоже на то, что творилось на улице в дни непогоды, в нем звучали уважение и неосознанный, языческий страх перед силами природы.

На излете последнего уходящего на север циклона мне позвонили из рыбинспекции.

– Мы тут птичку поймали. Определили – кваква. Точно, кваква, и сомнений никаких. Из Приморья занесло, а может, и из Японии. Не хочешь поюзаться? Нам сейчас не до нее, и держать негде.

Наши рыбинспектора были биологами-охотоведами, профессионалами в своем деле, прекрасными знатоками местной фауны.

– Сидела на лайде вместе с чайками. Слабая, только подлетывала, но все равно – побегать пришлось по камням, пока догнали. И клюется здорово, несмотря на слабость. А уж орет – ну просто ангельский у птички голосок...

Кваквы никогда не водились ни на островах, ни на ближайшей к островам Камчатке. Случайно попал сюда, шанса выжить они не имели ни малейшего. Зимуют кваквы по Дальнему Востоку в Индии и Юго-Восточной Азии, гнездятся там же или севернее, доходя краем своего ареала до Приморья. Но в эту весну местная насмешливая шалагугах притащила южную птицу и бросила, устав бесноваться, на просторах северной тундры, на острове, еще покрытом снегом. Для нормального существования квакве нужны были теплые водоемы, заросшие деревьями и тростником берега, и пища – мелкая рыбешка,

лягушки и прочие земноводные. Наши тундровые озерки, оттаивающие в июне, и беспокойное, холодное морское побережье никак не подходили для теплолюбивой птицы. Да и кого бы она смогла поймать? Лягушки не водятся, мальки – на глубине, да и не сезон еще малькам. Нет, шансов у кваквы не было.

Но примерно через месяц должна была открыться навигация, а я в это лето собиралась ехать в отпуск и могла бы прихватить с собой на пароход до Петропавловска клетку с птицей, чтобы отдать ее в зоопарк.

Оставалось всего ничего – до парохода продержаться.

Я забрала взъерошенную птицу из инспекции и напросилась в школьную теплицу, чтобы сделать и поставить там клетку. Детям интересно, а без их помощи с прокормом птицы было бы не справиться. Ну, а приятелей среди детского населения у меня было много.

Соорудив из рулонной звероводческой сетки довольно просторную клетку и посадив туда безучастную квакву, мы отправились на поиски подходящей еды. Но подходящая еда не находилась. Мелкой рыбешки не было ни в магазинах, ни на кормокухне зверофермы. Подледная ловля гольца давно закончилась, до подхода мойвы, или, по-местному, уйка, было еще далеко, а в море как поймаешь? Мужиков местных просить, чтобы вышли на барже в спокойную после длительных циклонов бухту для залетной птички мелкой рыбки половить? Засмеют, не то слово! А рыбацких судов и снаряжения, сетей с разной ячейей, в поселке не было и в помине. Вся рыболовецкая культура острова заключалась, в основном, в промысловом сезонном лове красной рыбы, идущей в реки на нерест. Конечно, любительский лов был в поселке очень разнообразен. Спиннинги, морские снасти на терпуга и палтуса, прибрежная рыбалка сетями во время нереста уйка, сборы по отливу рыб из рода пинагоров, или мяконьких, а по-алеутски аюхашек – в общем, мы были полны надежды и решимости. Что-нибудь придумаем!

Детская команда, с азартом строившая клетку для заморской птицы, пообещала мне решить вопрос с ее пропитанием. Чтобы самостоятельные поселковые дети рыбы не добыли – да не может такого быть! И, действительно, к вечеру у меня была здоровенная, пойманная у пирса на блесну треска, прошлогодняя мороженая красная рыба и красная икра из чьих-то домашних запасов, несколько небольших гольцов с еще недавнего подледного лова, изрядная горсть бокоплавов и ракушки – литторины и коллизеумы, собранные по отливу с прибрежных камней.

– Чикичи и чимики, – дети с гордостью сообщили мне местные названия принесенных моллюсков, – алеутские семечки! Ей понравится.

Кваква. Фото И. Уколова

Порезав рыбу на кусочки разных размеров и украсив блюдо чикичами и чимигами, мы выложили все в миску и предложили нашей квакве, сидевшей в клетке в той же позе и на том же месте, где мы ее оставили. Отдельно в таз налили воду – все же это околородная птица. Наутро вода была разлита, кваква сидела под самым потолком клетки на коряге и выглядела бодро и даже воинственно, но деликатесное подношение было совершенно не тронуту.

И следующие несколько суток, здорово надоедая сотруднице теплицы бесконечными визитами и детской беготней, мы пытались накормить упрямую птицу. Ставили таз с водой и кидали туда кусочки рыбы, прятали эти кусочки среди водорослей, приносили камни с ракушками и ракушки отдельно, предлагали бокоплавов, вымачивали в воде красную икру – но на все меню, которым позавидовал бы и хороший китайский ресторан, птица смотрела с совершеннейшим равнодушием. На четвертые сутки мы попытались накормить ее насильно, но из этого ничего хорошего не вышло. Сначала квакву пришлось ловить в довольно просторной клетке, убеждая при этом, что пронзительным голосом создатель ее не обидел и что умирать от голода и слабости она не собирается, напротив – весьма активна и здорово клюется своим крепким клювом. А потом в своем упрямстве и нежелании принимать пищу птица преспокойно отрыгнула все, что удалось в нее запихнуть.

Прошла неделя, а кваква все еще не желала есть, но, кажется, пила. Во всяком случае, ночью расплескивала таз с водой и делилась своим остро пахнущим пометом с опрометчиво приютившей ее теплицей. Утром она неизменно встречала нас в одной и той же позе – сидела под потолком клетки на коряге, со втянутой в плечи шеей и совершенно упрямым и нахохленным видом обиженной на весь белый свет старой девы, готовой мгновенно перейти к военным действиям, буде кто посягнет на ее уединение.

Заглядывавшие в теплицу гости, рассматривая узницу, качали головами.

– Ветром этим, который неделю дул, к нам сюда занесло, не иначе.

– Сдохнет, как пить дать. Лягушки у нас не водятся. Чем эту чаплю здесь кормить? Рыбу не ест...

– Хотя, помнится, дятел жил на Северном все лето. Долбил вместо деревьев эстакаду. А что ел – кто его знает.

В конце недели кто-то из детей принес связку камбалы. Маленькие, размером с ладонь камбалешки ловились в устье реки Гаванской, в том месте, где река намывала песок, образуя мелководье. Дети бродили в сапогах вдоль берега, высматривали абсолютно сливающихся с грунтом рыбешек и ловко насаживали их на самодельные остроги. Как-то раз я тоже ловила так камбалу и едва не лишилась авторитета среди детей – ни увидеть, ни попасть в часть морского дна, оказывающегося рыбой, мне очень долго не удавалось.

– Ну вон, вон же она лежит, видите? Бейте чуть дальше... – рядом со мной нетерпеливо шмыгал носом восьмилетний ловец, но я видела лишь песок с камушками. Удар – туда, куда показывал юный рыбак – и под покровом поднявшегося ила камбала чуть колыхнувшись платочком отплыла – и миг исчезала, словно и не была. Под конец, изрядно намучившись, я все же придумала свою стратегию. Медленно бредя по воде, я натыкалась случайно на рыбу-невидимку, следила за ней, не спуская глаз, и, если она не уходила на глубину, иногда попадала в нее, целясь наобум в то место, которое, по идее, должно было быть камбалой.

И вот у меня в руках связка темных со спины, светлых снизу плоских рыб, а рядом сидит вредная птица, непременно желающая умереть на чужбине, назло всем. Ну, погоди же! Я почистила клетку, выбросила остатки нетронутых трапезы из красной рыбы, гольца, икры, беспозвоночных деликатесов и кинула в таз с водой кусочки камбалы, нарезанные пластинками. Поблескивая чешуей и раскачиваясь в воде, кусочки медленно тонули, ложась на дно то светлой, то темной своей стороной. И вдруг... кваква как-то незаметно преобразилась. Подобралась, слегка склонила голову набок, остановившись своим ярко-оранжевым, почти красным глазом на площадке с кусками рыбы. Но в ту же секунду, словно опомнившись (а, скорее всего, чтобы не давать повода врагу – то есть мне – торжествовать раньше времени), она потеряла интерес к добыче, втянула голову в плечи и слегка прикрыла глаза. Не дождетесь! Гвардия умирает, но не сдается! Однако мне и этой секунды оказалось достаточно. До чего же все может быть просто! И как это я раньше не догадалась? Стыд и позор!

Я взяла еще одну камбалу, нашла ножницы, которыми в теплице обрезали растения, и принялась за художественную резьбу по рыбе. Брюшной плавник камбалы превратился в хвостовой, остальные плавники наметились с помощью ножниц, и напоследок я провертела подобие глаза там, где у этой импровизированной рыбки должна быть голова. Получилась

мелкая рыбешка, спинка в чешуе, хвост, хоть и слегка скособоченный, но почти как настоящий, и глаз имеется. Запустив «рыбок» в плошку, я ушла из теплицы и долго стояла на улице, пытаюсь увидеть, будет птица есть или нет. Но кваква сидела как каменное изваяние, и ее глаз не выпускал меня из виду даже сквозь тепличное стекло. Она прекрасно меня видела. И не шевелилась.

Ладно, делай что хочешь. Ты птица ночная. А я – ухожу.

Наутро кваква сидела в той же позе. Сгорбленная старая дева в черном берете, с накинутой на приподнятые плечи серой шалью, профиль гордый, глаза неподвижны. Но нарезанных рыбешек не было! Капризная дама соизволила признать изыски моего художественного меню. Это был первый шаг к победе. Теперь, голубушка, ты не обманешь нас своим равнодушным видом. Теперь мы знаем, чем тебя кормить.

Увидеть, как кваква расправляется с выкроенными из камбалы рыбешками, нам не удалось ни разу, но утром значительная их часть неизменно исчезала из таза с водой. Тем временем пришел первый в этом году пароход, и оказалось, что кроме кваквы, со мной поедут до города трое детей из интерната – навестить своих заблудших родителей – а с детьми еще щенок и пара хомячков. Я договорилась со вторым помощником капитана об укромном месте на палубе для двух клеток, о местечке в холодильнике и о совместной с детьми каюте. И начались двое суток плавания, в течение которых сначала укачался щенок, потом по очереди все дети, потом дети пришли в себя и принялись активно изучать пароход, мгновенно исчезая среди палуб, шлюпок и принайтованных контейнеров. Не успела я собрать в каюте детей и объявить им строгий выговор, как сбежали, не без чьей-то помощи, конечно, хомячки, и нам стоило большого труда выловить их и водворить обратно в клетку. И лишь кваква была невозмутима, как сфинкс, и словно не замечала суеты и качки. Она неподвижно стояла в глубине коробки на палубе и смотрела на мир, не мигая – словно бы пряталась в родных южных зарослях, у берегов теплых водоемов. Кваква явно считала, что благодаря такой неподвижности никто не должен ее заметить – ни добыча, ни враги, ни даже неистовая командорская шалагугах.

Кто кого ловил

Произошла эта история на Северном лежбище котиков на острове Беринга. Стоял конец октября. Котики, вырастившие за лето новое потомство, покидали стремительно остывающие воды Берингова моря, уходя вслед за рыбой южнее, к Сахалину и Японии.

Полноправными хозяевами быстро пустеющего лежбища, на котором совсем еще недавно стоял гомон от тысяч животных, стали песцы.

Нет, песцы и раньше регулярно навещали территорию лежбища, выкармливая щенков в близлежащих

норах и твердо зная, что на лежбище всегда найдется, чем поживиться. Однако делали они это, аккуратно пробираясь по окраинам залежек, подальше от агрессивных самцов и самок, и лишь изредка нападая на детенышей. Но когда сезон размножения котиков закончился, лежбище сильно поредело, открыв ранее недоступные места, и песцы не преминули этим воспользоваться. Хотя еды на осенне-зимнем лежбище было уже, конечно, не так много, как летом.

Кроме песцов, возле мест летних скоплений морских животных благополучно существовали и разные птицы-санитары, питающиеся падалью: крупные чайки, прежде всего серокрылая, и, конечно же, вороны. Ведь на многотысячном лежбище всегда найдутся погибшие животные – раненые, больные и ослабевшие от старости взрослые, лишившиеся матери или задавленные в драке детеныши. В отличие от осторожных воронов, чайки, заметив, кто из животных будет кандидатом на ближайший ужин, иногда торопили события – крутились возле рожавшей самки или подбирались к одиноко сидящему детенышу и клевали его, словно проверяя, спит ли он, здоров ли? Или, может, уже пора начинать пировать? Законы естественного отбора жестоки, и, бывало, чайка нацеливалась на вполне здорового, но просто спящего детеныша котика – тот мог даже глаза лишиться, особенно если матери не оказывалось рядом или он сидел один, а не в плотной группе ровесников. Но чаще чайки, медленно приближаясь к вероятной жертве, хватали клювом за лапу и тут же отскакивали, а если животное было вполне здоровое и могло как-то за себя постоять – улетали. Вороны вели себя иначе. Они никогда не начинали расклеивать падаль первыми, предоставляя это дело чайкам, и никогда не подбирались, во всяком случае, на глазах наблюдателей, к спящим или больным животным. Лишь убедившись, что опасности нет, лежащий тюлень уже не встанет, и никто посторонний не наблюдает, вороны принимались за свои дела. А заприметив издали человека, обычно сразу исчезали. Увидеть, как они охотятся и как ведут себя возле добычи, удавалось очень редко.

В тот осенний день я сидела с биноклем в деревянной, насквозь продуваемой ветрами наблюдательной вышке. К вышке вела эстакада – длинный деревянный коридор на высоких столбах, идущий над всем лежбищем. Иначе, чем по этому вознесенному на 2 метра над землей коридору, в гаремный период жизни котиков до вышки никак не добраться: во-первых, самцы в репродуктивный период чрезвычайно агрессивны, и во-вторых, возникающая среди животных при появлении человека паника приводит к гибели детенышей.

Целью моих наблюдений были припозднившиеся с уходом на юг «серенькие» – уже перелинявшие детеныши котиков. Но периодически мое внимание привлекали и другие представители островной фауны.

В тот день на дощатой стене эстакады переговаривались друг с другом четыре ворона, а внизу, под эстакадой, бегали песцы, выискивающие, чем бы поживиться. Не так давно на этом месте лежал погибший котик-секач, и песцы с воронами, видимо, прекрасно помнили об этом. Но сейчас, увы, от секача остались одни засыпанные песком воспоминания.

Песцы были, видимо, семьей. Два подростка вели себя, как и положено подросткам, периодически затевая возню и по-щенячьи заигрывая друг с другом, а более осторожный взрослый зверь занимался делом, то есть поисками съестного. И за всем этим внимательно следили четыре ворона с эстакады (и я со своей вышки). Наблюдения с вышки ведутся из узких, похожих на амбразуры окошек; человека через них не видно, и издали можно заметить только блеск линз бинокля или зрительной трубы. Вороны меня либо не видели, либо не обращали на блеск оптики никакого внимания. Скорее всего, это тоже был выводок – молодые птицы, во многом еще неопытные и гораздо более беспечные, чем взрослые.

Мне, конечно, нужно было работать, наблюдать за немногочисленной залежкой котиков и, в особенности, за животными, помеченными яркими пластиковыми метками. Но краем глаза я все время поглядывала на происходящее возле эстакады и в какой-то момент заметила, что один из песцов – по-видимому, старший – неожиданно завалился на бок среди камней, вытянул лапы и ткнулся мордой в песок. Зверь лежал совершенно неподвижно и не подавал никаких признаков жизни. Молодых же в это время нигде не было видно. Неужели взрослый зверь издох? С чего бы это? Только что бегал и вроде был здоровехонек. Может, заснул? Но на спящего песца никак не походил. Если бы он лежал в защищенном от ветра месте, да еще и в клубочек свернулся, прикрывшись хвостом, тогда – да, был бы спящий песец. А тут лежит на открытом месте, лапы вытянуты, голова как-то неестественно запрокинута, хвост словно застрял среди камней. Может, притворяется? 5 минут лежит, 10, 15...

Я решила оставить ненадолго свой пост и подобраться по коридору эстакады поближе к этому внезапно погибшему песцу. Но меня опередили вороны. По очереди птицы слетели вниз и вначале заинтересованно изучали песок. Потом медленно, словно нехотя, и как-то боком стали придвигаться к лежащему среди камней животному. Вороны старательно делали вид, что их не интересует эта возможная добыча. Они ковыряли клювами высохшие водоросли, приседали с раскрытыми крыльями, словно собираясь взлететь, вытягивали шеи, озираясь во все стороны. Иногда они, действительно, перелетали на несколько метров в сторону и тут же поворачивались к лежащему песцу спиной, но постепенно все же приближались к нему, пока не окружили песца со всех сторон и не остановились в нерешительно-

Песец. Фото Н. Конюхова

сти на расстоянии примерно 2–3 метров. Наконец, самый смелый, вытягивая шею и расправив на всякий случай крылья, вдруг сделал несколько быстрых подскоков и дернул песца за хвост. Дернул, видимо, сильно, так как зверь буквально взвился в воздух, вороны с карканьем разлетелись, снова усевшись на свой наблюдательный пункт – эстакаду. Ну, а песец, немного покрутившись на месте, уже через несколько секунд лежал почти в той же позе, вытянув лапы еще более обреченно, чем прежде.

Мне было понятно, что он притворяется, но поза его была столь безнадежна, что я снова стала сомневаться: может, он из последних сил подпрыгнул, и на большее его уже не хватит? Вороны, посоветовавшись, решили, видимо, что так оно и есть. Они вернулись на песок и с предосторожностями и оглядками вторично стали подбираться к лежащему песцу. И вновь один из них дернул зверя за хвост. Песец вскочил, но уже не так стремительно, как прежде, и тут же плюхнулся обратно. А вороны даже не потрудились отлететь далеко, только чуть увеличили расстояние от явно слабеющего зверя. Раза два песец приподнимался, нехотя огрызался, заставляя птиц отлетать немного, но всякий раз их круг все более сжимался. И снова один из воронов подобрался к хвосту песца, а другие неспешно, вразвалочку – к морде, наверняка целясь в уязвимые глаза. Но умные птицы явно ждали нападения своего товарища с тыла и не приближались на опасное к зубам расстояние. Миг – и ворон хватает зверя за хвост и даже пытается потащить на себя... но не тут-то было! На этот раз песец, словно стремительно развернувшаяся пружина, буквально бросил свое только что умиравшее тело к ближайшему со стороны его морды ворону и схватил птицу за крыло. С истошным карканьем, теряя перья, ворону удалось все же вырваться из зубов несостоявшейся жертвы и присоединиться к своим возмущенным собратьям. Песец перестал прикидываться падалью, поняв, что раз уж он промахнулся, второй раз воронов не проведешь. Вскоре откуда-то появились молодые песцы, обнюхали место происшествия и перья незадачливого «санитара» и, как мне показалось, с явным

сожалением покинули место неудавшейся охоты. Только что умиравший песец трусил по лежбищу с независимым видом, вороны же еще долго возмущались, сидя на эстакаде и приводя себя в порядок после несостоявшейся охоты на охотника.

Вороны эти, скорее всего, действительно были молодые. Именно для молодых врановых характерно исследовательское и довольно бесстрашное поведение. Я уже писала, что взрослые вороны могут часами сидеть недалеко от туши погибшего животного, и приближаются к ней только после того, как на падали начинается пиршество чаек или других птиц. Возможно, однократно полученный опыт, как в случае с песцом-притворщиком на котиковом лежбище, и заставляет взрослых воронов, обладающих прекрасной памятью, вести себя впредь крайне осторожно...

Любительница погреться

В тот осенний вечер мы сидели втроем в маленькой избушке, расположенной возле лежбища котиков. Кто-то читал при красноватом свете керосиновой лампы, кто-то строчил в дневнике свои наблюдения за истекшим днем, дежурный гремел кастрюлями – в общем, рядовой вечер полевой группы, работающей вдали от цивилизации. Был лишь один минус – печь. Либо ее давным-давно не чистили, либо приезжие гости из поселка, наверняка неоднократно сменявшие друг друга в течение лета, здорово засорили кирпичную печку, кидая туда, что попало – лишь бы горело.

«Что попало» – это разнообразные выбросы океана: просоленная древесина, кухтыли (большие поплавки с рыболовецких судов), пенопласт, пластмасса. Все это горело замечательно, давая черный дым и предельно засоряя дымоход. Все знали, что нельзя топить печь кухтылями, но поди-ка уследи за временными посетителями.

Мы попросились пожить в домике неделю-полторы и пообещали хозяевам соблюдать полный порядок. В первый день, выгрузившись из вездехода уже к ночи, мы с грехом пополам растопили печь, думая, что согреется – начнет гореть, как следует. А потом, хоть и стало ясно, что требуется трубочист, не хотелось выстуживать дом и отрывать от работы драгоценный день. Горит кое-как – и хорошо, не зима, потерпим. К тому же чистка трубы с помощью привязанного на веревке груза ничего не дала, чугунных чисток в печи не было, и пришлось бы сначала простукивать стенки печных колодцев, искать и выбивать нужный кирпич, а потом неизвестно чем дыру заделывать. Больше мороки – и ответственности перед хозяевами. Печь дымила, тлела и обиженно пыхтела при сильных порывах ветра. Мы кашляли, мерзли, кутались в свои спальники и дежурно ругали ни в чем не повинную печку. Особенно ей доставалось по вечерам: примерно в одно и то же время, как раз перед отбоем, печка принималась внезапно и совершенно отчаянно

дымить. Мы ругались, на чем свет стоит, выстуживали дом, открывая двери в ноябрьский холод и ветер, стучали по трубе. Всякий раз нам казалось, что винovat или особо сильный порыв ветра, или на редкость сырые дрова. Либо, может быть, неведомая печная душа выкуривала нас обратно в поселок: «Раз не чистите меня – ну и вон отсюда».

«Вечерний бриз, муссон или пассат». «Суточный перепад давления». «Завихрение атмосферы». «Глаз циклона». «Шалагугах». «Едреная сила», – глубоко-мысленно изрекали мы по вечерам. Но за чистку не брались. К ночи дрова кое-как прогорали, заслонка закрывалась, а на следующий вечер все начиналось сначала.

В один прекрасный день появились хозяева домика и, недолго думая, обрушили с помощью солярки всю сажу в трубе, забив тем самым печь окончательно, дали нам для печных работ немного цемента и уехали в поселок, предоставляя дальше разбираться самостоятельно. Делать нечего. Мы выбрали нужные кирпичи и принялись работать трубочистами – выгребать изогнутой поварешкой, ведро за ведром, черные залежи из печных колодцев.

Вечером вновь затопленная, почищенная и обновленная печь весело загудела, наполняя ровным теплом остывший домик. Жизнь прекрасна! Да здравствует профессия трубочиста! Долой едреную печную силу и завихрение атмосферы!

И тут... Печка вздохнула, словно удивившись, и выдала нам изо всех своих щелей клубы белого, великолепного, густого, едкого дыма. Реакция коллектива была весьма разнообразной. Я же после неожиданной печной атаки выскочила не одеваясь на улицу. Посмотреть на трубу. Да что же это, в конце-то концов! Дым-то хоть идет? Но вместо дыма, из трубы... торчал кусок газеты. Белый скомканный лист с темными строчками типографского

Любительница погреться.

шрифта. Законы физики явно нарушались. Ну, полужим, летел над тундрой, гонимый ветром, старый газетный лист. Ну, пролетал он над нашей трубой. Случайно. Но внутрь, в трубу как его могло затянуть? При идущем вверх теплом столбе дыма?

Внутри в домике кто-то из наших громко изругал печь и ее строителей, вкуче с хозяевами домика, и грохнул чем-то тяжелым по чугунной плите. Лист газеты в трубе зашевелился, как от ветра, взглянул на меня немигающими желтыми глазами, расправил крылья, слетел бесшумно и словно растворился в темных, присыпанных первым снегом безжизненных ночных просторах. Из трубы повалил белый дым, и внутри кто-то радостно заорал: «Что, испугалась, зараза?»

Белая полярная сова каждый вечер грелась в теплых клубках нашего дыма, отправляясь на свою ночную охоту, и тут же исчезала, стоило нам начать хлопать дверями и стучать по ни в чем не повинной трубе. Полярная сова любит сидеть на возвышении, как все прочие совы и другие хищные птицы. Сверху все прекрасно видно – и опасность, и возможную добычу. Деревьев в тундре нет, но есть скалы, высокие кочки, вершинки сопков, а вблизи жилища человека – столбы, крыши домов, хозяйственные постройки, трубы... И кто же из хищных жительниц холодного северного мира откажется от высокой, а главное, теплой трубы?

И.А. Липилина

Приключения Серезжки в мире птиц (сказка)

Продолжение; начало в «Мире птиц» № 38 (стр. 26-27) и № 39 (стр. 30-31).

Рывком распахнув калитку, Серезжка с разбегу влетел на двор.

– Бабушка! Я приехал!

Никто ему не ответил. Приглядевшись, он увидел, что дверь дома заперта на откидной крючок – значит, хозяйка куда-то вышла.

Тогда мальчик кинул на крыльце свой рюкзачок и понесся к старому вязу, где в глубокой расщелине гнездились его знакомые лазоревки.

– Чвик!

– Нет его, – сердито откликнулась Чвии, супруга Чвика, сидевшая на яйцах. – За кормом улетел. Прочь!

– Почему сразу прочь? – возмутился Серезжка. – Что я тебе сделал?

– Ты, может, и ничего. Но скольких врагов ты на наше гнездо наведешь, пока тут толчешься? Нешто не знаешь, что и кошки, и вороны, и прочие хищники следят за людьми, – где те ходят и куда нос суют? Ведь человек что медведь: все вокруг перевернет и наружу вытащит. Сам не съест, так другим едокам покажет. Вот и ты такой же...

– Извини, – начал мальчик, но тут перед его лицом мелькнула сине-зеленая молния. Чвик с клювом, плотно набитым мошками, без промаха приземлился на край дупла. Чвии приподняла крылья и просительно раскрыла свой клюв. С готовностью накормив ее, Чвик перепрыгнул на ближайшую ветку и выдал уже привычную Серезжке звонкую трель:

– Моя тер-р-итория!

– Моя пара! – отозвалась Чвии с оттенком гордости. Потом вдруг выпорхнула из расщелины: – Я сейчас, – и скрылась в листве.

Не удержавшись, Серезжка заглянул в дупло. На дне, мягко выстланном шерстью, ватином и перышками, лежали 11 крохотных яичек, белых в красно-бурую крапинку.

– Неужели у вас будет столько птенцов? – поразился мальчик.

– Сейчас надо о яйцах заботиться, – строго ответил Чвик. – А о птенцах позаботимся, когда вылупятся. Пока загадывать глупо – всякое может случиться! Нам, синицам, в будущее заглядывать недосуг. Нас настоящее беспокоит.

Вернулась Чвии и, быстро оглянувшись по сторонам, снова уселась на гнездо. Ее черные глазки неодобрительно поблескивали в полумраке дупла.

– Пойду я, пожалуй, – сказал Серезжка, видя, что синицам и вправду не до него. – До свидания.

– Так вот ты где, сорванец! – послышался от крыльца голос бабушки. – Я его на остановке встречаю, а он уже сюда прискакал! Ну, чистый заяц... Давай, заходи в дом да мой руки, пора обедать, а то пироги остынут.

Серезжку упрашивать не пришлось – бабушкины пироги он обожал. Когда он до них добрался, ему даже разговаривать сделалось некогда. Но, смолотив подряд три пирожка с мясом и два – с капустой, он перевел дух и рассказал бабушке о своей беседе с лазоревками.

– Они мне совсем не обрадовались, – пожаловался мальчик. – Чвии так вообще меня отругала, сказала, что я врагов на ее гнездо навожу...

Бабушка остро на него глянула.

– Скажи, внучек, кто умнее – человек или синица?

– Человек, конечно!

– Так почему тогда синице приходится объяснять тебе очевидные вещи? Они ведь не случайно по дуплам прячутся и гнезда тщательно маскируют. Врагов у них более чем достаточно. Взрослая птица еще улететь может, а у яичек и маленьких птенчиков лишь одна надежда, что не заметят. А заметят – скорее всего, съедят: родители, конечно, защищают гнездо, но многие хищники для них чересчур сильны, да и настойчивы: ту же сороку могут раз отогнать, два, а на третий она подберется исподтишка и полакомится. Так что не надо топтаться около птичьих гнезд, и уж давно

не надо их специально разыскивать. Многие птицы, к слову, в траве потомство выводят, а то и совсем на земле – их по неловкости и раздавить недолго.

– Я понял, – насупился мальчик. – Но я просто поговорить с ними хотел... И мне было интересно...

– Не переживай, – смягчилась бабушка. – Думаю, у тебя еще найдется с кем поговорить и что увидеть. А с лазоревками пообщаешься, когда у них птенцы на крыло встанут.

– А когда это будет?

– Через пять-шесть недель. То есть около середины июня.

– То есть в начале летних каникул, – подсчитал мальчик. – Ну, а сейчас-то мне куда деться?

– Как куда? Иди погуляй. Кстати, твой дружок Мишка тоже приехал сюда на праздники – я его видала у околицы еще с каким-то мальчишкой...

– Мишка приехал? Что ж ты раньше-то не сказала? – Сережка вскочил из-за стола и в минуту вылетел за порог, – только дверь хлопнула.

Народу в деревне было непривычно много. Тут и там раздавались то рокот мотора, то стук молотка: дачники открывали летний сезон. Улицы уже совсем просохли, и под заборами ярко желтели первые одуванчики. Отовсюду доносилось звонкое птичье пение. Прислушиваясь, мальчик различал его смысл:

– Гляди, какой я красивый и сильный! Будь со мной! – соблазнял подругу самец горихвостки.

– Вот я тебе задам! – чирикал полевой воробей, наскакывая на такого же взъерошенного собрата.

– Еда! – восклицал скворец, обнаруживший дождевых червячков на свежевскопанном огороде.

– Добрый день! – приветствовала его из-за забора мать Мишки, возившаяся на грядках.

Сережка даже не сразу сообразил, что это обращаются к нему. Но быстро сориентировался:

– Здравствуйте, тетя Клава. Миша дома?

– Нет. Они с Сашкой в сторону выгона подались, – указала она испачканной в земле рукой.

– Спасибо! А Сашка – это кто?

– Двоюродный брат его. На год постарше. Думаю, вы с ним быстро столкнетесь... – женщина улыбнулась мальчику и вернулась к своей работе.

Еще на подходе к выгону до Сережки донеслись чьи-то резкие крики:

– Опасность! Тревога! Беда!

Он помчался бегом, и вскоре увидел Мишку и долговязого пареня рядом – видимо, Сашку. Они стояли в тракторной колее и с любопытством глазели на что-то перед собой. Над ними отчаянно кричали, пикировали и снова взлетали ввысь две черно-белые птицы с широкими, похожими на полотенца, крыльями.

– Беда! Беда! Смертельная опасность!

– Ишь, разорались, – хмыкнул Сашка. – Боятся, видать...

И тут Сережка увидел, что разглядывали мальчишки: по высохшей прошлогодней траве перед ними

Чибисы. Фото А. Кривошапкина

перебегали, на глазах увеличиваясь в размерах, рыжие язычки пламени.

Ринувшись вперед, он принялся торопливо затапывать огонь.

– Ты что делаешь? – Мишка схватил его за рукав. – Оставь, пускай горит!

– Не мешай, помоги лучше!

– Сдурел? Мы сами эту траву поджигали! Все веселье испортил...

Сережка придавил подошвой последний серый дымок.

– А если я твой дом подожгу, это очень весело будет? – спросил он, тяжело дыша.

– Точно, сдурел. Тут же нет ничего, кроме сухой травы. Кому она нужна?

– Вот им, например, – Сережка кивнул на птиц, по-прежнему тревожно круживших над ними. – У них где-то тут гнездо, а ты его сжечь решил...

– Какое еще гнездо? – не поверил Сашка. – Чушь это все. Шел бы ты отсюда, а? Пожарник недоделанный...

– Сам катись, откуда пришел, – сжал кулаки Сережка.

– Ты хочешь в ухо? – Сашка нехорошо ухмыльнулся. – Не вопрос...

Мгновением позже оба уже катились по дороге пытящим клубком, награждая друг друга яростными тумаками.

– Прекратите! Вы что, белены объелись?! – Мишка попытался было их растащить, но крепкая оплеуха от кого-то из драчунов заставила его отскочить. И тут над полем битвы раздался звонкий голос:

– Стоп-стоп-стоп! Что за шум, а драки нет... впрочем, здесь и драка в наличии. А ну, быстро успокоились, отряхнулись и доложили, чего не поделили.

Потирая ушибы, мальчишки с настороженным интересом воззрились на новоприбывшего. Это был невысокий мужчина с обветренным лицом, расчерченным веселыми морщинками вокруг глаз, в линялой зеленой ветровке и поношенной парусиновой шляпе. На шее у незнакомца висел бинокль, а на поясе – сумка с торчащим оттуда блокнотом.

– Владимир Викторович Кусакин, – отрекомендовался тот. – Орнитолог. А вы кто такие?

– Мы из деревни. Приехали на выходные... – посопел, сообщил Сережка. – А орнитолог – это тот, кто птиц изучает, да?

– Верно.

– Тогда скажите, ведь у этих птиц тут правда гнездо? – Сережка указал вверх.

– У чибисов? Да, очень похоже, что где-то неподалеку, – согласился Кусакин. – Так они защищают свое потомство. И вообще, чибисы очень любят гнездиться на выгонах вроде этого.

– Ну, что я говорил?! – торжествующе сверкнул глазами Сережка. – Нельзя было здесь траву жечь...

– Так вот как! Вы сухую траву поджигали...

– Поджигали, – подтвердил Мишка. – А Серега потушил.

– И что такого? – неожиданно подал голос Сашка. – Ее все жгут. Каждый год. И ничего страшного не случается...

Кусакин помрачнел.

– Это вам только кажется, что не случается, – вздохнул он. – Твой друг прав: если бы огонь разгорелся, здесь погибло бы как минимум одно гнездо чибисов. От таких травяных пожаров – их еще палами называют – гибнет множество гнезд куликов, уток и прочих наземных птиц. Гибнут мелкие зверьки. Но и это еще не все. Вот, смотрите, – он отломил сухую верхушку высокого растения. – Что вы здесь видите?

– Семена какие-то...

– Правильно. Семена. Они тоже сгорят, если траву поджечь. И не вырастет у вас потом ни ромашек, ни колокольчиков – только бурьян да осока. Погибнут и насекомые, которые тут живут, – жучки, шмели, бабочки... и с каждым сожженным лугом их будет все меньше, да и птицы, которые ими питаются, улетят. А бывает и еще хуже – когда от горящей травы загораются леса, торфяные болота и даже села... – он снова вздохнул, так что даже напористый Сашка смущенно притих.

– А как выглядит гнездо чибисов? – спросил Мишка. – Хотелось бы посмотреть...

Кусакин покачал головой.

– Его очень трудно найти. Оно у них надежно замаскировано, и даже яйца похожи на камушки. Скорее наступишь, чем разглядишь... Да и не годится птиц зазря беспокоить. Впрочем, если хотите, могу пригласить вас к себе домой. Покажу на картинке, как оно выглядит, да и про повадки чибисов расскажу. Идет?

– Да, было бы интересно...

– Вот и отлично, – Кусакин вдруг заговорщицки подмигнул. – Да и в любом случае вам надо где-то почиститься. Думаю, если вы в таком виде домой заявитесь, вам влетит по первое число.

– А где вы живете? – спросил Сережка.

– Ты ведь из семьи Вороновых, я правильно догадался? Ну так через избу от вас.

Продолжение следует.

Елена Чернова

Ларуся прилетела!

Одиннадцать лет весна в нашем доме начиналась с возгласа «Ларуся прилетела!». Спешно на двор выносились в миске что-нибудь вкусненькое, и вся наша семья искренне радовалась прилету сизой чайки...

История началась весной 1999 года. Тогда в мае выпало 30 см снега, стояла холодная погода, что часто случается на Севере. Обычно весенние похолодания кратковременны, и птицы их переносят без особых потерь. Однако в тот год экстремальная погода держалась в течение всего мая, что привело к массовой гибели птиц. Участок возле нашего дома на окраине поселка Пинега превратился в «птичий двор». В поисках корма и убежища от холода птицы в массе лезли под навесы, залетали на веранду и в пустой вольер для кур – зяблики, вьюрки, лесные коньки, овсянки-ремезы, скворцы кормились вместе с воробьями. Не упускали возможности подкрепиться и сизые чайки. Просто хлебными крошками уже было не обойтись, и в ход пошла вареная картошка с комбикормом, крупы. Дом тоже не пустовал – в клетках и коробках жили обессиленные птицы. Наконец погода наладилась, но некоторые чайки продолжали навещать наши огороды, подбирая все съестное – обрезки после чистки рыбы, пищевые отбросы. Такая картина обычна для наших мест – всю весну и лето

чайки (сизые и озерные) кормятся в поселке, составляя сильную конкуренцию серым воронам и сорокам.

Одна из сизых чаек была особенно доверчива, садилась на крышу сарая и ждала, когда вынесут что-нибудь съестное. Любой пролет мимо других чаек сопровождался со стороны «нашей» чайки криком, а то и атакой – заявлялись права на это кормное место. Такая картина повторялась каждую весну и лето. Стало понятно, что это, скорее всего, одна и та же птица. Наша дочь назвала чайку Ларусей – от имени

Ларуся. Фото В. Бабенко

Маруся и «Larus» – родового названия чаек. Долго сомневались, боясь испугать, но все-таки в августе 2003 г. поймали ее и окольцевали. Больше той осенью Ларуся не появилась. Весной 2004 года всей семьей с нетерпением ждали чайку: прилетит или не прилетит? И вот 30 апреля чайка, сделав круг, с криком садится на крышу сарая. Бинокли в руки – есть кольцо на лапке! Ну, здравствуй Ларуся, с прилетом. Кушать подано-с.

Присмотревшись к поведению, поняли, что наша Ларуся – это самец. Обычно он прилетал рано, одним из первых, когда пойменные луга еще были под снегом, а на реке Пинеге не появлялись даже закраины. «Доложившись» о прилете и подкормившись, Ларуся улетал и вновь появлялся у дома, когда становилось теплее, и уже с подругой. Чайки моногамы, часто особи из одной пары зимуют отдельно, а встречаются уже на месте гнездования, но в 28 % случаев они заводят нового партнера. Вот и по нашим наблюдениям (по внешнему виду самок и их поведению) выходило, что подружки у Ларуси менялись, но достоверных доказательств этому нет. Подруга обычно была пуглива, к миске слетала не всегда, и Ларуся кормил ее, принося корм. Иногда птицы лежали рядом на крыше сарая, отдыхая и греясь на солнышке. Кормежка чаек проходила шумно, конкуренты прогонялись, а Ларуся все больше проникался к нам доверием, брал пищу, иногда находясь в 1–2 метрах от человека.

Когда парочка переставала прилетать к дому, мы знали – начиналась кладка. Лишь изредка в холодные дни Ларуся появлялся один и, набив зоб кормом, улетал. В выборе гнездового участка сизые чайки консервативны, и до 90 % птиц селятся на прошлогодних гнездовых участках. Птенцы у наших чаек появляются в первой декаде июня. В июне Ларуся чаще появлялся на огороде, собирал после дождя червей (или мы выносили ему остатки еды). Домашних животных в это время в доме не было, и Ларуся занимался утилизацией пищевых остатков. Набив зоб, он всегда уносил еду в сторону лугов. Соседи знали Ларусю, и когда нас не было дома по нескольку дней, чайку подкармливали возле соседского дома.

Дважды Ларуся продемонстрировал нам свое потомство. 31 июля 2008 г. взрослые чайки несколько

Как у себя дома. Фото В. Бабенко

Ларуся кушает. Фото автора

раз прилетали покормиться, а в конце дня 3 молодые чайки с характерными криками прилетели вместе с родителями и сели на крышу дома. Больше этой осенью мы их не видели – «наши» чайки попрощались с нами перед отлетом.

В июне 2009 г. Ларуся подолгу стал проводить время во дворе, отдыхая на крыше теплицы, из чего мы сделали вывод, что кладка погибла. В 2010 г. Ларуся прилетал попрощаться 23 июля – за ним летели две молодые птицы. Чайки сделали круг над домом, а Ларуся сел на свое излюбленное место на крыше сарая, чем дал возможность еще раз себя идентифицировать. На следующий день семейство покинуло Пинегу.

Зимуют наши сизые чайки в странах Западной Европы: в Нидерландах, Бельгии, Швеции, Дании. Узнать это удалось благодаря окольцеванию. Так, птенец сизой чайки был окольцеван вблизи пос. Голубино 7 июня 1982 г., возврат кольца мы получили в том же году – 14 ноября птица была найдена мертвой в Дании. Окольцевание дает возможность узнать и о возрасте птиц. 12 июля 2007 г. в поселке Пинега была застрелена сизая чайка (к сожалению, нередки случаи, когда птицы погибают от руки негодяев), окольцованная 19 февраля 1985 г. в Нидерландах в возрасте трех лет. Таким образом, эта птица прожила 25 лет. Погибают чайки по вине людей часто. В районе поселка Пинега были обнаружены шесть окольцованных в Западной Европе чаек, из них три птицы были найдены мертвыми, одна чайка застрелена, одна птица погибла, запутавшись в рыболовной сети, и еще одна чайка разбилась, ударившись о провода электролинии.

К 2010 году Ларуся заметно постарел. Иногда ему доставалось от других, более молодых сизых чаек. Оперение его стало выглядеть не столь ухоженным, как прежде. Но мы так ждали его прилета весной 2011 года, с волнением ловили крики пролетающих мимо сизых чаек, все казалось – вот сейчас наш Ларуся, сделав круг над домом и приветствуя нас криком, опустится на свое излюбленное место на крыше сарая. Но увы ... Ларуся в этом году не прилетел.

Светлана Рыкова,
орнитолог Пинежского заповедника

Сотворение мира. Семь дней и семь встреч с Абхазией

Сотворив людей, бог решил дать каждому народу землю. Когда все территории уже были розданы разным племенам, за своей долей явился абхазец. Бог сказал ему, что земли уже не осталось, и спросил, почему он опоздал? Тот ответил, что у него были гости, и он не мог их покинуть. Богу понравилось гостеприимство абхазца, и он отдал ему лучший участок Земли, который оставлял для себя. С тех пор абхазцы и живут на Земле обетованной... И у каждого перед домом – обязательно широкая поляна, на которой они могут принимать своих гостей.

Впервые я встретился с гостеприимной Абхазией и ее жителями в конце августа далекого уже 1968 года, когда после первого курса университета на каникулах путешествовал по Кавказу. Вот наша электричка из Сочи пересекла Мзымту и Псоу, затем мы проехали Новый Афон, и машинист поезда по радио объявил, что приближается город Сухуми – столица солнечной, благодатной Абхазии.

Я провел тогда в городе всего пару дней, знакомясь с чудесной, в зелени и цветах, приморской набережной, с дендропарком, обезьяньим питомником, а потом вышел по Военно-Сухумской дороге вдоль р. Кодори к Клухорскому перевалу. И весь дальнейший путь туда меня сопровождали абхазцы, то подвозившие на своих машинах в горы, то привечавшие на ночь в низких пастушеских саклях, то гостеприимно снабжавшие необычайно вкусным ажарским хлебом, испеченным вперемешку с сыром.

А мой однокурсник, с которым мы собирались ехать на Кавказ вместе, не дождавшийся меня и отправившийся в путь несколькими днями раньше, в это время собирал урожай на мандариновых плантациях около Сухуми, зарабатывая на дальнейшую дорогу к Клухору.

Второй раз я попал в Абхазию в августе 1977 года. В Сухуми, где вместе с Ростовским детсадиком отдыхал мой сынишка, тогда пришлось пробыть несколько дней. Вместе с сыном я вновь попытался проехать к Клухорскому перевалу, чтобы освежить в памяти впечатления юности, но непогода не позволила нам даже полюбоваться горными вершинами. Однако в эти дни мне удалось ближе познакомиться с городом, его жителями, историей и культурой.

Третья поездка в Абхазию состоялась в августе 1990-го, за год до войны, перекроившей карту Кавказа. Мы спокойно отдыхали тогда в палатках на Бзыби в ее низовьях и на берегу Черного моря в мирной Гудауте, среди многочисленных туристов из России, даже не подозревавших о грядущих социально-политических катаклизмах.

Незабываемой оказалась следующая наша встреча – с новой уже Абхазией, Аpsны – пихтовой страной. Эту поездку в сентябре 2006 года организовал

проректор Абхазского государственного университета Виктор Ильич Маландзия для участников Совещания Северокавказской орнитологической группы, по политическим мотивам вынужденно перенесенного из Сухума в Якорную Щель, в Сочи. Несмотря на неожиданные препоны, мы все же прошли через пограничные кордоны, побывали на озере Рица, а затем на берегу Бзыби выпили за процветание Абхазии по бокалу терпкого «Аpsны».

После этого, по приглашению В.И. Маландзии, я специально приехал в Сухум в августе 2008 года для знакомства с фауной Колхиды, случайно попав там в зону очередных военных действий. Экскурсируя 9 августа в окрестностях села Дранда к юго-востоку от Сухума, я видел, как старенький МИГ поднялся с полузаброшенного аэродрома и ушел в свой последний полет в ущелье Кодора. Через несколько минут там прогремел взрыв, похожий на мощный грозовой разряд, хотя на непривычно ясном предвечернем небе не было видно ни единого облачка.

На следующее утро под окнами нашего дома в центре Сухума прогрохотала колонна БМП, а далеко на рейде появились крейсера и эсминцы, срочно пришедшие из Севастополя и прикрывшие Сухум с моря. Потом начались бомбежки в Кодорском ущелье, зловещее эхо которых долетало до Сухума. Время от времени высоко в небе с гулом пролетали штурмовики. И весь день ревели вдали тяжелые вертолеты, стелющимся полетом курсировавшие над морем из оцетинившейся Гудауты.

Когда же спало напряжение первых боевых дней, мы с Виктором Ильичем отправились в заповедник на мыс Пицунду и Мюссерские холмы, поразившие меня тогда своеобразной природой. И вот в мае следующего года, воспользовавшись оказией, я опять приехал туда на несколько дней, знакомясь с ландшафтами и птицами этого удивительного района.

Мыс Пицунда. Среди сосновой рощи – санатории советских времен.

Берега Мюссерских холмов.

Мюссерские холмы – это древняя подводная дельта р. Бзыби, сложенная сцементированными в брекции речными песками и галечниками. Поднявшись после ледникового периода на 100–200 м над уровнем моря, неплотные брекции начали быстро размываться: с запада – современным руслом Бзыби, а в центре – дождевыми водами, сформировавшими причудливую сеть неглубоких ущелий и извилистых водораздельных гребней, покрытых ксерофильным субтропическим лесом.

Мюссеры, как и прилегающая к ним Пицунда, имеют, в отличие от влажной Колхиды, засушливый климат. Черноморские циклоны, идущие на север, формируют мощные кучево-дождевые облака обычно над наветренными склонами Гагрского и Бзыбского хребтов. Здесь теплый и влажный воздух поднимается вверх, охлаждается и выливает излишки влаги на лесистые склоны. А массы влажного воздуха циклонов, идущих с севера, падают с этих высоких хребтов вниз, нагреваются и высыхают, так что до Мюссер и Пицунды не доходят и «атлантические» дожди. Поэтому над побережьем моря здесь почти всегда сияет солнце, даже когда ближайшие горы окутаны густыми тучами.

В июле 2011 года, в свою седьмую поездку в Абхазию, мы провели очередные семь дней на этих Мюссерских холмах, на берегу Черного моря. Нас приютил Левон Альбертович Хамальян в армянском селе Агараки, раскинувшемся отдельными хуторами по ущельям и невысоким хребтам Мюссер на 10 км от моря до Сухумской автотрассы. Когда-то это село славилось своими табачными плантациями. Сейчас в глубине Мюссер по хуторам сохранились лишь небольшие сады с виноградниками, мандариновыми садами, инжиром, хурмой, грецким орехом, лавровишней, мушмулой, фейхоа, киви и другими экзотами. А в прибрежных ущельях теперь формируется курортная зона, конкурирующая с Пицундой.

Чистейшее море с песчаными, галечными и каменистыми – на выбор – пляжами протянулось от Пицунды до Гудауты. Над берегами уютных бухт нависают невысокие скалы из песчаника, а на скалах зацепи-

лись корнями живописные куртины пицундских сосен и земляничные деревья. Дальше в глубь ущелий с чистыми, прохладными ручьями – грабово-дубовые леса с примесью бука, липы, съедобного каштана. Везде масса третичных реликтовых растений, в том числе земляничное дерево, гранат, лапина, древесный вереск, единственный родственник которого встречается только в Южной Африке.

У подножия Мюссерских холмов рядом с армянским селом Агараки приютилось зеленое абхазское село Лидзава, а дальше раскинулся обширный Пицундский мыс – современная «дельта» р. Бзыби. Пицунда, как и дельты других крупных рек, отличается необычайным разнообразием ландшафтов. Вдоль берега моря, на высоком песчано-галечниковом баре широкой полосой протянулась на много километров знаменитая Пицундская сосновая роща – девственный бор с густым подлеском из грабинника, скумпии, боярышника и сплошными колючими зарослями стелющейся по земле иглицы понтийской. Стволы многих вековых, мачтовых сосен затянuty плотной вечнозеленой драпировкой из плюща, а высоко наверху их венчают раскидистые узловатые кроны.

Вдоль опушки бора на прибрежных галечниках за годы «перестройки» и запустения поднялась многочисленная молодая поросль пицундской сосны. За сосновой рощей, на более влажных и плодородных почвах, тянется прерывистая полоса высокого густого самшитника – так называемой «кавказской пальмы» – переходящая дальше в сухие супесчаные пустоши, используемые обычно под пастбища. А ближе к лесистым холмам расположена обширная заболоченная низина, куда сбрасывают свои воды многочисленные ручьи, текущие с Мюссерских холмов.

В XX веке эти болота были осушены, в Колхиде ликвидирована малярия, и в сосновой роще на Пицундском мысу началось курортное строительство. Здесь вырос небольшой городок Пицунда, где в многоэтажных домах жил персонал многочисленных санаториев и курортов. В начале XXI века во время одной из бурь была разрушена насосная станция, откачивавшая воду из лагунного озера Инкит, и здесь вновь сформировались широкие разливы, окаймленные осоково-тростниковыми зарослями. Однако в 2010 г. мелиоративную систему восстановили, и сейчас на низменности опять преобладают сенокосы с сетью дренажных каналов, кишащих карасями и другой рыбой.

В июле 2011 г. наши ежедневные экскурсии охватили Мюссерские холмы, Пицундскую низменность и все морское побережье от устья Бзыби почти до речки Мюссеры. Птиц в это время, по сравнению с маем 2009 г., оказалось значительно меньше, к тому же многие из них закончили размножение и смолкли. Попрятались многочисленные бледные пересмешки, без умолку трещавшие весной в кустарниках; смолкли пеночки; в лесах уже не слышно было рулад

черных дроздов и черноголовых славок; умолк громкий, многоголосый хор южных соловьев. Тем не менее, нам вновь удалось увидеть в Абхазии ряд редких, интересных видов.

Всего в Пицунде мы отметили 114 видов птиц, в том числе 72 гнездящихся. А с учетом наблюдений других исследователей – А. Нордманна, К.А. Сатунина, К.В. Лауница, Г.И. Бернацкого и др. – в Пицундо-Мюссерском заповеднике зарегистрированы 210 видов.

Где-то в Пицундском бору сейчас снова гнездится черный аист, регулярно летающий за кормом над жилым городком на дренажные каналы среди лугов. У Бзыби опять наблюдался орлан-белохвост, но на этот раз молодой, неполовозрелый. На прибрежных скалах Мюссер мы нашли, наконец, сапсанов,

гнездившихся там, вероятно, на заросших травой скальных карнизах. А в лесах на холмах встречен малый подорлик. Там же в старом дубняке вновь были найдены короткопалые пищухи, у водопада по тенистому ручью неожиданно встречена оляпка, на речушках в ущельях порхали горные трясогузки, а на сухих, открытых скалах местами пели горные овсянки. Не удалось обнаружить лишь красноголового короля, обитающего в сосновой роще, и змеяда, гнездование которого предполагалось на засушливых, изобилующих рептилиями Мюссерских холмах. Это осталось на будущее.

До скорой встречи, Апсны!

В. Белик

Фотографии автора

Птицы-храбрецы

Когда в конце июня по просьбе сотрудников телепрограммы «Вести-Новосибирск» я ехал с ними к месту съемок шумевшего впоследствии сюжета о нападениях коршунов на людей в микрорайоне Затон вблизи Димитровского моста через Обь, я практически без перерыва рассказывал им об аналогичных случаях из опыта общения с этим и другими видами пернатых.

Чуть более года назад подобная ситуация возникла неподалеку от Затона в районе ТЭЦ-3, когда из-за пары коршунов, загнездившихся на металлической опоре старой линии электропередач и атаковавших монтажников-высотников, руководитель приостановил работы на строящейся ЛЭП, обоснованно опасаясь несчастных случаев.

Еще в детстве я имел возможность убедиться, насколько самоотверженными становятся птицы – будь то курица-наседка или утка с выводком – если возникает угроза их потомству. Залезая на сосенки с гнездами дроздов-рябинников, мы всякий раз подвергались шумным «бомбардировкам» их пометом.

Однажды мне довелось наблюдать, как путевые рабочие столкнулись с яростной атакой, сопровождаемой истошным карканьем, пары взрослых ворон, когда попытались взять в руки вороненка, чтобы тот не попал под поезд, прыгая по шпалам вблизи остановочной платформы Правая Обь.

Коллеги-орнитологи, обследовавшие гнездовое поселение малых крачек на песчаном островке посреди Оби, однажды были вынуждены бежать на помощь дочурке, которую с пронзительными криками атаковали хозяева гнезд. Пришлось обрабатывать антисептиком царапины на голове от ударов клюва этой небольшой птицы размером со скворца.

Коллега-ихтиолог в июле выезжала на мотолодке в устье реки Каргат не иначе, как отмахиваясь шестом от больших крикливых чаек-хохотуний, нападавших

на нее сверху – поскольку на плесе плавали их почти полностью оперившиеся птенцы.

Несколько лет назад знакомые геологи, возвратившись из экспедиции на север Якутии, рассказали об атаках пары хищных птиц – зимняков (другое название этой птицы, гнездящейся в тундре – мохноногий канюк). Зимняки устроили гнездо в недоступном для песцов и волков месте – на уступе высокой отвесной береговой скалы. Маршрут геологов каждый день проходил по узкому берегу реки непосредственно под этими скалами. Обычно недалеко от гнезда находился один из родителей, который каждый раз, увидев людей метров за 300–400, начинал тревожно кричать – «канючить». На его зов прилетал второй зимняк, и обе птицы с криками кружили над приближающимися людьми и пикировали на них. Чем ближе к гнезду, тем атаки становились все более ожесточенными. Наиболее агрессивно себя вел самец, который по сравнению с самкой был, как у всех хищных птиц, заметно мельче. Он пикировал на людей и стремительно проносился буквально в метре над головой. Так продолжалось до тех пор, пока птица не убеждалась, что человек начинал удаляться от гнезда.

Зимняк готовится к атаке. Фото А. Ядрёнкина

Особенно яростно зимняк набрасывался на непрошенного гостя, если тот был один. Когда же людей было несколько, птицы, как правило, вели себя менее агрессивно. Они действовали как бы в соответствии с численным превосходством «противника». Три раза эти устрашающие броски завершились прямым нападением – очень даже ощутимыми ударами по голове. В первый раз при попытке поближе сфотографировать гнездо с птенцами от удара с головы фотографа слетела меховая шапка. А во второй и в третий – одиночные геологи были атакованы просто при прохождении под скалами, причем одного из них зимняк поцарапал когтями до крови. Но апогеем конфликтного общения с птицами была атака «пикирующего бомбардировщика». Однажды сидящий на скале зимняк подлетел к незванным гостям и, совершая очередное пикирование, выпустил из когтей небольшой камешек, полетевший в сторону одного из геологов. Честно говоря, своеобразное «бомбометание» получилось весьма неточным, но произвело должный эффект. Этот случай затем не раз бурно обсуждалось у вечернего костра. «А что, времени у зимняка много – шутили собеседники – к следующему сезону он, глядишь, и наловчится бросать в людей камни точнее».

Эти нападения, конечно же, вызывали у пострадавших негодование и недобрые пожелания в адрес пернатых сторожей. Согласитесь, приятного мало, когда кто-то постоянно орет и бьет тебя по голове.

Гнездо зимняка. Фото А. Ядрёнкина

Однако следует отметить, что все участники экспедиции относились к ситуации с пониманием, осознавая, что причиной птичьей агрессивности была благородная забота о подрастающих птенцах. Все, и пострадавшие в том числе, со смехом подшучивали друг над другом, советуя ходить в маршруты в касках.

...Возвратившись со съемок сюжета об агрессивных коршунах в Затоне к себе на дачный участок, я решил заглянуть в гнездышко с оперяющимися птенчиками садовой камышевки в куртине малины. И был ошеломлен внезапной шумной обороной этих крошечных птах, одна из которых ощутимо ударила меня крылышком по лицу.

Алексей Яновский

Грачи

Всеволод Михайлович Авилов (1889–1952), младший сын писательницы Лидии Алексеевны Авиловой, окончил сначала юридический, а затем филологический факультеты Московского университета, занимался литературно-редакторской деятельностью. Стихи начал писать в ранней юности и писал всю жизнь. Хотя они не были опубликованы, их высоко ценили И.А.Бунин и В.Я.Брюсов. Многие посвящены природе. Мы публикуем одно из его стихотворений.

Засыпал Николушка сладко
При неровном свете свечи.
Под окном стояла кровать,
За окном кричали грачи.
Было все и совсем иначе,
И совсем не так, как в Москве,
В этой смольно пахнущей даче,
Спрятанной в росистой листве.
Коля просит тихонько маму
К синему подойти окну
И толкнуть непрочную раму
В сумерки, в прохладу... в весну!
Вот грачи – счастливые птицы!
Хорошо им в макушках лип!
Над рекой ли туман всклубится,
На земле ли раздастся скрип –
Старый грач прокаркает жестко
Молодым: «Берегись! Смотри!»

Глядь, и вспыхнет внизу полоска,
Узенькая щелка зари...
А из этой узенькой щелки
Свет все шире, все горячей...
Солнце бросит свои осколки
В мокрые жилища грачей,
И навстречу солнцу, играя,
Бросив лип душистый приют,
В океане светлого мая
Тысячи грачей поплывут...
«Мама, мама, как хорошо им
Изо всех своих птичьих сил
Брызгаться золотистым зноем
С отливающих синью крыл!»
Ну, а мама, укрывши Колю:
«Разве можно болтать по ночам!?
Спи скорей! А то поневоле
Я тебя уступлю грачам!»

Странное поведение канюка

Этого канюка мы наблюдали 26 сентября 2010 года в Спасском районе Рязанской области, неподалеку от деревни Мжакино, возле шоссе. Мы ехали в сторону Рязани на своей машине. Муж увидел, что прямо на обочине стоит какая-то крупная птица. Чтобы ее не испугать, он проехал чуть дальше, сделал разворот и уже тогда бесшумно подкатил к птице (это был канюк). Несколько секунд канюк не проявлял беспокойства, и муж успел сделать из своего окна два кадра.

Показалось, что канюк волочит одно крыло (фото 1). Поэтому, когда птица испугалась и полетела довольно низко над землей, муж решил пойти следом и посмотреть, что с ней на самом деле. С его слов (я всего не видела), канюк пролетел 40 метров до ближайшей березы, сел на ветки и, как показалось, не удержался, взмахнул крыльями и упал в высокую траву, где и затаился. Создалось впечатление, что канюк попытался зацепиться лапой за ветку, но она оказалась совсем хрупкой и не выдержала его веса. Решив, что птица сильно ударилась о землю, и ей надо помогать, муж крикнул мне, чтобы подбегала с фотоаппаратом, а сам побежал к канюку.

Однако птица взлетела из травы и полетела к одной из высоких берез. Здесь канюк снова сел на ветку, кувыркнулся и повис вниз головой. Я пошла ближе. Пока стволы других берез закрывали полный обзор и мне, и канюку, он продолжал висеть. От момента, когда я увидела птицу, и до того, как сделала самую удачную фотографию (фото 2), прошло чуть больше минуты. Как только меня и канюка перестали разделять деревья, он тут же как-то вывернулся и улетел в сторону более густой березовой рощи, еще метров на пятьдесят от нас. По снимкам могу предположить, что в течение всей минуты, когда птица висела вниз головой, она внимательно наблюдала за нами, вытягивая голову так, чтобы видеть меня за стволом дерева.

Мы пошли за канюком и обнаружили его через четыре минуты. Он сидел обычным способом на толстом березовом суку. Даже когда мы, не таясь,

подошли близко и наблюдали его в просвет среди ветвей, птица еще тридцать секунд сидела почти неподвижно, только медленно поворачивала голову. Потом канюк улетел, далее мы его не преследовали.

По фотографии мне помогли определить, что канюк был второгодком. Похожее наблюдение за двумя слетками канюка сделала Татьяна Адаменко («Московка». Новости программы птицы Москвы и Подмосковья. № 11 апрель 2010 г., стр. 40), поэтому я не особенно удивилась поведению нашей птицы.

Полина Лихачева

О наблюдении других птиц в похожей позе (по материалам форума сайта Союза):

Как-то давно зимой видел в нашем саду, как таким образом на пирамидальных тополях развлекались серые вороны. Им это явно приносило удовольствие. **Андрей Коваленко, Казахстан**

У хищников подобное видел у тетеревины, но там другая история – кольцевал птенцов, при подъеме на гнездо они «спрыгнули». Двух нашли сразу а третий – как сквозь землю. Но поднял глаза чуть выше – висит, родимый, на лапе (на тонкой ветке ели, почти у ствола) и следит за мной. Снял аккуратно, окольцевал, вернул «домой» – в гнездо.

Владимир Мельников, Иваново

Встречалось у цапель на гнездовой колонии. Но там вывернуться из этого положения в нормальное положение головой кверху птенцу крайне трудно – думаю, в одном из ста случаев. В остальных 99 он или падает вниз (а там уж как повезет), или хватается за соседнюю ветку и на нее перелезает. **Игорь Фефелов, Иркутск**

В сети нашел только вопросы от владельцев попугаев: не опасно ли им висеть вниз головой и зачем они это делают. Ответ специалиста сводился к тому, что висение вниз головой свидетельствует о хорошей кондиции птицы, ее хорошем настроении и спортивных наклонностях. **Владимир Хабаров, Обнинск**

Фото 1. Канюк на обочине.

Фото 2. Висящий канюк.

Путевые заметки о птицах Химачальской провинции (Северная Индия)

Маршрут Западно-Гималайской комплексной экспедиции Санкт-Петербургского союза ученых (28 сентября – 16 октября 2011 г.) прошел по дорогам Химачала – северной провинции Индии на границе с Тибетом. Наш путь общей протяженностью около 800 км уложился в «квадрат» со стороны приблизительно 220 км при перепаде высот от 2,1 до 4,5 км над уровнем моря. В этом сравнительно небольшом пространстве уместился почти весь ландшафтный спектр северной Индии – от поросших молочаями субтропических предгорий и долин рек Сатледж и Беас до покрытых хвойными и смешанными лесами хребтов (долины Баспы, Тиртхана), холодных пустынь юго-западной окраины Тибета (долины Спити, Ленгти, Пина) и лежащих под вечными снегами вершин главных цепей Гималаев (долины Чандры, Бхага).

На пути к индийскому северу первую остановку мы сделали в городе Симла (31°06'N, 77°10'E, 2100 м н.у.м.) – административном центре штата Химачал-Прадеш. В колониальном прошлом страны этот город, лежащий на гребнях Сиваликских холмов, служил летней резиденцией британским властям. Двухдневная задержка в этом прохладном месте была оправдана необходимостью оформления пропусков в погранзону. Кроме того, для нас, живущих обычно на уровне моря, она была весьма своевременной в плане высотной аккомодации.

Склоны симлианских холмов рассечены глубокими долинами, перепады высот здесь достигают нескольких сотен метров. Однако в гималайских масштабах здешняя местность – это всего-навсего хорошо обжитые, курортные предгорья Гималаев. Главная улица Симлы (the Mall) рассечена белой пунктирной полосой. Когда-то эта срединная линия разделяла поток пешеходов на две части – британскую и небританскую, т.е. индийскую. Сейчас у демаркационной линии другой, чисто географический смысл. Вдоль нее как раз протекает «главный водораздел» субконтинента: водотоки, текущие к западу, несут свои воды в Инд, а те, что идут к востоку, принадлежат бассейну Ганга. Склоны гор покрыты хвойными лесами. Преобладают деодар, или гималайский кедр (*Cedrus deodora*), и гималайская, или голубая сосна (*Pinus wallichiana*). Высота деодаров достигает 50 м, диаметр стволов в основании – 1,5 м, а возраст – 400-450 лет.

В середине сентября в Химачальской области заканчивается сезон дождей, и октябрь считается лучшим временем для путешествий. Для тех, кого интересует фауна птиц, это не бесспорно, но сезонная ограниченность орнитофауны отчасти окупается относительной легкостью достижения множества биотопов и немислимых высот.

У кедров, растущих в парках Симлы, в эти дни начинается пора цветения. Не весна, и не новый год, но

темные вековые кроны украшены множеством сернисто-желтых «свечечек» – пылящих мужских стробил. На южных, орошаемых муссонными осадками склонах Гималаев, пояс кедровых лесов расположен на высотах от 1800 до 3000 м. В дневные часы над долинами Симлы парят снежные грифы (*Gyps himalayensis*), черные коршуны (*Milvus migrans*). Среди жилых кварталов держатся большеклювая ворона (*Corvus macrorhynchos*) и наши старые, добрые знакомые – домовый воробей (*Passer domesticus*) и сизый голубь (*Columba livia*). Ближе к вечеру на окраине города встретил рыжеголовых усатых синиц (*Aegithalos concinnus*); в быстром движении их стайка «прошивала» кроны кедров и придорожные кустарники.

30 сентября движемся к северу и, перевалив невысокий хребет вблизи селения Нарканда, попадаем в долину Сатледжа. Этот крупный левобережный приток Инда берет начало на западной окраине Тибета. Рассекая главные цепи Гималаев, Сатледж уходит к югу вдоль 77–78° восточной долготы. Воль Сатледжа проложена одна из «стержневых» дорог Индии, ведущая в Китай и к северо-западным округам Химачала. За состоянием дорог в этой оборонно-чувствительной и туристически-освоенной части страны следят военные: к экономическому значению путей сообщения тут добавляются южно-азиатская стратегия и политика.

В гималайской части Химачала все храмы, жилые и подсобные строения покрыты двускатными крышами из тяжелых сланцевых пластин аспидного цвета. Спрессованные слои этого «гималайского шифера» слагают огромные массивы хребтов и выделяются повсюду в каменоломнях заодно с гранитными кирпичами – основным сырьем местной архитектуры и дорожного строительства. Женщины, сидящие с молотками вдоль обочин «стержневых» дорог, неустанно превращают кристаллические глыбы в щебенку, щебенку – в бетон, бетон – в дорожное полотно. Российским путешественникам, повидавшим и Нечерноземье, и Сибирь, гимачальские дороги кажутся образцово ухоженными, а водители – неизменно

Кедровые леса у Симлы

доброжелательными и учтивыми. Впрочем, что касается водителей, – так оно и есть на самом деле.

К концу этого, третьего дня путешествия попадаем в селение Сарахан (31°31'N, 77°48'E), где можно комфортно переночевать в недорогой гостинице при старинном индуистском храме. Селение лежит в окружении яблоневых садов и террасированных полей на высотах около 2,2 км. Выше Сарахана склоны гор покрыты смешанными лесами (деодар, дубы), а еще выше – хвойной тайгой (деодар, сосны, ель, пихта). В Сараханский храм так запросто не попадешь: при входе скалятся два желтых льва, а «вооруженная охрана» (ветеран в военном мундире с винтовкой времен англо-бурской войны с примкнутым штыком) заставляет разуться и подальше спрятать фотоаппараты. В святилищах храма брамины благословляют приносимые гостями дары (в основном, кокосовые орехи), желают паломникам и туристам благоденствия и ставят на лоб оранжевую метку – тикку. Это умиротворяет босоногих посетителей, и стражник с винтовкой становится вроде бы менее суровым.

В Сарахане есть еще одна достопримечательность – небольшая правительственная ферма по разведению западного трагопана (*Tragopan melanocephalus*). Этот узкоареальный, эндемичный и глобально угрожаемый вид птиц обитает с невысокой плотностью на склонах близлежащих хребтов, поросших хвойно-широколиственными лесами. На ферме, построенной в 2009 г., содержится 9–10 пар трагопанов, ведутся опыты по инкубации кладок и выращиванию в неволе птенцов с целью их последующего выпуска в природу.

На следующий день, 1 октября, в предрассветные и первые утренние часы на околице Сарахана наиболее заметны были полосатая тимелия (*Garrulax lineatus*) и серый чекан (*Saxicola ferreus*). В яблоневых садах встретил зеленоспинную синицу (*Parus monticolus*) и конька, более всего похожего на лесного (*Anthus trivialis*). Под горой, в зарослях кустарников у стен небольшой индуистской часовни отметил синюю птицу (*Myophonus caeruleus*) и стайку гималайских зеленушек (*Carduelis spinoides*). Под кровлями главного храма были многочисленны майны

Синяя птица

(*Acridotheres tristis*). А накануне вечером, на пути к Сарахану, я отметил в лесных зарослях пятнистую вилхостыку (*Enicurus maculatus*) и желтоклювую голубую сороку (*Urocissa flavirostris*).

Из Сарахана наш путь лежал в долину Сангла – «сердце» округа Киннаур. Перемещаемся всего на несколько десятков километров далее к северу – но почти на километр выше в горы – и открываем для себя другой мир. Это уже не предгорья, а настоящие горы. И не просто горы, а Гималаи. В этих краях горные долины часто именуют не по названию реки, а по важнейшему селению. В данном случае – по деревне Сангла, расположенной в среднем течении р. Баспа. Этот левобережный приток Сатледжа протяженностью около 100 км берет начало из нескольких ледников и течет на запад.

От Сатледжа к Сангле и Ракчаму ведет узкая дорога. Большею частью она проложена по карнизу крутого склона или в нише, прорубленной в отвесной скале: вверху километровая стена, внизу – километровая пропасть. По разогретым камням ползают агама. На этом извилистом пути единственный, но весьма частый дорожный знак – разноцветные «валторны» и «рожки». Подобная «наскальная живопись» указывает на приближение закрытых поворотов и призывает шоферов к подаче звукового сигнала. Но даже предупрежденные гудком водители то и дело вынуждены тормозить, «цепенея» в нескольких сантиметрах от встречного транспорта. Оцепенение длится недолго: водители улыбаются друг другу, и, общаясь жестами рук и пальцев, потихоньку разъезжаются. Одна из машин прижимается к стенке, другая медленно движется по-над пропастью. Водитель обычно спокоен, а рука пассажира инстинктивно сжимает перильце над дверью автомобиля... Ни разу не заметил я между водителями раздражения или спешки, повышенной тональности голоса или намека на грубое слово: улыбка – нерв нации, а вежливость при ней не просто прилагательное, в подобных обстоятельствах она становится инструментом безопасности.

На пару дней останавливаемся в селении Ракчам (31°24'N, 78°20'E; 3100 м н.у.м), расположенном в среднем течении Баспы километрах в десяти выше Санглы. Ракчам лежит в окружении террасированных полей, овечьих пастбищ и яблоневых садов. К каждому полевому наделу или саду подведен водоток в желобке. Гречишные поля уже убраны, а в садах – время сбора урожая. В умеренно-влажном климате Киннаура он всегда обильный.

Ранним утром следующего дня жизнь ракчамского селения уже набирает обороты. Народ-труженик не ведает покоя: кто-то тащит в гору охапки соломы, кто-то расчищает поля, кто-то гонит отару овец на пастбища. Когда лучи солнца падают на снежные гребни гор и их лесистые склоны, на обочинах дороги и в садах Ракчама становятся заметны и птицы. Среди них – уже знакомый нам по Сарахану серый

чекан и несколько самок чечевицы (скорее всего – *Carpodacus erythrinus*). Среди вновь отмеченных и частью незнакомых мне видов – индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus*) с ярко-желтой бровью, рыжешейная синица (*Parus rufonuchalis*), ареал которой объединяет Гималаи со Средней Азией, знакомая всем таежникам синехвостка (*Tarsiger cyanurus*) и конек, более всего похожий на пятнистого (*Anthus hodgsoni*). Когда солнечный свет достиг глубины ущелий, в ракчамских садах показалась большая горлица (*Streptopelia orientalis*).

Выше по течению Баспы, километрах в 20 от Ракчама расположено селение Читкуль (31°21'N, 78°26'E; 3450 м н.у.м.). Здесь проходит верхняя граница лесного пояса. В эту пору года дни стоят еще теплые, а ночные температуры не опускаются ниже 0°C. Навстречу туману по склонам гор поднимаются шероховатые языки темнохвойной тайги. Их верхняя граница проходит на высоте 3,6–3,8 км и окантована золотистым кружевом березовых рощ (*Betula alnoides*). В Читкуле и трасса, и автобусное сообщение заканчиваются. Дальше в горы ведут только гужевые тропы и маршруты многочисленных – даже и в эту осеннюю пору – «треккеров» – любителей пеших прогулок из числа европейских и израильских туристов. Непременные участники этих походов – местные носильщики-портеры. Последние занимают здесь нишу непальских шерпов и готовы за малые деньги нести большие тяжести на дальнее расстояние. Их лозунг – «носить тяжести – не дело гостей».

За околицей селения, на приречных террасах и шлейфах гор раскинулась сетка убранных полей, разделенных невысокими каменными изгородями и пересекаемых тропами рогатого скота – крупного и мелкого. На подножье склонов к полям и лужайкам подходят россыпи камней, обломки скал и заросли колючих кустарников. Над буроватыми гребнями гор возвышаются ослепительно-белые пики шести-семикилометровой высоты. После полудня над снежными зубцами повисают «вымпелы» ветровых облаков. Хотя в этой местности пешеходов (парно- и непарнопалых) больше, чем птиц, последние тоже встречаются. В зарослях барбариса мелькает черноголовый чекан (*Saxicola torquata*), по полю бродит белая трясогузка (*Motacilla alba alboides*), на каменных глыбах сидят рыжий воробей (*Passer rutilans*) и конек, более всего похожий на розового (*Anthus roseatus*). Клушицы инспектируют каменистую почву на окраинах полей, летают над склонами и седловинами гор, пересекая долину во всех направлениях и на разной высоте. Над полями и обрывами Баспы в полуденные часы появляются пустельга (*Falco tinnunculus*) и стайки сизых голубей (*Columba livia*). В какой-то момент показался мохноногий курганник (*Buteo hemilasius*). У небольшого ручейка, разлившегося среди дороги глинистой лужей, особенное оживление. В полуденные часы здесь держалась

Баспа

стаяка гималайских зеленушек, несколько пар чечевицы красивой (*Carpodacus pulcherimus*), пара горных овсянок (*Emberiza cia*) и несколько особей эндемичной рыжегрудой завирушки (*Prunella strophiatea*).

Перепад высот между Читкулем и Ракчамом составляет около 400 м. На этом пути долина реки во многих местах рассечена ущельями притоков, перехвачена моренными грядами. Ее склоны покрыты хвойными лесами, в составе которых преобладает пятигольчатая гималайская сосна с большими удлиненными шишками на ветвях. Шишки уже созрели, но еще не раскрылись. Короткая остановка в сосновом бору на высоте 3200 м порадовала встречей с гималайской пищухой (*Certhia himalyana*), которая внимательно осматривала лишайники на поверхности валунов и трещиноватую кору сосновых стволов. Здесь же, в густых зарослях подлеска, удалось заметить несколько мелких птиц с ярко-желтым оперением груди и брюшка – гималайских пеночек (*Phylloscopus affinis*). В какой-то момент среди сосновых ветвей появилась пара рыжешейных синиц.

До захода солнца оставалось еще несколько часов, и светлого времени хватило, чтобы подняться к небольшому водопаду (3300 м), который орошает пастбища и поля на левобережье Баспы близ Ракчама. Среди ивовых зарослей и многочисленных каменных дамб, возведенных трудами пастухов и земледельцев, наблюдали пару водяных горихвосток (*Chaimarrhornis leucocephalus*) и одиночного крапивника (*Troglodytes troglodytes*). Первые держались среди валунов подле бурного потока, были спокойны и доверчивы; второй показался мне необычайно осторожным. На следующий день, вблизи селения Сангла список местной фауны удалось пополнить встречей бурой оляпки (*Cinclus pallasii*) и молодого малого перепелятника (*Accipiter virgatus*). Оляпка удивила тем, что, занырнув в быструю протоку Баспы, появилась на поверхности мутноватого потока в нескольких десятках метров выше по течению.

В следующие два дня, двигаясь к северо-западу, мы переместились из горно-таежных долин Киннаура в безлесные нагорья юго-западной окраины Тибета.

Достигнув с помощью колесного транспорта новых высот (3700–4500 м), наша экспедиция оказалась в области холодных пустынь Индии, среди высокогорного ландшафта долины Спити. Эта река впадает в Сатледж по правому берегу, в нескольких километрах от Индо-Китайской границы. В отличие от Киннаура и других районов Химачала, летние муссоны не орошают здешней местности. Долина Спити открылась нам каменной тесниной, сквозь которую навстречу Сатледжу пробивался бурный поток белесоватой окраски. В эту щель, под скальный навес – вверх, вверх и все выше – уходит дорога. Леса из эндемичной сосны Роксбурга (*Pinus roxburghii*) быстро обрастают в редины, а потом и вовсе исчезают.

Окраска местности меняется. В ее палитре преобладают теперь сдержанные тона полупустыни. По бледно-желтому и буроватому «холсту» разбросаны коричневые пятна колючей караганы и сизоватые куртины эфедры. Линия горизонта на юге окаймлена высотами Гималаев, сияющими на ультрамариновом фоне безоблачного неба. Здесь и там пепельные контуры убранных полей расцвечены золотистыми пятнами тополевых рощ и тальниковых зарослей. Островные поймы рек в красных и оранжевых пятнах тамариска. Ветвистые русла рек чисты и полноводны. Благодаря ледниковому питанию, недостатка влаги в здешних селениях нет. Здесь немного садов, но каждое поле, как и в предгорных долинах, орошается отдельным желобком-водотоком. Такой вариант богарного земледелия объединяет Спити с другими районами Индии, но во всех других отношениях эта местность лежит в ареале тибетской культуры. Селения обычно расположены вблизи ламаистских монастырей. Здесь и там ветер трепещет разноцветные флажки, вымпелы и хоругви, исписанные буддийскими молитвами. Из сочетания веры и ветра получается «вечный» и экологически чистый двигатель, как бы ускоряющий продвижение молитв в сторону «адресата». Дома сельских жителей похожи на большие картонные коробки с вырезами-окнами. Их плоские крыши служат площадкой для складирования зимних припасов – соломы, трав, топлива. Тарелка спутниковой связи – неизменное дополнение к этому небогатому «меню». В течение 4-5 зимних месяцев долина Спити лежит под снегом, отрезанная от остальной страны заоблачными перевалами, обледенелыми дорогами и ущельями, забиваемыми пробками сугробов.

Селение Нако (31°53'N, 78°38'E; 3600 м н.у.м) лежит на восточной окраине округа Спити. Здесь мы остановились на ночлег. Прохладный рассвет следующего дня, 5 октября, я провел на склонах гор, окружающих селение. Как и в селениях Киннаура, повседневные труды и вахты местных жителей начинаются здесь с рассветом. Изъязвленные ветром и мерзлотой каменные глыбы повсюду испещрены текстами мантр буддийской веры. Письмена в дан-

Богарное земледелие

ном случае неподвижны, но до «небесной канцелярии» от них уже совсем недалеко. Под ламаистскими скрижалями в предрассветном сумраке бродят стайки кекликов (*Alectoris chukar*). В это время птицы шумны и подвижны. На вершинах и выступах скал ночуют сизые голуби. Первые лучи солнца выводят их из ночного оцепенения. Бегущая граница теней пересекает кусты шиповника и эфедры. Над россыпью камней перепархивает молодая черная горихвостка (*Phoenicurus ochrurus*). Чуть позже на окраине деревни оживляются домовые воробьи, мелькают большие горлицы, а по каменному забору бежит белая трясогузка. Еще позже появились рыжегорлая завирушка (*Prunella rubeculoides*) – эндемик тибето-гималайской горной страны и красношапочный вьюрок (*Serinus pusillus*) – вид, знакомый тем, кто бывал в Закавказье. В течение этого и нескольких последующих дней (5–9 октября), не опускаясь ниже 3,2 км, мы посетили несколько других селений и долин округа Спити.

В окрестностях древнего монастыря Табо (32°05'N, 78°23'E; 3300 м н.у.м), где любит бывать его превосходительство Далай-Лама, и где склоны гор изъязвлены рукотворными пещерами отшельников, расположен оазис Пох. Через поток Спити здесь перекинут мост, а вдоль правого берега реки тянется высокий, сложенный эродированными песчаниками обрыв с живописными останцами и ущельями. Примыкающая боковая долина увенчана острыми снежными пиками. В предзакатный час над рекой и обрывами летает стая сизых голубей, а среди них – несколько скальных голубей (*Columba rupestris*) с белой перевязью на хвосте. Из боковой долины показывается бородач (*Gypaetus barbatus*). В лучах вечернего солнца его охристая грудь приобретает устрашающую ржавчатую окраску. Но она не пугает голубей. В долине Спити – сезон осенних кочевков. Вверх по реке перемещаются стайки вьюрков. Несколько птиц присаживаются среди куртинок мятлика, истоптанных овцами, и их удастся рассмотреть: это гималайский вьюрок (*Leucosticte nemoricola*), населяющий, кроме Тибета, горы Средней Азии и Южной Сибири. Утром следующего дня (7 октября) долину Спити в этом месте снова

патрулирует бородач, а несколько выше по реке в зарослях тамариска, облепихи и древесных ив во время короткой остановки на предмет поиска амфибий отмечаю взрослого самца черной горихвостки и буроватого окраса небольшую птицу, определенную как среднеазиатская теньковка (*Philloscopus sindianus*). В определителе птиц Северной Индии Ричарда Гриммета и Тима Инскипа (*Oxford University Press, 2003*), отличающемся весьма высоким качеством иллюстраций, она названа Mountain Chiffchaff. В тот день успеваем подняться по долине р. Пин – наиболее значительного правобережного притока Спити в среднем течении. В верховьях Пина расположен один из крупнейших национальных парков трансгималайской Индии. В долине Пина мы оказались после полудня – «мертвый час» для тех, кого интересует орнитофауна. Из птиц в этой живописной местности я отметил только одну – показавшегося на секунды, но хорошо узнаваемого самца высокогорной чечевицы (*Carpodacus rubicilloides*).

Селение Каза (32°13'N, 78°00'E; 3700 м н.у.м) устроилось на конусе выноса небольшого потока, впадающего в Спити по левому берегу. Совершенно теперь высохшее, русло этой речушки разрезает поселок надвое. Каза считается административным центром округа Спити. Здесь довольно много домов с двускатной крышей, небольших гостиниц, магазинов и дхабов – предприятий придорожного питания. Утром следующего дня, 8 октября, над полями близ Казы встретил пару воронов (*Corvus corax*), домовых воробьев, черную горихвостку и белую трясогузку. Более интересной оказалась фауна окрестностей селения Комик. Эта деревня и одноименный монастырь расположены на высотах более 4,5 км. Здесь еще встречаются очаги земледелия и видны контуры убранных полей (каждое снабжено водотоком), но выше в горы идут только пастбища овец и яков. На гребнях холмов пасется стадо диких коз-ибексов. К козам крадется снежный барс-ирбис. Правда, только на рекламных щитах и в буклетах для туристов. Над полями же летает стайка скалистых голубей, а над крышами монастыря кружатся альпийские галки (*Pyrrhocorax graculus*) и более многочисленные клушицы. Последние бродят по склонам холмов, переворачивают клювом камни в поисках прямокрылых и других насекомых. На монастырском дворе, между кучей ячменного зерна и раскрашенными застрехами крыш бесшумно летают большие чечевицы (*Carpodacus rubicilla*) – и самцы, и самки. Сидящая среди темно-красных деревянных колонн одинокая рыжегорлая завирушка – еще один участник этой субальпийской мизансцены.

В ночь с 8 на 9 октября погода выдалась штормовая, но к утру ненастье улеглось. На рассвете было прохладно, тихо и ясно, а на склонах гор появился снег. От лежащего на истоках Спити селения Лоссар (32°26'N, 77°46'E; 4100 м н.у.м) дорога поворачива-

ет к югу и уходит в сторону заснеженного перевала Кунзум (4550 м). В Лоссаре – очередной шлагбаум и еще одна (уже третья за неделю) проверка документов: ритуальное переписывание паспортов, виз и пропусков. Правда, без «фейс-контроля» и одинаково для всех – и местных жителей, и туристов. В памяти всплывают картины «пограничного режима» наших северных поселков в далекие 70–80-е годы прошлого века. Здесь, правда, параноидальные инстинкты властей оправданы близостью недружественных соседей – Китая и Пакистана. По лоссарским полям бродит стая скальных голубей, над склонами гор летают клушицы и альпийские галки, в храмовом саду держится доверчивая рыжегорлая завирушка, а на обочине дороги у шлагбаума – стайка жемчужных выюрков (*Leucosticte brandtii*).

За перевалом Кунзум открываются новые горизонты. Знакомство с округом Лахаул начинается для нас с величественной долины Чандры. Эта река, как и Спити, питает истоки Инда, но в ее долине иной мир – более красочный, обильный ледниками, троговыми долинами и моренами. Мир полноводный и зеленеющий альпийскими лугами даже в эту осеннюю пору. Дорога идет под уклон. С потерей высоты альпийские луга сменяются березовыми рощами, елово-пихтовыми и сосновыми лесами. Местность становится все суше, и в конце пути, уже к вечеру, мы попадаем в область произрастания лесов гималайского кипариса (*Cupressus tortuosa*) в долине р. Бхага – правобережного притока Чандры. Кипарисовые «арчэвники» окружают селение Кейлонг и расположенный неподалеку монастырь Шашул-гомпа (32°35'N, 77°00'E; 3400 м н.у.м). На следующее утро удастся побывать в его окрестностях. В этой суховатой местности в утренние часы заметны кеклики и клушицы. С дерева на дерево перелетает пустельга. На ветвях кипариса – пара горных овсянок и стайка арчэвых дубоносов (*Mycerobas carnipes*), у обочины дороги несколько желчных овсянок (*Emberiza bruniceps*). Нам, бывшим советским гражданам, эти виды известны по фауне южного Казахстана.

Альпийская галка

Долина Кулу

Несколько следующих дней (11–13 октября) проводим в округе Кулу (Куллу) – «долине всех богов». Местность получила свое название по наиболее крупному селению, а собственно долину дренирует и орошает река Беас – один из правобережных притоков Сатледжа. Вместе с расположенными здесь селениями Манали, Наггар и Куллу эта долина хорошо известна всем, кто интересуется историей русской культуры, живописи и философии. В течение нескольких десятилетий здесь жили, трудились и творили Н.К. Рерих и члены его семьи. В селении Наггар (32°07'N, 77°10'E; 1800 м н.у.м) расположена усадьба Рерихов, превращенная в музей, и созданный Рерихами институт гималайских исследований Урусвати.

В окрестностях Наггара склоны гор покрыты темнохвойными лесами, изрядно, правда, сведенными. На лесных опушках и в яблоневых садах не составляют редкости уже знакомые по Сарахану майна, полосатая тимелия, синяя птица, желтоклювая голубая сорока, из новых видов здесь отмечен чешуйчатый дятел (*Picus squamatus*). Короткая вечерняя экскурсия к водопаду Нарайян в поясе елово-пихтового леса на высоте 2300 м дала возможность познакомиться с сизой ручьевой горихвосткой (*Rhyacornis fuliginosus*) и краснобрюхой нильтавой (*Niltava sundara*). Здесь эта мухоловка представляет китайскую фауну. Самец, показавшейся среди густого подлеска, отличается изысканным сочетанием красок в оперении: черной с ультрамарином сверху и терракотовой снизу.

Неподалеку от дома-музея Рерихов, в окружении высоких деодаров растет у дороги раскидистая хурма. В предрассветные и утренние часы ее созревающие плоды привлекают многих птиц. Утром 13 октября в течение часа здесь побывала стайка гималайских кольчатых попугаев (*Psittacula himalayana*), пара азиатских черных бюльбюлей (*Hypsipetus leucosephalus*), большой бородастик (*Magalaima virens*). Позднее показалась желтоклювая голубая сорока. В это же время вблизи дороги и среди придорожных кустов я наблюдал майну, большеклювую ворону, полосатую тимелию, серого чекана, белошекого бюльбюля, гималайскую пеночку и

индийского дятелка (*Picumnis innominatus*), Ветви ближайшего кедра обследовала чернохохлая синица (*Parus melanolorpus*) – гималайская версия московки. От ранее встреченной рыжешейной синицы она отличается только наличием светлого крапа на кроющих крыла. В нижней части кроны ненадолго показалась пищуха, но определить, к которому из двух обитающих здесь видов она принадлежала, гималайскому или палеарктическому, не удалось.

Во второй половине дня 13 октября оказываемся в долине р. Тиртхан. Эта река – левобережный приток Беаса, впадающий километрах в 50 ниже Наггара. В верховьях Тиртхана расположен Большой гималайский природный парк с великолепными горными лесами, но в его низовьях местность вполне предгорная – поросшие молочаем холмы, террасированные поля и вытопанные пастбища на склонах гор. Запыленные деревни с лавками, дхабами, индустскими храмами, школами и школьниками, стадионами, больницами и автобусами с пассажирами на крыше дополняют картину. Между рекой и дорогой – крутой каменистый откос, где лежит разбившийся при падении бычок. Его труп обследует молодой кумай, окруженный компанией большеклювых ворон. Вблизи моста реку перелетает большой пегий зимородок (*Megcercyle lugubris*). На северном макросклоне хребтов, окружающих Тиртхан, довольно влажно. Нижняя граница хвойно-широколиственных лесов проходит здесь на высоте около 1700 м – ниже, чем на Баспе или Чандре. На ночлег останавливаемся в деревне Шоджа (31°34'N, 77°22'E; 1950 м н.у.м), лежащей в начале подъема к перевалу Джалори.

В эти дни – полнолуние, и утренние сумерки следующего дня, 14 октября, встречаю при свете заходящей луны. В глубине ущелья шумит поток. Несмотря на сумеречное время, через мост, под звуки флейты и барабана движется процессия празднично одетых мужчин. Каждой долиной бассейна р. Беас владеют собственные божества, общим числом до 360. Раз в году, как раз в середине октября, на рыночной площади селения Кулу проходит их «всеуездный слет»,

Кумаи

по окончании которого местные жители несут своих идолов назад в храмы и часовни. Расстояние до некоторых деревень исчисляется десятками километров, но их проходят всегда пешком. Под мостом с марширующими индустрами – своя, не менее чарующая жизнь. На валунах среди потока сидят сизые горихвостки: ярко-синие взрослые и голубовато-серые молодые. Метод их существования – высматривание насекомых, летящих над бурным потоком, и короткий, обычно возвратный полет, желательный – с поимкой добычи. Вдоль реки то вверх, то вниз летают бурые оляпки. Одна из птиц – взрослая, другая – молодая, с белыми пятнышками на горле. В Гималаях живет и обыкновенная оляпка, но встречается она выше в горах. С лучами поднимающегося солнца ненадолго появляются другие обитатели приречных местообитаний – уже знакомая нам ручьевая горихвостка-лысушка и малая вилхвостка (*Einicurus scouleri*). В кронах дубов и ясеней лесных птиц не видно. Лишь ненадолго у реки появляется желтоклювая голубая сорока.

Еще до полудня оказываемся на перевале Джалори (31°32'N, 77°22'E; 3100 м н.у.м). Здесь верхняя граница леса образована дубовыми рощами. Круг замыкается: внизу, в слепящей дымке открывается вид на долины Сатледжа. Над перевалом, под высокими облаками кружат около десятка снежных грифов. Для меня это прощальный хоровод: в течение следующих дней, по пути на юг и в Дели ничего для себя любопытного я уже не отметил.

Список из 64–65 видов птиц, составленный по результатам описанных экскурсий, представляет лишь небольшую долю химачальской фауны. Почти все они – многочисленные, процветающие виды, населяющие обширные ареалы. Короткое и, поневоле, стремительное знакомство с орнитофауной новой страны, тем более в осенний период – это, конечно, не тот случай, когда стоит вдаваться в анализ или делать обобщения. Но некоторые моменты бросаются в глаза, и о них, возможно, стоит упомянуть.

В течение трех недель, вместе с моими коллегами-натуралистами (ботаник, герпетолог, гидробиолог, энтомолог, ландшафтовед и др.) мы посетили и пересекли три различных «экорегiona» северной Индии: «предгорья» на высотах 1,7–2,2 км (Симла, Сарахан и Наггар), «горы» – 2,2–3,5 км (Ракчам, Кейлонг, Шоджа) и «нагорье» – 3,5–4,5 км (Нако, Табо, Комик). Орнитофаунистическая специфика каждого из этих «экорегионов» достаточно прозрачна. Даже на основе ограниченных наблюдений можно видеть, что в предгорной области встречаются виды преимущественно восточноазиатского распространения – пятнистая горлица, индийский дятелок, большой бородастик, большой пегий зимородок, большеклювая ворона, майна, желтоклювая голубая сорока, серый чекан, зеленоспинная синица, рыжеголовая синица. Их основной ареал охватывает провинции южного Китая

Желтоклювая голубая сорока

и часть Индокитая. Только наиболее западной частью своих обширных ареалов, вытянутой в виде «гималайского хвоста», эти виды заходят в северную Индию. Участие видов среднеазиатского распространения (чешуйчатый дятел, синяя птица, полосатая тимелия) и гималайских эндемиков (гималайский кольчатый попугай) в предгорной части региона сравнительно невелико. «В горах», на высотах до 3,5 км, чаще встречаются китайские горно-лесные формы (водяная и сизая горихвостки, пятнистая и малая вилхвостки, краснорюхая нильтава). Основной ареал этих видов лежит в нагорных провинциях Китая, и он также имеет хвостообразный «вырост» в своей западной части. «В горах» более заметным становится участие собственно гималайских лесных видов, имеющих близких родственников в Палеарктике (гималайская зеленушка, арчевый дубонос, чернохохлая и рыжешейная синица). Их ареалы часто имеют вид «подковы» или даже «кольца», образованного близкими или промежуточными формами. В безлесных «нагорьях», на высотах до 4,5 км, преобладают виды тибетско-гималайского происхождения: чечевицы – большая, высокогорная и красивая, завирушки – рыжегрудая и рыжешейная, вьюрки – жемчужный и гималайский, розовый конек. Здесь эти группы произошли и дивергировали. В формировании «нагорной» фауны заметную роль играют также центрально-азиатские и западно-палеарктические виды – такие, как кеклик, бородач, клушица, альпийская галка, рыжий воробей, красношапочный вьюрок, черная горихвостка и черноголовый чекан. Таким образом, на формирование орнитофауны «верхних этажей» гималайской «лестницы» сильнее влиял Запад, «нижних» – Восток.

В течение многих десятилетий природу северной Индии изучали поколения английских и индийских биологов. Теперь и у российских натуралистов появилась возможность за сравнительно небольшую плату посетить этот удивительный край и внести свой вклад в дело познания его самобытной и величественной природы.

А.В. Андреев
Фото автора

Птицы и ЛЭП: итоги ульяновского семинара

В Ульяновске 10–11 ноября 2011 г. прошел научно-практический семинар «Проблемы гибели птиц и орнитологическая безопасность на воздушных ЛЭП средней мощности: современный научный и практический опыт». Актуальность темы обусловлена многочисленными данными из различных регионов о массовой гибели птиц на ЛЭП. Так, по оценкам орнитологов, в России ежегодно жертвами поражений электрическим током на воздушных линиях электропередач 6–10 кВ становятся порядка 20 миллионов птиц, в число которых входят виды, занесенные в Красные книги различного уровня. Организаторами семинара выступили Союз охраны птиц России и ООО «Эко-НИОКР».

Место проведения семинара было выбрано не случайно. В Ульяновской области на протяжении многих лет последовательно разрабатываются, испытываются и внедряются различные средства защиты птиц от поражения электрическим током. Именно здесь одними из первых в России появились и были запущены в серийное производство отечественные птицевозрастные устройства (ПЗУ) для ВЛ 6–10 кВ. Но, пожалуй, самое главное достижение ульяновских защитников птиц – это их опыт разработки и реализации проектов птицевозрастных мероприятий, обладание технологией инициирования планов и программ по защите птиц на ЛЭП. Именно здесь впервые в России принята и реализуется масштабная «Производственная программа по установке птицевозрастных устройств на ВЛ 6–10 кВ Филиала «МРСК Волги» – «Ульяновские распределительные сети» на 2011–2026 гг.», предусматривающая оснащение 7,7 тыс. км ЛЭП специальными защитными устройствами. Примечательно, что в первую очередь такими устройствами оснащаются ЛЭП, расположенные в южных районах области, где сосредоточена крупная гнездовая группировка солнечных орлов (орлов-могильников). Следует отметить, что солнечный орел недавно стал официальным природным образом (символом) Ульяновской области.

Рабочий момент.

Открывая семинар, президент Союза охраны птиц России Виктор Зубакин приветствовал собравшихся и, охарактеризовав позицию Союза по отношению к рассматриваемой проблеме, пожелал коллегам успешной совместной работы по выработке согласованных решений, призванных определить дальнейшую политику всех заинтересованных сторон в сфере орнитологической безопасности электроснабжения. В.А. Зубакин зачитал приветствие участникам семинара от Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по природным ресурсам, природопользованию и экологии.

Сотрудник Координационного центра Союза, руководитель проекта «Птицы и ЛЭП» Андрей Салтыков выступил с докладом «Инициативы Союза охраны птиц России в области решения проблемы «Птицы и ЛЭП». В числе основных инициатив были названы включение темы «Птицы и ЛЭП» в перечень основных задач Союза на 2011–2013 годы, проведение экспедиционного орнитологического обследования птицепасных ЛЭП в ключевых регионах России и направление заинтересованным лицам сведений о выявленных фактах гибели птиц на ЛЭП. Руководителям ряда регионов и ведущих отраслей экономики были направлены обращения президента Союза и методические рекомендации по разработке и реализации планов действий по предотвращению гибели птиц на ЛЭП. В числе перспективных направлений работы – подготовка предложений по усовершенствованию нормативных правовых актов по защите птиц от негативного воздействия ЛЭП, разработка атласа-определителя птицепасных электроустановок, ведение реестра ЛЭП-уязвимых птиц, составление карты критических зон гибели редких видов и гибели птиц на особо охраняемых природных территориях и КОТР. К числу важных направлений работ относится также постоянное консультирование заинтересованных лиц по вопросам орнитологической безопасности электросетевых и иных энергетических объектов, оказании юридической помощи в решении проблем, связанных с темой «Птицы и ЛЭП». На официальном сайте Союза открыт раздел «Птицы и энергетика», материалы по защите птиц публикуются в журналах «Мир птиц», «Пернатые хищники и их охрана /Raptors Conservation», «Степной бюллетень», «Электроэнергия. Передача и распределение».

На семинаре были заслушаны доклады об остроте проблемы «Птицы и ЛЭП» в различных регионах России. Так, Эльвира Николенко, директор Межрегиональной благотворительной общественной организации «Сибирский экологический центр» (Новосибирск), представила обстоятельный доклад на тему: «Птицы и ЛЭП в Алтае-Саянском регионе: масштаб проблемы и пути решения». Исследования

показали, что в этом регионе на 10 км ЛЭП гибнет в среднем 32,68 особей птиц, что дает в пересчете на всю территорию республики Алтай и Алтайского края 40–50 тысяч погибших птиц, из которых 10–15 тысяч составляют хищные птицы. Годовой ущерб от гибели птиц на ЛЭП, рассчитанный по таксам, утвержденным Минприроды России, для этого региона составляет минимум 150 млн. рублей – в основном, по причине гибели редких хищников в степных местообитаниях.

Все участники семинара отметили положительный опыт сотрудничества общественной организации «Сибирский экологический центр» с МРСК Сибири. Результатом такого сотрудничества стали разработка и реализация ведомственного плана действий по оснащению ЛЭП специальными птицезащитными устройствами.

О птицезащитных мероприятиях, реализуемых Филиалом ОАО «МРСК Волги» – «Оренбургэнерго», сообщили сотрудницы филиала, руководство которого намерено добиваться, совместно Союзом охраны птиц России, высокого уровня орнитологической безопасности.

Игорь Карякин, руководитель полевых проектов Экологического центра «Дронт» (Нижний Новгород), привел убедительные данные о негативном воздействии птицепасных ЛЭП на «краснокнижные» виды птиц и призвал участников семинара к принятию экстренных мер по нейтрализации «ЛЭП-убийц» в районах обитания степных орлов и соколов-балобанов – видов, в наибольшей степени гибнущих на ЛЭП. Название доклада – «Пернатые хищники в электросетевой среде Северной Евразии: каковы перспективы выживания?» – красноречиво говорит о масштабах проблемы гибели птиц на этой огромной территории.

Республику Калмыкия на семинаре представлял Руслан Меджидов – сотрудник КРОО «Центр экологических проектов». Его доклад «Опыт изучения и практического решения проблемы «Птицы и ЛЭП» в Республике Калмыкия» был посвящен анализу орнитологической ситуации в электросетевой среде и оценке эффективности применения различных птицезащит-

Выступает Р. Бекмансуров. Фото О. Салтыковой

ных устройств. Докладчик акцентировал внимание участников семинара на необходимости оказания помощи регионам со стороны федерального центра, без чего невозможно обеспечить выполнение необходимых действий по защите птиц в приемлемые сроки.

О результатах изучения проблемы гибели птиц на ЛЭП в Татарстане рассказал Ринур Бекмансуров – заведующий музеем природы Национального парка «Нижняя Кама». По его данным, в 2011 году под опорами обследованных 49 ЛЭП найдены останки 191 птицы двенадцати видов.

Одно из центральных мест в работе семинара по праву заняло выступление руководителя ООО «Эко-НИОКР» Сергея Тетнева, в котором он обстоятельно рассказал о деятельности своей организации по конструированию специальных птицезащитных устройств для ЛЭП средней мощности. Используя демонстрационные стенды, он охарактеризовал модельный ряд выпускаемых в Ульяновске птицезащитных устройств, отдельно остановился на конструктивно-эксплуатационных преимуществах своих разработок, а также поведал об успешных испытаниях ПЗУ, проведенных, как в лабораторных, натурно-стендовых, так и в реальных полевых условиях. Участники семинара посетили действующие ЛЭП, оснащенные птицезащитными устройствами.

На первый взгляд, несколько особняком стоял доклад Надежды Сапунковой (Институт проблем и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, г. Москва), носивший название «Особенности защиты открытых распределительных устройств от повреждений, вызываемых птицами. Применение комплексного репеллентного метода». Однако, несмотря на то, что речь в докладе шла о защите электрооборудования, а не птиц, докладчица убедительно продемонстрировала возможность и необходимость применения щадящих (гуманных) средств отпугивания птиц от электроустановок.

В завершение семинара прозвучал доклад юриста Виталия Иванова «Судебная практика защиты птиц от уничтожения на ЛЭП в Ульяновской области». Автор осветил особенности рассмотрения судами

Стенды с ПЗУ. Фото О. Салтыковой

Выступает С. Тетнев. Фото О. Салтыковой

споров между представителями природоохранных организаций и владельцами птицепасных ЛЭП, поделился опытом бесконфликтного выхода из судебных процессов.

По мнению участников семинара, его цели и задачи, заявленные в программе, были успешно достигнуты: осуществлена оценка современной орнитологической ситуации в электросетевом комплексе России, состоялся обмен опытом по изучению проблемы «Птицы и ЛЭП», выработке и реализации региональных и ведомственных планов действий по

предотвращению гибели птиц на электроустановках. На семинаре были рассмотрены орнитологические, правовые, экономические, технические и организационные вопросы защиты птиц на ЛЭП.

Несмотря на то, что в одной аудитории собрались, казалось бы, представители «противоположных лагерей», – с одной стороны, орнитологи, экологи, деятели охраны природы, а с другой – сотрудники подразделений электро-энергетического комплекса, на семинаре царил деловая и доброжелательная атмосфера.

Кульминационным итогом семинара стало единое принятие Ульяновской резолюции «Птицы и ЛЭП – 2011», призванной объединить усилия всех сторон, заинтересованных во внедрении передовых технических средств защиты птиц от электропоражений, в распространении ульяновского опыта планирования птицевозащитных мероприятий, а также опыта ряда регионов по нормативно-правовому регулированию в сфере предотвращения негативного воздействия электроустановок на птиц.

Резолюция семинара с тремя приложениями образует единый пакет рабочих документов, формирующих общую методическую основу для сохранения орнитофауны и обеспечения орнитологической безопасности электросетевого комплекса России.

А.В. Салтыков

Резолюция семинара «Птицы и ЛЭП -2011»

10–11 ноября 2011 г. в г. Ульяновске (Россия) состоялся научно-практический семинар: «Проблемы гибели птиц и орнитологическая безопасность на воздушных ЛЭП средней мощности: современный научный и практический опыт». Семинар был организован Союзом охраны птиц России совместно с ООО «Эко-НИОКР» (Ульяновск).

В семинаре приняли участие 34 представителя различных заинтересованных организаций, включая Союз охраны птиц России, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (Москва), МБОО «Сибэкоцентр» (Новосибирск), КРОО «Центр экологических проектов» (Республика Калмыкия), Филиал ОАО «МРСК Волги» – «Оренбургэнерго», ОАО «Инженерный центр энергетики Поволжья» – филиал «ПоволжСЭП» (Саратов), Комитет природных ресурсов и охраны окружающей среды Волгоградской области, ФБУ Национальный парк «Нижняя Кама» (Республика Татарстан), ООО «НИЦ «Поволжье» (Ульяновск), ООО «Донецкий топливно-энергетический комплекс – ДТЭК» (Украина) и ряд других.

Участники семинара обсудили различные аспекты проблемы гибели птиц на ЛЭП средней мощности (далее – проблемы «Птицы и ЛЭП»), обменялись опытом организации и проведения птицевозащитных мероприятий, наметили формы взаимодействия в

сфере обеспечения орнитологической безопасности электросетевых объектов.

Отмечая отдельные примеры успешного решения вопросов орнитологической безопасности на электросетевых объектах, участники семинара выразили обеспокоенность тем, что, несмотря на все принимаемые меры, проблема «Птицы и ЛЭП» до настоящего времени остается нерешенной в подавляющем большинстве регионов России и ряда других стран бывшего СССР. В частности:

- фактически отсутствует практика обязательного проведения орнитологической экспертизы проектов строительства ЛЭП;

- не прекращена практика проектирования, строительства и эксплуатации птицепасных ЛЭП (преимущественно воздушных линий электропередачи средней мощности ВЛ 6–10 кВ на железобетонных и металлических опорах со штыревой изоляцией на металлических траверсах, с неизолированными проводами) без оснащения их специальными птицевозащитными устройствами;

- принятие и реализация национальных, региональных и ведомственных планов действий по проблеме «Птицы и ЛЭП» до настоящего времени не признаны приоритетными направлениями природоохранной деятельности и, за исключением отдель-

ных территорий и компаний, не получили широкого распространения;

– оснащение ЛЭП специальными защитными устройствами, модернизация электросетевых объектов с заменой птицепасных конструкций ЛЭП (опор, траверс, изоляторов, проводов) на альтернативные птицебезопасные, осуществляются низкими темпами, не позволяющими обеспечить минимально необходимый уровень орнитологической безопасности электроустановок в приемлемые сроки (до 2020 года);

– в нормативных правовых актах по охране объектов животного мира, а также соответствующих ведомственных технических документах (регламентах, нормах и правилах по проектированию, строительству и эксплуатации электроустановок):

а) отсутствуют понятия птицепасных/птицебезопасных электротехнических устройств (электроустановок);

б) содержатся коллизионные нормы и противоречивые (взаимоисключающие) рекомендации, дезориентирующие владельцев ЛЭП и природоохранные органы;

– широкое распространение получила неправомерная практика декларирования экологической безопасности своей деятельности лицами, эксплуатирующими птицепасные ЛЭП, не оснащенные специальными птицевзщитными устройствами.

Следствием указанной ситуации является ежегодная гибель от электрического тока миллионов птиц различных видов, включая «краснокнижных», имеющих статус исчезающих, редких и малочисленных (угрожаемых, уязвимых и сокращающихся).

Участники семинара приняли настоящую Резолюцию и призывают все заинтересованные стороны (национальные правительства и иные государственные органы власти, бизнес-структуры, некоммерческие организации и иные лица), чья деятельность связана с теми или иными аспектами взаимодействия птиц с электротехническими объектами, принять действенные меры, направленные на предотвращение негативного воздействия электросетевых объектов (ЛЭП и иных электроустановок) на птиц:

1) принять (соответственно уровню своей компетенции, на подведомственных территориях и объектах) стратегии, федеральную и региональные целевые программы, скоординированные планы действий по защите птиц от поражения электрическим током на ЛЭП;

2) учитывать при планировании и осуществлении птицевзщитных мероприятий:

– рекомендации Союза охраны птиц России по разработке и реализации региональных комплексных (межведомственных) планов действий по защите птиц от массовой гибели на электроустановках (приложение № 1 к настоящей Резолюции);

– положения «Будапештской декларации по защите птиц на линиях электропередачи», принятой на международной конференции «Линии электропере-

дачи и гибель птиц от поражения электротоком в Европе» (Будапешт, Венгрия, 13 апреля 2011 г.) (приложение № 2 к настоящей Резолюции);

3) ввести в оборот понятия: «орнитологическая безопасность электросетевых объектов (электроустановок, электротехнических объектов)», «птицепасная», «орнитологически опасная», «орнитоцидная» ЛЭП или объект электросетевого хозяйства (опора, электроустановка, электротехнический объект) для всех электроустановок (объектов), взаимодействие с которыми без оснащения специальным птицевзщитными устройствами представляет опасность для жизни птиц;

4) признать необходимым принятие новых национальных и региональных «Требований к предотвращению гибели объектов животного мира при осуществлении производственных процессов, а также при эксплуатации транспортных магистралей, трубопроводов, линий связи и электропередачи» (аспект «Птицы и ЛЭП»), либо принятие отдельного нормативного правового акта по предотвращению гибели птиц на электроустановках (приложение № 3 к настоящей Резолюции), предусмотрев, наряду со специальными птицевзщитными устройствами, возможность применения альтернативных способов защиты птиц, включая:

– использование безопасных опор и траверс (деревянных, из модифицированной древесины, полимерно-бетонных, композитных и т.п.);

– применение изолированных проводов;

– применение опор с подвесными изоляторами (типа применяемых для ВЛ от 35 кВ);

– проведение демонтажа либо модернизации устаревших металлических птицевзщитных устройств типа «присада», «усы», «растяжки», «штыри» и т.п., посредством изолирования их специальными диэлектрическими элементами и др.);

5) считать приоритетными те подзаконные и иные нормативные акты (требования, РД, инструкции, указания, рекомендации, циркуляры и т.д.), имеющие отношение к проектированию, строительству, эксплуатации, ремонту, реконструкции (модернизации) ЛЭП (электроустановок, электротехнических объектов), которые не противоречат нормам законодательства об охране животного мира и, в частности:

– не сужают ареалы обязательного проведения птицевзщитных мероприятий, ограничивая их лишь местами повышенной концентрации птиц (путями сезонных миграций), участками гнездования редких видов, приуроченности к особо охраняемым природным и ключевым орнитологическим территориям;

– не ограничивают арсенала конструкций птицепасных ЛЭП конкретным диапазоном мощности (в том числе не исключают заведомо опасные для птиц конструкции ЛЭП мощностью от 0,4 кВ до 6,0 кВ в случаях, когда в их оснастке применяются конструкции опор, траверс, изоляторов и проводов аналогичные птицепасным конструкциям ВЛ средней мощности);

6) осуществлять свободный обмен информацией и практическим опытом в области применения современных средств и технологий обеспечения орнитологической безопасности ЛЭП (электросетевых объектов) и иных электроустановок (электротехнических объектов);

7) добиваться обязательного включения орнитологической экспертизы в ОВОС проектируемых ЛЭП, опирающейся на четырехразовые исследования (охватывающие периоды сезонных миграций, гнездования, зимовок) с предварительными рекомендациями по расположению опор, ориентации линий электропередач и проведению птицевзащитных мероприятий, а также использованию приспособлений, привлекающих или отвлекающих птиц (искусственные гнездовья, присады и т.п.);

8) при подготовке новых изданий национальных и региональных Красных книг внести в них соответствующие указания на необходимость проведения защитных мероприятий на птицепасных ЛЭП, расположенных в местах обитания «краснокнижных» видов птиц, использующих опоры ЛЭП в качестве присады или гнездового субстрата («ЛЭП-уязвимых» видов);

9) обобщить мировой опыт по оптимизации взаимодействия птиц с ЛЭП (электроустановками, электротехническими объектами) и издать соответствующие пособия для проектировщиков, строителей и владельцев ЛЭП (эксплуатирующих организаций);

10) для накопления и тиражирования опыта исследований, а также массива знаний по проблеме, считать приоритетными:

- исследования по оценке опасности разных типов ЛЭП в различных зонах и ландшафтах, особенно на ООПТ и ключевых орнитологических территориях;

- мониторинг и изучение популяций ЛЭП-уязвимых видов, особенно видов, стремительно сокращающих численность в глобальном масштабе, – степного орла (*Aquila nipalensis*) и балобана (*Falco cherrug*);

11) констатировать не только негативное воздействие ЛЭП на птиц, но и, при определенных условиях, позитивное их значение (как искусственных аналогов древесной растительности в открытых ландшафтах) для гнездования и отдыха птиц, прежде всего редких видов.

Участники Семинара считают также целесообразным:

- 1) обратиться в правительство Российской Федерации с предложением о разработке и реализации федеральной целевой программы по предотвращению гибели редких видов птиц на ЛЭП средней мощности;

- 2) обратиться в ОАО «Холдинг МРСК» с предложением о выполнении совместно с Союзом охраны птиц России НИОКР по теме «Птицы и ЛЭП» (обеспечение орнитологической безопасности на электроустановках), предусмотрев разработку птицевзащитных конструкций электротехнического оборудования для ЛЭП средней мощности с неизолированным проводом (в т.ч. траверс, разъединителей, муфт, вводов в КТП и др.).

Гибель птиц на ЛЭП в Монголии и меры ее предотвращения

В последние годы на территории некоторых регионов Монголии построены новые линии электропередач ЛЭП 6–10, 20 кВ. Такие линии предназначены для подачи электроэнергии предприятиям горнодобывающей промышленности, сельскохозяйственным объединениям и другим объектам, разбросанным на всей территории Монголии. В результате линии электропередач подобной мощности пересекают значительные территории, включая степи, полупустыни и пустыни, становясь единственными местами присады для различных видов птиц. Через эти районы весной и осенью мигрируют пролетные птицы, и возникает вероятность их встречи со вновь появившимися проводами электросетей. Удар о провода во время пролета приводит к гибели птицы или ее ранению, что для птицы практически столь же фатально.

Конструкция опор этих линий представляет горизонтальную металлическую траверсу с укрепленными на концах изоляторами для фиксации токонесущих проводов (см. фото). Горизонтальная траверса – привлекательное место для присады различных видов птиц. Садясь на металлическую траверсу, птица начинает чистить клюв об изолятор с укрепленным на нем токонесущим проводом.

Происходит короткое замыкание через тело птицы, и она мгновенно погибает.

Нами обследованы подобные ЛЭП на участке от сомона Баруунбаянулаана до сомона Богд Среднегобийского аймака. Всего осмотрено 367 промежуточных опор. Обнаружено 16 трупов различных видов птиц, среди которых ворон, черный коршун, балобан, беркут, скопа, мохноногий курганник или канюк. Все птицы имели ожоги на лапах, что

Птицепасная опора. Фото Б.М. Звонова

подтверждало версию о коротком замыкании. Птицы погибли за месяц – полтора до нашего посещения, то есть, в основном, во время весеннего пролета. Отдельные виды погибших птиц относятся к категории редких и особо охраняемых в Монголии.

Большинство опор были снабжены защитными конструкциями для предотвращения присады птиц на траверсу опоры. Конструкции были выполнены как в виде металлических метелочек, так и вертушек с смонтированными зеркальцами для отпугивания птиц от присад. Однако вертушки, как показал опыт, быстро деформируются от различных климатических воздействий и разрушаются. Некоторые погибшие птицы обнаружены под опорами, снабженными защитными конструкциями, что говорит о малой их эффективности.

Мы предлагаем полностью изолировать горизонтальную часть траверсы, одев на нее разрезанную вдоль пластиковую трубку. Материал подобной трубки должен быть выбран с учетом особенностей климатических условий данной местности. Такая защитная конструкция обеспечит стопроцентную гарантию от гибели птиц на опорах ЛЭП.

В первую очередь, подобными птицезащитными устройствами надо оборудовать ЛЭП на равнинах, особенно те из них, которые идут в субширотном направлении (с востока на запад), а также усиленные опоры ЛЭП, траверсы которых удобны не только как присады, но и как основы для строительства

Обожженные лапы скопы. Фото Б.М. Звонова

гнезд. В горах у птиц много других присад, поэтому опоры ЛЭП они используют реже. Здесь, в первую очередь, надо оборудовать защитой опоры, расположенные на вершинах и гребнях (т.е. на выступающих высотах), а также в широких межгорных долинах с колониями грызунов.

Во время обследования опор ЛЭП 6-10,20 кВ были обнаружены также трупы нескольких особей большого баклана. Гибель этих птиц произошла во время весеннего пролета от простого столкновения с проводами, т.к. трупы мы находили вдали от опор ЛЭП.

Б.М. Звонов, Ш. Болдбаатар, С.А. Букреев
e-mail:zvovovbm@gmail.com

О грачах, дроздах и прочих охотничьих трофеях

В 2011 году Союз охраны птиц России направил официальные письма Губернатору Московской области и руководству Республики Марий Эл с просьбой не расширять список охотничьих видов (в Московской области предполагалось включить в этот список серую ворону, грача и дрозда-рябинника; в Республике Марий Эл в июле 2011 г. принят Закон, который отнес к охотничьим ресурсам одичавших собак и кошек, грачей, дроздов, серых ворон, серых цапель, сорок и чаек). Были получены ответы: в первом случае, от заместителя министра сельского хозяйства и продовольствия Московской области А.А. Маринина, во втором случае – от руководителя Департамента Республики Марий Эл по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира И. Шуркова. Из-за недостатка места мы не стали помещать здесь письма Союза охраны птиц России и пришедшие на них ответы (с ними можно ознакомиться на сайте Союза <http://www.rbcu.ru/news/press/19670/>), но хотели бы прокомментировать ответы чиновников, поскольку в их письмах сделана попытка обосновать причины, по которым упомянутые виды включаются в списки охотничьих. Эти обоснования, судя по поступающим

в Союз сведениям из других регионов, достаточно стандартны. Наши комментарии даны курсивом.

Вот выдержки из письма зам. министра сельского хозяйства Московской области.

Дрозд-рябинник: «На дроздов охотились и охотятся в Европе. Например, во Франции, Испании, Италии, Греции и других европейских странах охота на дроздов – одна из наиболее массовых. Ежегодно в Европе добывается более 2 000 000 дроздов разных видов». *Обычный ход чиновников от охоты: вы ратуете за охрану птиц у нас, а зарубежные охотники наших птиц бьют; поэтому давайте будем действовать так же, т.е. стрелять птиц.* «Ранее в России дрозды составляли «предмет промысла» (Энциклопедический словарь Брокгауза – Ефрона (т. 21, стр. 183)». *Если уж вспомнили Брокгауза – Ефрона, то почему бы не пойти дальше вглубь веков и не перенять опыт тех времен, когда охота в России начиналась аж с Петрова дня?* «Во многих районах России, в странах Европы дрозды в период созревания плодов являются вредителями, наносящими немалый ущерб сельскому хозяйству. Так, на северо-западе России дрозды уничтожают до 32% урожая вишни, на 50% снижают урожай черноплодной

рябины. В Финляндии дрозды-рябинники повреждают плантации садовой земляники, красной и черной смородины». *Обратите внимание: примеры взяты из других регионов, а стрелять-то дроздов будут в Московской области! Далее в письме следует длинный пассаж о том, чем отличается дрозд-рябинник от других дроздов – это явно в ответ на наше утверждение о низкой орнитологической культуре современных охотников, которые, разреши им охотиться на дроздов, будут стрелять во всех птиц чуть крупнее воробья.*

Серая ворона «...относится к видам, наносящим ущерб охотничьему хозяйству (уничтожает кладки яиц и выводки водоплавающей, боровой, болотно-луговой и полевой дичи). Хищническая деятельность серой вороны является одним из лимитирующих факторов успешности размножения указанных видов дичи». *А кто-нибудь подсчитывал, какой процент составляет ущерб от ворон на фоне громадного числа других негативных факторов, которые в современных условиях влияют на успешность размножения дичи? «Ворона является одним из разносчиков особо опасных заболеваний (например, сибирская язва) или [может] быть промежуточным звеном в цепи передачи арбовирусов (возбудителей различных энцефалитов, геморрагических лихорадок и других заболеваний, природные очаги которых совпадают с местами обитания ворон». Но если так, ворону не только нельзя объявлять охотничьим видом – т. е. разрешать на нее массовую охоту – но и находиться рядом с ней опасно для жизни; представляете, что будет, если охотник добудет ворону, зараженную сибирской язвой?!*

Грач. «Грачи причиняют ущерб посевам сельскохозяйственных культур. В Венгрии по этой причине грач объявлен вне закона». *Интересно, много ли осталось в Подмоскowie при нынешнем коллапсе сельского хозяйства посевов сельскохозяйственных культур? «Стаи грачей заполняют многие аэродромы, становятся причиной многих авиакатастроф, заполняют городские свалки и помойки». Совершенно точно, грачи могут быть причиной авиакатастроф – как и чайки, скворцы и многие другие виды птиц; может быть, по этой причине всех птиц скопом перевести в охотничьи виды? «Грач, как и ворона, является одним из разносчиков особо опасных инфекций». А потому надо резко увеличить вероятность непосредственного контакта людей с этими птицами, т. е. открыть на грачей охоту – так что ли?*

Ну, и заключительное обоснование необходимости охоты на рябинников, ворон и грачей: «Расширение круга дичи, разрешенной к отстрелу, может снизить пресс охоты на другие виды охотничьих ресурсов Московской области, что является положительным фактом. Кроме того, отнесение серой вороны, грача, дрозда-рябинника к охотничьим ресурсам позволит расширить виды деятельности в сфере охотничьего

хозяйства (организация специальных охот), привлечь дополнительные инвестиции в организацию сферы услуг в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов Московской области». *Имеется в виду организация специальных охот на ворон, грачей и рябинников для массовых («простых») охотников? С целью сохранения поголовья «настоящих» охотничьих видов для «элитных» охотников-толстосумов?*

Далее – выдержки из письма Департамента Республики Марий Эл по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира. В отношении сугубо вредоносной деятельности серых ворон и грачей (в Марий Эл к ним прибавили еще и сорок) здесь сказано примерно то же самое, что в письме замминистра из Московской области. Но есть и новые моменты, касающиеся других видов птиц.

«Серая цапля является одним из опаснейших врагов рыбы. Она отличается большой прожорливостью, может поедать за сутки до 250 мальков, чем наносит вред рыбохозяйственной отрасли. В течение 2010 года ООО «Толмань» в связи с ущербом наносимым объектами животного мира рыбохозяйственной отрасли обращалось за выдачей разрешения на отстрел серой цапли, чаек, серой вороны и Департамент, в соответствии с действующим законодательством, был вынужден отказать в выдаче разрешения». *Уже в 1960-х гг. специальными орнитологическими исследованиями было показано, что вредоносная деятельность цапель и чаек не просто сильно преувеличена, а в большинстве случаев не имеет ничего общего с реальностью; если же, как в случаях рыбоводческих хозяйств, эти птицы и наносят некоторый ущерб, их следует отпугивать, а не отстреливать.*

Про чаек в письме из Марий Эл сказано лишь вскользь – то, что эти птицы, наряду с воронами и сороками, «являются разносчиками опасных заболеваний» (*подобную причину отнесения вида к охотничьим животным мы уже комментировали выше, повторяться не будем*) и что «на территории четырех районов республики озерная чайка, наряду с дроздами и серыми воронами, относится к многочисленным видам птиц». *Однако в Законе Республики Марий Эл, расширяющем список охотничьих видов, говорится не об озерной чайке, а о чайках вообще! В Красную книгу Республики Марий Эл занесены 4 вида чайковых птиц, но, судя по всему, у законодателей республики не возникло опасений, что охотники станут стрелять не только в озерных чаек, но и в других чаек и крачек, которых они в массе своей вряд ли умеют распознавать до вида.*

Природоохранный Департамент Марий Эл довольно оптимистично оценивает свою осведомленность в отношении численности видов, на которые предполагается открыть охоту: «Департаментом ежегодно проводятся учетные работы, как объектов

животного мира, отнесенных к объектам охоты, так и не отнесенных к объектам охоты. В связи с чем Департамент располагает информацией о количестве видов, обитающих на территории республики, и о численности объектов животного мира, в том числе грача, дроздов, серой вороны, сороки, чаек и серой цапли. Снижения численности данных видов на территории республики не наблюдается. *Можно только позавидовать такой осведомленности природоохранного Департамента: орнитологи-то не могут назвать точную численность дроздов, а вот Департамент – может! Впрочем, если, как написано в его ответном письме, работы по изучению видового состава и численности объектов животного мира по заказу Департамента выполняет Марийский государственный технический (??!!) университет, другого ожидать, наверное, не приходится.*

Анализируя ответы чиновников, поступившие на письма Союза охраны птиц России, приходится признать, что объяснения необходимости расширения списка охотничьих видов во многом, как говорится, притянуты за уши. Так для чего же все-таки местные власти пытаются расширить этот список – несмотря на то, что сами признают: «ценности для охотников ворона, сорока, цапля, грач и дрозды не представляют» (смотри письмо Департамента Марий Эл)? Причин несколько, и две из них прямо или в завуалированном виде содержатся в приведенных письмах. Во-первых, расширение списка охотничьих видов даст возможность переключить большинство охотников на эти «суррогатные» виды, сохранив «настоящие» для охотничьей «элиты». Во-вторых, подобное расширение решает проблемы с отстрелом ворон, грачей, чаек и цапель в рыбхозах, охотхозяйствах, на аэродромах и в других местах, где, на взгляд нынешних руководителей, эти птицы причиняют большой вред. Если раньше, чтобы получить разрешение на регулицию численности видов, не относящихся к объектам охоты, нужно было привести весомые доказательства необходимости такой регуляции,

то теперь надобность в этом отпадает: съела чайка или цапля рыбку – значит, вредитель! Значит, стреляй в нее! И не надо заботиться о каких-то там системах отпугивания птиц от рыбхозов и аэропортов – отстреливай, и все! Все это мы уже проходили в начале-середине 1950-х годов и убедились как в бесполезности подобных действий с точки зрения повышения эффективности рыбного и охотничьего хозяйства, так и их безусловной вредности с позиций экологии. Но об этом нынешние любители «простых решений» либо не знают, либо предпочитают не вспоминать.

Позиция Союза охраны птиц России в отношении списка охотничьих видов ясна и определена. Мы выступаем категорически против расширения списков охотничьих животных за счет неохотничьих – как на федеральном уровне, так и в регионах, – какой бы необходимостью регуляции численности это не объяснялось. Охота и регуляция численности – вещи совершенно различные, и регуляцию численности в любом случае должны проводить специалисты, а не широкие массы охотников. Мы считаем, что списки видов охотничьих животных на федеральном и региональных уровнях должны быть повидовыми, без обобщенных и расплывчатых «уток», «казарок», «голубей» и др. В региональные списки необходимо включать только те охотничьи виды, которые обитают на территории данного региона или же регулярно и массово мигрируют через него, без залетных видов (и, разумеется, без видов Красных книг РФ и региона). Жестким правилом должен стать принцип: любая незнакомая птица – «табу» для выстрела, стрелять можно только в тех охотничьих птиц, видовая принадлежность которых сомнения не вызывает. И еще один важный момент: в региональные списки охотничьих видов не должны быть включены птицы, которых легко спутать с обитающими в этом регионе видами, находящимися под угрозой исчезновения. В частности, в тех регионах, через которые мигрирует тонкоклювый кроншнеп, необходимо исключить из охотничьих видов похожего на него среднего кроншнепа.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ООПТ В ПОДМОСКОВЬЕ ПОСЛЕ ПОЖАРОВ 2010 Г.

В середине – конце лета 2011 г. проведено обследование 38 особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Московской области с целью выяснения ущерба, нанесенного ООПТ пожарами лета 2010 г. Обследованные территории (заказники и памятники природы областного значения) находятся в восточной и северной частях области. Участки, пройденные прошлым пожаром, отмечены в 12 из обследованных ООПТ, причем в 6 из этих 12 особо охраняемых природных территорий площадь горелых участков была

незначительной и составляла не более нескольких гектаров. В заказнике «Леса северной части Лелечского лесничества» в Егорьевском районе выгорел один из семи входящих в него лесных кварталов; площадь пожарища здесь составила не менее 40 га. Seriously пострадали от огня 5 ООПТ: заказники «Лачужские озера», «Озеро Мертвое и сосновые леса Северного лесничества», «Переходное болото у д. Софряково» (все три в Орехово-Зуевском районе), «Радовицкий Мох» (Шатурский район) и памятник природы «Лес и лесные озера

в кварталах 37,38, 42 Северного лесничества» (Орехово-Зуевский район); здесь площадь выгоревшего леса исчислялась сотнями гектаров, а последние два ООПТ выгорели почти нацело. «Лачужские озера» и «Радовицкий Мох» относятся к ключевым орнитологическим территориям областного значения. Видовой состав птиц на выгоревших участках леса был сильно обеднен. Из птиц, встреченных практически на всех пройденных пожаром участках леса, можно отметить желну, большого пестрого дятла и лесного конька.

Мистер Икс – Юрий Андреевич Исаков 1912 – 1988

25 января 2012 года исполняется 100 лет со дня рождения Юрия Андреевича Исакова - выдающегося ученого-зоогеографа, эколога и орнитолога, крупного деятеля охраны природы и заповедного дела СССР и России, стоявшего у истоков многих направлений теоретической и прикладной биогеографии. Он был доктором биологических наук, профессором, около 30 лет проработал в Институте географии РАН и долгие годы возглавлял отдел биогеографии. Мы публикуем воспоминания об этом замечательном человеке заместителя директора Института географии А.А. Тишкова, ученика Ю.А. Исакова.

Я услышал о Ю.А. Исакове задолго до того, как пришел в Институт географии РАН, в отдел биогеографии, и стал, вместе с Мишей Глазовым, фактически последним учеником Юрия Андреевича, а потом и соавтором монографии, вышедшей в свет в 1986 г., за два года до его смерти. В

1960-х гг. о нем часто говорила Татьяна Николаевна Дунаева – известный зоолог и, по совместительству, мама моего друга детства Никиты Кучерука. Это были разговоры о довоенных годах КЮБЗа (Кружка юных биологов зоопарка), о конференциях по средообразующей роли животных, которые проводились в те годы достаточно часто, о замечательных ученых, собравшихся под крылом А.Н. Формозова и Ю.А. Исакова в Институте географии. Увидел же я Юрия Андреевича в первый раз в 1972 г., на биофаке МГУ, на докторской защите В.Е. Флинта. А с 1973 по 1988 год почти 15 лет работал с ним бок о бок.

Часто осенью, под 28 октября, в день смерти Ю.А. Исакова, накатывает волна воспоминаний о нем – о человеке, который при жизни не думал, каким он запомнится коллегам, и не заботился о том, чтобы произвести хорошее впечатление. Жил, словно навостывал упущенное из-за ареста и поражения в правах время – писал статьи и книги, собирал коллег на совещания, спешил высказаться по самым острым проблемам зоогеографии, экологии и орнитологии, хватался за любую возможность поехать за границу, чтобы повидать мир, хорошо ему известный по книгам.

У него в детстве – в 1920-х гг., в период его пребывания в КЮБЗе – была кличка «Мистер Икс»¹. Таким «Мистером Икс» он и остался для большинства своих

коллег до самой смерти – редко улыбающимся, несколько язвительным, недоверчивым, не терпящим бездарей, даже теряющимся, если рядом оказывался какой-нибудь малограмотный ученый. Он был руководителем моей диссертации, несмотря на то, что эта работа была чисто геоботанической.

Юрий Андреевич на 20 лет был вычеркнут из жизни, сидел в лагере, работал на Беломорканале, потом скитался с семьей по стране – работал в Гассанкулийском, Астраханском и Дарвинском заповедниках, в Западной Сибири. Только в 1944 г. он завершил прерванное арестом обучение в Московском государственном университете. В 1955 году Ю.А. Исаков вернулся в Москву и еще долгие 8 лет ждал реабилитации. В год, когда его реабилитировали (1963 г.), он защитил докторскую диссертацию. А первые его несколько монографий вышли в годы, когда он был в ссылке и не имел возможности получить высшее образование.

В шестидесятые годы начались и зарубежные поездки. Будучи членом правления «Ассоциации дружбы с народами Африки», В.Е. Флинт организовал ряд поездок по национальным паркам Африки и привлек к этим поездкам Ю.А. Исакова и других ученых. После долгого перерыва, как пишут авторы очерка о В.Е. Флинте, это были первые русские зоологи, воочию увидевшие животный мир саванн Восточной Африки.

О Юрии Андреевиче я слышал от старых КЮБЗистов – от Татьяны Николаевны Дунаевой, от зоолога, открывателя наскальной живописи Каповой пещеры Александра Владимировича Рюмина, профессоров В.В. Кучерука, В.И. Осмоловской, П.В. Маткина и А.П. Кузякина, а также от руководителя нашего кружка при МОИП Анны Петровны Разореновой. Видел его в Зоомузее МГУ и на заседаниях МОИП. Шапка его седых, слегка волнистых волос была заметна издали. А манера говорить, абсолютно аристократический вид – одних притягивал, других отталкивал. Уже в мои студенческие годы его имя постоянно упоминалось в ряду с другими выдающимися зоологами. Он пользовался несомненным авторитетом у старшего поколения. Александр Николаевич Формозов пригласил его вместо себя возглавить отдел биогеографии в Институте географии; директор Института – академик Иннокентий

¹ Без четверти век. Воспоминания о КЮБЗе». М.: АБФ, 1999. 351 с.

Петрович Герасимов – всегда внимательно и даже с некоторым пиететом выслушивал мнения Юрия Андреевича по самым разным вопросам. А о ровесниках и более молодых коллегам и говорить нечего. Для них – для Л.Г. Динесмана, Р.П. Зиминной, А.М. Чельцова-Бебутова и И.А. Шилова, пришедших в КЮБЗ в год ареста Юрия Андреевича, как и для Е.В. Карасевой, А.Д. Бернштейн, В.М. Смирин, В.М. Гудкова, пришедших в кружок перед войной или во время войны – он оставался легендарным «мистером Икс».

Когда я еще мальчишкой зимой 1965 года после лаборантской работы у профессора Д.Л. Арманда и В.Д. Утехина на Курском стационаре появился в Институте, Александр Николаевич Формозов только что передал бразды правления отделом биогеографии в руки Ю.А. Исакова. Отдел в те годы был скорее зоогеографический, так как ботаников было всего трое – О.С. Гребенщиков, Е.Л. Любимова и В.В. Барыкина. В.Д. Утехин, Л.Н. Соболев и Н.С. Казанская работали еще в отделе физической географии, а палеогеографов еще в конце 1959 г. перевели в отдел геоморфологии. С появлением Ю.А. Исакова в Институте связывали большие надежды по укреплению отдела биогеографии. Тогда там работали стоявшие у истоков отдела ученицы А.Н. Формозова – К.С. Ходашева и Р.П. Зимина, выдающиеся зоологи и специалисты в области заповедного дела – С.В. Кириков и А.А. Насимович, из ВИНТИ был приглашен известный геоботаник О.С. Гребенщиков, делали свои первые шаги в науке молодые Д.В. Панфилов, В.С. Залетаев, Е.Е. Сыроечковский, Н.С. Казанская, В.В. Барыкина, Р.И. Злотин, О.Н. Шубникова. Сам А.Н. Формозов с приходом Юрия Андреевича чаще стал ездить в свои любимые костромские леса, больше писать популярных заметок о природе, рисовать акварели. Неоднократно я слышал из комнаты № 9 на втором этаже Института свист синицы и пеночки – это Александр Николаевич, забывшись, оседлав стул, как пенек посреди поляны, рассказывал о наблюдениях в Шарье в Костромской области. Юрий Андреевич с подчеркнутым пиететом относился к Формозову, которого знал с 1920-х годов еще по зоопарку и, по видимому, считал себя обязанным ему за приглашение в Институт, хотя внешне это почти не проявлялось.

Единственный известный мне случай, когда Ю.А. Исаков проявил в полной мере резкость характера и был не похож на самого себя, т.е. несдержан – связан с В.К. Рахилиным, которого И.П. Герасимов пригласил из Владивостока на должность ученого секретаря Института. Не разобравшись в ситуации, необдуманно, без обсуждения с Исаковым, В.К. Рахилин фактически сократил ставку консультанта А.Н. Формозова.

В ту осень моим рабочим местом был стол Александра Николаевича. У нас в комнате № 9, напротив дирекции, стояло 8 столов – за каждым по 2–3 человека. Я приходил на работу каждый день,

а А.Н. Формозов – 1–2 раза в неделю. Мы слушали его интересные рассказы, советовались, обсуждали планы наших таежных поездок. Уж кто-кто, а Формозов здесь мог подсказать многое. Известие о сокращении и увольнении стало для Александра Николаевича убийственным. Я был свидетелем, как немощь вошла в тело человека, которого отстранили от любимого дела, от своего детища. Исаков был как никогда резок к В.К. Рахилину – «Вон! Вон из отдела, чтобы духа его здесь не было!» Показал мне его какую-то публикацию в «Орнитологии» как пример безграмотности. «И его еще нам сватают! Вон!».

А.Н. Формозова хоронили на Новодевичьем, было холодно. На сотрудниках отдела лежала печать вины за то, что не уберегли его от равнодушия. И Юрий Андреевич, казалось, тоже чувствовал эту вину. На надгробии А.Н. Формозова позже появился белый горноста́й – символ, отражающий благородство выдающегося зоогеографа и эколога, создателя и первого заведующего отделом биогеографии. Вторым, подхватившим его эстафету, был Ю.А. Исаков.

Нельзя сказать, что Юрия Андреевича очень любили коллеги. Скорее наоборот – его несколько сторонились, старались не попадаться под острый язык. Большую часть времени он оставался сосредоточенным, немногословным, иногда даже сумрачным. Оживал, когда беседовал с приятным и умным человеком. Со слов тех, кто оказывался с ним рядом вне Москвы – был приятен в поле, в командировке, на конференции, в заграничной поездке. Трудно было понять в некоторых случаях его отношение к собеседнику, к предмету обсуждения, рассматриваемой работе. В своих суждениях часто был он резок, иногда, на мой взгляд, необоснованно. Только зная его судьбу, можно понять – откуда все это.

Мне посчастливилось не только сравнительно долгий отрезок жизни работать под его руководством и защитить кандидатскую диссертацию, но и написать в соавторстве с ним несколько статей, монографию (Исаков Ю.А., Казанская Н.С., Тишков А.А. Зональные закономерности динамики экосистем. М.: Наука, 1986), участвовать в организации конференций, работать в поле. В общем – почти ежедневно в последние 15 лет его жизни общаться по разному поводу и без повода, что само по себе очень важно для понимания человека, беседовать с ним, дискутировать. Каждая дискуссия становилась для нас, молодых ученых, праздником знаний – сразу хотелось забираться в библиотеку, хватать книги по теме и собирать аргументы «за» или «против». До сих пор у меня хранятся конспекты «по мотивам» наших бесед о роли водохранилищ, о естественных классификациях экосистем, о происхождении степей и их фауны, о динамике ландшафтов. Что-то удалось опубликовать (например, нашу вошедшую в учебники классификацию форм динамики экосистем), что-то ждет своего часа.

Энциклопедические, и не только книжные знания помогли ему убеждать оппонентов. Это он делал мастерски и настолько интересно, что даже такой полемист, как Д.В. Панфилов, часто оказывался поверженным и уходил от своих выдающихся идей, забрасывал интересные разработки и начинал исследования заново. Умение убеждать помогало Ю.А. Исакову в его научно-организационной работе, в которой он преуспел как никто среди коллег – орнитологов и биогеографов. Организация десятков крупных совещаний по зоогеографии, средообразующей роли животных, по изучению фауны птиц СССР, кадастру водоплавающих птиц и охране водно-болотных угодий, заповедному делу. Участие в работе международных организаций (Рамсарской конвенции, в Международном бюро по изучению водоплавающих, Международном орнитологическом комитете), крупные проекты – по подготовке новой многотомной сводки «Птицы СССР», обобщению итогов комплексных исследований влияния Рыбинского водохранилища на природу региона и др. – трудно представить, но все это оказалось под силу типичному академическому ученому. Правда, ученому с хорошей гулаговской закваской.

Лет десять после смерти Юрия Андреевича ему еще шли письма со всего мира. Его приглашали на конференции, просили прислать книги и оттиски, советовались при создании новых охраняемых территорий... Его авторитет в исследованиях водно-болотных угодий, водоплавающих птиц и их миграций был непререкаем. Во многом его усилиями была подготовлена и принята одна из первых международных конвенций в области охраны живой природы – Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитания водоплавающих птиц (Рамсарская конвенция, 1971). Он встречался с шахом Ирана, агитировал своих зарубежных коллег, убеждал, что дело сохранения мигрирующих птиц – общее, и сохранять птиц надо на всем пути их ежегодных перелетов. Вспоминаю рассказы о Ю.А. Исакове старых сотрудников Астраханского, Дарвинского и Черноморского заповедников. Оказывается, вдали от Москвы он заметно преобразился, становился мягче и добродушнее. И это понятно, Москва в 1934 г. сломала его жизнь, а эти люди, с которыми он работал все годы ссылки, помогали ему, как могли, по сути – спасали его. Он был им очень обязан и подчеркивал это.

У всех наших «отдельских стариков» – С.В. Кирикова, А.Н. Формозова, А.А. Насимовича, К.С. Ходашовой, Р.П. Зиминой и О.С. Гребенщикова – и в манере ежедневного общения, и в отношениях, и в разговорах, что называется, «за глаза», ощущалось почтение и признание за Ю.А. Исаковым роли лидера. Редкий случай, но, как подчеркивал А.А. Насимович, авторитет Юрий Андреевич заработал прежде всего ставшими классическими работа-

ми в заповедниках, сочетающими глубокие знания отечественной и зарубежной литературы с блестящим аналитическим умом и богатейшей практикой полевой работы. Ну и, конечно, тем, что эти же качества ценил в коллегам и всячески поддерживал их.

В учениках у «мистера Икс»

Характер Ю.А. Исакова я почувствовал в первый же день после распределения на работу в Институт географии. Прибежав, боясь опоздать, к десяти утра в Институт, у двери в отдел биогеографии я застал Мишу Вайсфельда и Наташу Ратникову. Они обсуждали экспедицию по заповедникам, в которой обоим предстояло участвовать. Я прошел в кабинет заместителя директора С.В. Зонна и положил перед ним направление в Институт и другие документы, объяснив, что диплом выдадут в июле, а мне надо уезжать в экспедицию на Таймыр, и ждать я не могу. С.В. Зонн заметил, что в таком случае вы, молодой человек, можете и отказаться от распределения. Мол, найдете другую организацию, где Вас отпустят в экспедицию, и будут ждать, когда вы вернетесь и приступите к работе. Достаточно только письма от этой организации с согласием вас принять. В сердцах еду к Савве Михайловичу Успенскому. Пишу там заявление с просьбой о приеме на работу в ВНИИ охраны природы и заезжаю в Президиум АН СССР на Ленинский проспект, дом 14, где в отделе распределения мне делают пометку, что согласны с перераспределением. К концу дня возвращаюсь в Институт географии к С.В. Зонну, а тот посылает меня к Ю.А. Исакову. Пусть, мол, он на заявлении с отказом от распределения напишет свое согласие. Иду в отдел, но Ю.А. Исаков достаточно резко мне заявляет, что никакой бумаги он не подпишет. «Раз Вы распределились в отдел биогеографии – извольте здесь и работать!». Так судьба моя была решена. Говорю Ю.А. Исакову: «Раз не пускаете на Таймыр, то пошлите в какую-нибудь экспедицию. Только, чтоб сразу, можно даже завтра».

Завтра – не завтра, а через три дня я оказался в экспедиции, которая обследовала заповедники Европейской части России, поработал за один год в Киваче, Башкирском, Жигулевском, Лапландском, Кандакшском, Печоро-Ильчском и других заповедниках. Там я сдружился, спелся, сработался с замечательными учеными – почвоведом, ландшафтоведами, гидрологами, климатологами. Сблизился и с Ю.А. Исаковым, и с А.А. Насимовичем, и С.В. Кириковым. Стал быстро своим в отделе. Наконец, в экспедиции нашел близкого по духу человека и жену, с которой мы уже почти 40 лет вместе – Наташу.

Жизнь пошла своим чередом. Ю.А. Исаков поддерживал мою идею заниматься географией сукцессий и ролью в них животных-фитофагов. Ему понравился мой обзор, вышедший в 1978 г. в «Вопросах териологии» по роли растительных животных в экосистемах тундр. Был он написан в духе работы отдела

в период проведения всесоюзных совещаний по средообразующей роли животных. Им всячески поощрялись наши с М.В. Глазовым работы на Валдае. Это выражалось в том, что ежегодно, несмотря ни на что, Таежный отряд получал и деньги на экспедицию, и машину. С нами на Валдае отпускаясь фактически весь инженерно-лаборантский коллектив отдела. Надежда была на то, в тайге будет собран материал по структуре и функционированию зональных экосистем, сопоставимый по объему и разнообразию с полученным на Курском полевом стационаре.

В 1980 г. в издательстве «Наука» вышла книга Ю.А. Исакова, Д.В. Панфилова и Н.С. Казанской «Классификация, география и антропогенная трансформация экосистем». Книга была манифестом, стартом развития нового направления – географии экосистем. Она открыла цикл публикаций отдела биогеографии по сравнительно-географическому анализу структуры, функционирования и динамики экосистем. То, что экосистема, а не ландшафт, стали основным объектом биогеографов, не вызвало возражений ни академиком И.П. Герасимов, ни ведущих физико-географов Института. Такая незримая идеологическая поддержка взбудорила Юрия Андреевича, и он задумал серию монографических публикаций, в которых видел себя в качестве соавтора и редактора. Об этом я пишу с полной ответственностью, так как помню обсуждения этих изданий, планирование полевых исследований по зональному градиенту, попытки обобщения материалов заповедников, расположенных в разных природных зонах. Долго сохранялись даже рукописные предложения по содержанию будущих книг.

В 1982 г. отдел биогеографии отметил 70-летие Юрия Андреевича. Мы написали о нем статью для «Известий АН СССР» (Зимица Р.П., Злотин Р.И., Казанская Н.С., Тишков А.А. Юрий Андреевич Исаков (к 70-летию со дня рождения). Известия АН СССР. Сер.географ., 1983), в которой косвенно упомянули непростую судьбу юбиляра. Я, помнится, даже обнаружил странные публикации Юрия Андреевича по звероводству в Карелии, подготовленные им в период работы на Беломорканале.

В 1983 г. началась подготовка всесоюзной конференции по географии экосистем. Д.В. Панфилов и Ю.А. Исаков были не только идеологами этого нового направления, но и мобилизовали всех, кто придерживался этой сравнительно новой идеологии, которую можно образно назвать «географией процессов». То, что тогда получилось, в том числе замечательная «программная» книга материалов совещания «Современные проблемы географии экосистем» (1984) – удача Юрия Андреевича и, фактически, начало новой биогеографии, своеобразный подарок к его юбилею.

После конференции Ю.А. Исаков собрал нас с Н.С. Казанской и предложил обобщить публикации последних лет в книгу по географии динамики экоси-

стем. Мне досталась природная динамика. Наташе – антропогенная. Классификацию форм динамики мы решили подготовить вместе, а исследования динамики экосистем на базе заповедников Юрий Андреевич должен был готовить сам. Когда пришло время сдавать рукопись, у меня все было готово, вплоть до рисунков и списка литературы. Наташа Казанская принесла свою рукопись, с которой Исаков работал месяца два, его же собственных материалов все не было. Редактор издательства «Наука» тогда сидела у нас на Старомонетном и работала с рукописью по мере поступления материалов. Исаков принес свои куски, чисто отпечатанные и фактически готовые, в последний момент. Все сладилось сравнительно быстро, и наша книга (Исаков, Казанская, Тишков, 1986) вышла почти в срок (на год позже), но все же практически в одно время с нашей второй монографией (Базилевич Н.И., Гребенщиков О.С., Тишков А.А. Географические закономерности структуры и функционирования экосистем. М.: Наука, 1986, 297 с.), к которой Ю.А. Исаков тоже приложил много сил как редактор. Так как О.С. Гребенщиков к тому времени умер, Юрий Андреевич доводил его материалы до публикации (например, ему и Д.В. Панфилову принадлежит система группирования экосистем по классам – у Олега Сергеевича этого в тексте не было).

Кто придумал «Летопись природы»?

Этот вопрос даже патриархи заповедного дела нашей страны определенно решали в пользу А.Н. Формозова. Причем была и соответствующая его публикация (Формозов, 1962), где говорилось об особой ценности непрерывных наблюдений по Летописи природы. Считается, что незадолго до войны А.Н. Формозов предложил Комиссии по заповедникам систематизировать наблюдения за состоянием природных комплексов заповедников в специальном документе. Он же, как это написал сам Ю.А. Исаков, и предложил название этого документа: «Летопись природы».

Когда заканчивалась подготовка рукописи нашей совместной монографии, Юрий Андреевич неожиданно, вне согласованного ранее содержания книги, принес черновой вариант главы «Методические вопросы исследований динамики экосистем и их согласование с задачами геосистемного мониторинга». В том же году в № 4 «Известий РАН. Серия географическая» была опубликована его статья на эту тему. На мой вопрос, как это сочетается с задачами книги, он ответил, что именно из многолетних рядов наблюдений и рождаются документированные описания сукцессий, дается характеристика природной и антропогенной изменчивости экосистем. И тут же рассказал историю о том, что натолкнуло его в 1939–1940 годах на мысль о необходимости рекомендовать всем заповедникам вести унифицированный документ наблюдений. Его дед и отец были заядлыми охотниками и в течение десятилетий записывали все свои трофеи, параллель-

но фиксируя сроки, погодные условия, место и характер охоты. Из этих записей складывались сводки по динамике численности дичи в местах охоты, породном составе добытых птиц и зверей, связи активности промысловой фауны с климатическими условиями и пр. Об этом он рассказал А.Н. Формозову, посетившему его в Астраханском заповеднике. Они очень долго обсуждали эту идею. Потом, вернувшись в Москву, А.Н. Формозов успел даже сделать сообщение в Комиссии по заповедникам, но потом война «отложила» это дело почти на пять лет. Косвенно причастность Ю.А. Исакова к программе «Летопись природы» подтвердили А.А. Насимович, работавший в те годы в Комиссии по заповедникам, а также С.В. Кириков, который однозначно воспринимал программу «Летописи» как детище Исакова и Формозова и реализовывал ее в Башкирском заповеднике.

У меня нет сомнений, что о Ю. А. Исакове будет написано еще очень много. К сожалению, опубликованные статьи о нем не всегда глубоки и сделаны в соответствии с духом времени. Перед смертью Юрия Андреевича я был у него дома на Фестивальной

улице, и меня поразило не только обилие книг, которые лежали везде, в порядке, ему одному понятном, но и невероятный аскетизм жизни этого выдающегося ученого. На письменном столе стоял запыленный аквариум с высохшими растениями – как символ того, что жизнь, выбранная хозяином этой квартиры, многое приносит в жертву.

До сих пор полного жизнеописания Ю.А. Исакова нет. Знаю, что есть потребность написать о нем как о деятеле заповедного дела, как об одном из выдающихся специалистов в области охраны живой природы. Но для меня он был и остается учителем, ученым, который на равных мог обсуждать фундаментальные проблемы науки с выпускником университета, писать с ним статьи и книги, планировать исследования. И в этом был стиль, изюминка воспитания и образования юных исследователей, передача эстафеты из далекого-далека дореволюционной российской науки в нашу советскую действительность. Что-то нашим учителям в этом удалось. За что им огромное спасибо.

А.А. Тишков

Густав Фердинанд Рихард Радде. К 180-летию со дня рождения

27 ноября 2011 г. исполнилось 180 лет замечательному натуралисту и естествоиспытателю Густаву Радде, с именем которого связаны исследования природы Крыма, Восточной Сибири и Кавказа во второй половине XIX века. По просьбе редколлегии «Мира птиц», А.Д. Липкович подготовил очерк об этом выдающемся исследователе, который мы и предлагаем нашим читателям.

Это было вечером в последних числах ноября 1877 года. Чудные осенние дни в Тифлисе уже кончились. На север от кавказской столицы, над Сагурамским хребтом, ложились тяжелые тучи. Ночь была темная, бурная. Погода стояла более чем прохладная. Я спокойно сидел на тахте¹ в своем кабинете, убранном в восточном вкусе, с прекрасными гравюрами Ландсира и фотографией с несравненной Ифигении Каульбаха. Часы били девять. Вся обстановка, в особенности аромат гаванской сигары, благоприятно влияли на ход моих мыслей, которые быстро сменялись одна другою. Я размышлял о предстоявшей мне в будущем году поездке в Париж, по поручению от правительства. Вдруг раздался звонок. Я отпер дверь, и передо мною стал прямо вытянувшийся казак. «Его Императорское Высочество молодой Князь Николай Михайлович просит вас к себе», сказал он. Несколько мгновений было достаточно для приведения моего туалета в порядок; домашний костюм был заменен вицмундиром. Я пошел через дворцовый сад, чтобы попасть в покои Его Императорского Высочества. Ветер неприятно шумел ветвями высоких деревьев.

¹ На Востоке тахта везде заменяет неудобные диваны Запада.

По временам раздавался пронзительный, хриплый зов вороны, встревоженной во сне и возбудившей внимание всей стаи этих птиц, ежедневно собирающихся здесь для ночлега. Вскоре затем все снова успокоилось. Я вступил в рабочий кабинет генерала фон Петерса, воспитателя молодого Великого Князя. Модераторная лампа, висевшая в форме урны, распространяла мягкий, приятный свет по комнате; на стенах висели характерные рисунки Горшельта, изображающие кавказские военные сцены; богатый выбор великолепных персидских сосудов и мебель в восточном вкусе довершали остальное убранство.

Молодой Великий Князь, в то время 19-ти лет, сидел в низеньком широком кресле, обитом толстым джиджимом². Он только что кончил обычные в это время гимнастические упражнения и перед сном пожелал еще поговорить кое о чем.

Его Высочество в продолжение разговора со мною изволил выразить мнение, что пора мне приняться за специальную работу, что отчеты о моих путешествиях, описание Сванетии, мои лекции за границей, моя монография о хевсурах – не составляют всего,

² Прекрасная, весьма прочная шелковая ткань, изготовляемая в Карабахе женщинами-татарками.

что от меня ожидают. Его Высочество полагал, что я могу и должен дать больше по моей специальности.

– Для специальной работы, соответствующей современным требованиям, – был мой ответ – необходимо, прежде всего, иметь под рукою по возможности исчерпывающую литературу и материал для сравнения. Какую бы я ни избрал себе отрасль, эти два условия составляют *conditio sine qua non* всякой систематической работы в описательном духе. Есть, впрочем, материал, с которым я мог бы совладать и здесь, на Кавказе, но он требует весьма значительных дополнений. Со времени основания Кавказского Музея (1867) я прилежно делал и отмечал наблюдения над кавказскими птицами, но я не мог посвятить им исключительное свое внимание; это было бы недобросовестно по отношению к юному учреждению. Я просил Его Императорское Высочество позволить мне изложить это **дело** более подробно, с целью

выяснить, почему я до сего времени не принялся за специальную разработку кавказских птиц...»

Такое введение предпослал знаменитой в свое время среди специалистов книге о птицах «Орнитологическая фауна Кавказа» («Ornis Caucasica»), изданной в 1884 году в Тифлисе замечательный российский ученый Густав Иванович Радде (Густав Радде принял российское гражданство, и для простоты в общении заменил немецкие имена на русское отчество «Иванович»). Это хорошо иллюстрированное и оформленное издание до сих пор непременно цитируется каждым исследователем птиц Кавказа.

Позволю себе короткое отступление. В последнюю встречу с замечательным российским зоологом, создателем и первым Президентом Союза охраны птиц России Владимиром Евгеньевичем Флинтом, когда мы сидели за столом в его московской квартире, разговор зашел об «Ornis Caucasica» Густаве Радде. Владимир Евгеньевич заметил, что эта книга есть в его домашней библиотеке, да еще с дарственной надписью автора. Я попытался пошутить: каким образом Густав Иванович успел подписать книгу Владимиру Евгеньевичу? На это он с легкой улыбкой ответил, что надпись адресована не ему, а барону Тизенгаузену. С этими словами В.Е. Флинт вышел в соседнюю комнату и вернулся, держа в руках старинный фолиант. На титульном листе книги красовалась надпись: «Глубокоуважаемому Барону Тизенгаузену от Г.И. Радде».

Заслуги Густава Радде в отечественной науке столь велики и разнообразны, что для полного их описания нужна отдельная книга. Подробное описание жизненного пути и научной работы этого замечательного исследователя дано в статье А.А. Головлева «Густав Иванович Радде в Крыму, на Кавказе и в Сибири»¹. Ниже привожу выдержки из этой интересной статьи.

Г.И. Радде родился 15 (27) ноября 1831 г. в Германии, в г. Данциге (теперь это г. Гданьск в Польше), в небогатой семье школьного учителя. Умер на 72 году жизни в столице Кавказского края России – г. Тифлисе – в ночь со 2 (15) на 3 (16) марта 1903 г. Причиной смерти, вероятно, стала болезнь – рак почек.

Вот как о Г.И. Радде написал в мемориальной статье П.И. Мищенко:

«Перелистывая историю прошлого русской земли и русской науки, нельзя не заметить, что на всех поприщах государственной, общественной и научной деятельности подвизались у нас в свое время в значительном числе иностранцы. И если среди них... много попадалось людей посредственных и даже бездарных, приходивших в Россию... лишь на заработки, ради тщеславия, корысти и почестей, не любивших Россию и своих русских соратников и оставивших по себе нежелательные следы или исчезнувших бесследно в истории русской жизни и науки, то зато много было и таких, особенно среди

¹ Самарская Лука: Проблемы региональной и глобальной экологии. Самара, 2009. – Т. 18, № 1. – С. 202–217.

людей науки, за которых Россия и русская наука должны быть глубоко благодарны пославшей их к нам судьбе. К числу последних, несомненно принадлежал скончавшийся Г.И. Радде. Немец по рождению и воспитанию, он полюбил Россию и русскую природу всеми силами своей могучей души и отдал им на служение всего себя, всю свою неисчерпаемую энергию и колоссальный природный ум».

В 1852 г. Г.И. Радде обратился к русскому консулу в Данциге А.Ф. Аделунгу с просьбой посодействовать путешествию в Россию, в Крым. А.Ф. Аделунг снабдил молодого человека паспортом и дал ему рекомендательное письмо к своему зятю, академику П.И. Кеппену, жившему в то время на южном берегу Крыма. Получив от Данцигского общества естествоиспытателей скромную дорожную стипендию, Г.И. Радде отправился в дальний путь. В дороге он примкнул к еврейскому обозу, следовавшему в Новороссию.

В Крыму Г.И. Радде нашел П.И. Кеппена и получил от него рекомендацию к знаменитому натуралисту, ботанику и энтомологу Х.Х. Стевену. С помощью Христиана Стевена, сразу определившего в молодом человеке большие способности, Г.И. Радде стал знакомиться с природой Крыма. Пешком исходил горы и степи Крыма, ездил в Бердянск на побережье Азовского моря. Природа Крымского полуострова очаровала молодого исследователя. На хлеб насущный Г.И. Радде зарабатывал гувернером в доме помещика.

Судьбу Г.И. Радде круто изменило известие о том, что Русское географическое общество планирует организовать экспедицию на Камчатку. Получив рекомендации на участие в этой экспедиции от Х.Х. Стевена, П.И. Кеппена, академика Ф.Ф. Брандта и лейб-медика Рауха, Г.И. Радде в феврале 1855 г. выехал в Санкт-Петербург. Для Петербургской Академии наук он взял собранные на Крымском полуострове коллекции.

С середины июня и до сентября 1855 г. Г.И. Радде совершил на лодке круговое плавание по Байкалу, ежедневно причаливая к берегу и собирая ботанический и зоологический материал. Затем посетил Селенгинск и Гусиное озеро (ныне в Республике Бурятия). В 1856–1857 гг. путешествовал по Даурии (ныне Забайкальский край), где обследовал озеро Торей-Нор (теперь это два озера – Барун-Торей и Зун-Торей), поднимался на гольцовую вершину Сохондо (2500 м), которая является теперь центральной частью Сохондинского биосферного заповедника. Посетил Кяхту и Читу.

В середине мая 1857 г. началась экспедиция Г.И. Радде по исследованию реки Амур. Вместе с тремя казаками и тунгусом (эвенком) он спустился на плоту по реке Шилке в Амур. 20 июня в том месте, где южные отроги Малого Хингана подступали к левому берегу Амура, Г.И. Радде остановился лагерь. Сначала здесь была возведена легкая постройка для жилья, снаряжения и провианта, а позднее – зимняя стоянка. С этого места Г.И. Радде плывал

вниз по Амуру для обозрения устья реки Уссури, совершал пешие экскурсии для сбора биологического материала. Здесь он охотился, препарировал добычу, готовил отчеты.

В мае 1858 г. стоянку Г.И. Радде посетил генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский. По просьбе генерал-губернатора Густав Иванович поблизости от своего шалаша основал казачью станицу, рассчитанную на 24 казачьих семьи. Станица эта по имени своего основателя получила название «Раддовка»

Вот как сам Г.И. Радде писал об этом событии: «Основанная мною станица, которую граф назвал моим именем, и которую казаки переименовали в Раддовку или в Раддину, стала скоро образцовой. Она одна из самых больших и цветущих по всему Амуру». В 80-е годы XIX в. Раддовка имела уже более 100 домов и телеграфное сообщение. В настоящее время основанный Г.И. Радде населенный пункт называется Радде. Он располагается на левом берегу Амура в Еврейской автономной области...

Упаковав богатые коллекции, собранные за 5 лет путешествий по Даурии, Амурскому краю и Саянам, Г.И. Радде выехал в Санкт-Петербург.

В Санкт-Петербурге Г.И. Радде был назначен консерватором в Зоологическом музее Императорской Академии Наук и приступил к камеральной обработке собранного материала. В период обработки сибирских коллекций Г.И. Радде дважды командировался на юг России. В 1860 г. он сопровождал академика Ф.Ф. Брандта в качестве помощника для поднятия мастодонта, найденного на р. Ингул около г. Николаева (в Новороссии), а в 1862 г. – академика К.М. Бэра на р. Маныч и Азовское море с целью выяснения причин его обмеления. За издание первого тома путешествий по Сибири и Амурскому краю Дерптский университет избрал Г.И. Радде своим почетным магистром, а Бреславский университет признал его доктором философии. Императорская Академия Наук удостоила Г.И. Радде своей наиболее престижной наградой – Демидовской премией.

В 1863 г. Г.И. Радде по рекомендации академика Петербургской Академии Наук и первого директора Главной физической обсерватории А.Я. Купфера получил назначение на должность помощника директора Тифлисской физической обсерватории. Перед выездом на Кавказ 9 (21) июня Г.И. Радде обвенчался с дочерью академика Ф.Ф. Брандта, Марьей Федоровной.

Работа в Тифлисской физической обсерватории не пришлась Г.И. Раде по душе. Не прошло и пяти месяцев, как он рассорился с директором обсерватории и оставил службу. На следующий день после ухода со службы к нему явился «ангел-спаситель» в лице А.П. Берже. Г.И. Радде и А.П. Берже познакомились в Немецком клубе Тифлиса и были дружны. Поэтому А.П. Берже решил помочь Густаву Ивановичу – посоветовал ему составить план биолого-географических

исследований на Кавказе и передать этот план начальнику Главного управления Наместника Кавказского барону А.П. Николаи для последующего представления Наместнику Кавказскому великому князю Михаилу Николаевичу Романову. Г.И. Радде последовал этому дружескому совету.

Через месяц после представления плана исследований, А.П. Берже принес Г.И. Радде официальную бумагу. На Г.И. Радде возлагалась обязанность совершать по Кавказу научные путешествия, а годовое жалованье устанавливалось в размере 2000 рублей.

С легкой руки А.П. Берже, в 1864 г. начались многолетние экспедиции Г.И. Радде по Кавказскому краю. П.И. Мищенко так писал о кавказском периоде жизни и деятельности Г.И. Радде: «В течение этого, довольно продолжительного периода, им совершено огромное количество научных экспедиций по Кавказу, перечисление которых заняло бы много места. Можно кратко сказать, что он исходил весь Кавказ...».

Во время научных экспедиций Г.И. Радде собрал огромный коллекционный материал. По результатам экспедиций он готовил отчеты, публиковал заметки, статьи и монографии. К сожалению, большая часть произведений ученого была напечатана на немецком языке, а потому эти труды остались не востребованными широкой общественностью России. А ведь в трудах Г.И. Радде, помимо материалов о природе Кавказа, приводятся сведения по его истории и этнографии.

Выдающейся заслугой Г.И. Радде стало создание Кавказского музея в столице Кавказского края – Тифлисе. Справедливости ради заметим, что мысль о создании подобного музея впервые высказал в 1852 г. граф В.А. Соллогуб. В том же году натуралисту Ф.С. Байерну было выдано 325 рублей серебром для сбора музейных коллекций. Самого натуралиста пригласили в создаваемый музей на должность консерватора. Публичное открытие музея состоялось в 1856 г. Кроме биологических коллекций, в музее имелись ценные исторические предметы. В частности, экспонировались подарки барона И.А. Вревского – несколько интересных древних вещей, найденных в Чечне в верховьях р. Валерик, а также знаки, которыми имам Шамиль награждал своих наивов.

Однако этот музей просуществовал лишь до 1861 г. К этому времени дирекция музея распалась, коллекции остались без присмотра, частично затерялись или попортились. В 1864 г. Г.И. Радде задумал создать новый музей, качественно отличающийся от прежнего.

Был разработан проект такого музея, получившего название Кавказского. Проект учреждения Кавказского музея и его штат Наместник Кавказский великий князь Михаил Николаевич Романов утвердил 2 (14) июня 1865 г., а торжественное открытие музея состоялось 2 (14) января 1867 г. Г.И. Радде стал директором музея, а в 1868 г. – директором Публичной библиотеки (основанной еще в 1846 г.) в Тифлисе. Музей и библиотека стали любимыми детищами Г.И. Радде,

созданными и взлелеянными исключительно его трудами и кипучей энергией. Через 20 лет после смерти Г.И. Радде, на основе книжных фондов Публичной библиотеки была учреждена Государственная библиотека Грузинской ССР имени К. Маркса.

В 1868 г. напротив дворца Наместника Кавказского началось строительство специального здания для Кавказского музея. Оно было построено в 1869 г. Открытие нового здания музея для публичного посещения состоялось 1 (13) сентября 1871 г. Кроме Публичной библиотеки при Кавказском музее находился сад.

Созданный Г.И. Радде музей просуществовал под своим первоначальным названием до 1919 г. включительно. В 1920 г., при меньшевистском правительстве, Кавказский музей был переименован в Музей Грузии. Позже он получил название Государственного музея Грузии. В послевоенные годы Государственному музею Грузии присвоили имя советского историка-кавказоведа, академика АН СССР С.Н. Джанашиа.

Необходимо заметить, что сегодня, во время волны конфликтов, имеющих этническую и религиозную окраску, существование музея, подобного созданному в XIX веке стараниями Г. Радде при понимании и поддержке царской фамилии, было бы очень полезным. Историческая несправедливость состоит в том, что Россия, держава, внесшая максимальный вклад в изучение природы и этнографии Кавказа, не имеет кавказского музея. В нашей стране сегодня нет места, куда можно было бы прийти и познакомиться с природой и этносами Кавказа, их традициями природопользования, религией и национальной культурой. В ходу этнические мифы, получившие широкое распространение и влияющие на межнациональные отношения. Краеведческие музеи не восполняют этот пробел, а их отделы природы, как правило, имеют бедную экспозицию, низкий уровень таксидермии и оформления.

За научные заслуги в деле изучения природы России Г.И. Радде был удостоен почетной степени доктора и высокого чина тайного советника. Густав Иванович стал членом-корреспондентом Петербургской Академии Наук. Императорское Русское географическое общество в 1899 г. наградило его золотой Константиновской медалью. Ф.П. Кеппен подчеркивал, что хотя Г.И. Радде и был уроженцем Германии, но по научной деятельности своей он вполне принадлежит России. Ведь Густав Иванович более полувека своей жизни посвятил исследованию России в естественноисторическом отношении. Добавим к этому, что русское подданство он принял еще во время экспедиций по Сибири.

Как о человеке, о Г.И. Радде можно судить по воспоминаниям современников. К.Ф. Ган, старый друг Густава Ивановича, общавшийся с ним на протяжении более 30 лет, отмечал радушие и гостеприимство семьи Радде и его главы. От К.Ф. Гана мы также узнаем, что в церковь Г.И. Радде ходил очень редко, и, будучи уже в зрелом возрасте, не был религиоз-

ным человеком в строго догматическом понимании этого слова.

Ф.П. Кеппен, с давних пор друживший с Г.И. Радде, писал о том, что «веселость и бодрость духа, необыкновенная энергия и сила воли никогда и нигде не покидали Густава Ивановича во всю его жизнь». П.Ф. Кеппен выделил такие характерные черты Г.И. Радде, как беспредельную любовь к природе, неусыпную работоспособность и выдающееся умение в передаче всего увиденного в природе. В целом, научную деятельность Г.И. Радде он называл «изумительно-неутомимой и плодотворной».

Именем Густава Радде названо более 10 видов растений и животных. Однако до сих пор оно остается мало известно широким кругам российских специалистов и

любителей природы. В значительной степени это связано с тем, что большинство трудов он писал на немецком языке. Тем не менее, Густав Радде навечно вписал свое имя в историю естественных наук.

Останки знаменитого российского путешественника, естествоиспытателя и географа перевезли из Тифлиса в местечко Ликаны, около Боржоми, для погребения. Здесь он давно уже наметил себе место для вечного упокоения – небольшое возвышение, поросшее сосновым лесом. На могиле Г.И. Радде поместили эпитафию, сочиненную им самим:

*Здесь лежит усталый
Густав Иванович Радде.
Смерть мне не страшна,
Она сестра родная сна.*

НАМ ПИШУТ

Здравствуй, перелетная птица!

Много лет я работаю воспитателем детского сада и уделяю большое внимание формированию у детей бережного и неравнодушного отношения к природе. Заметила, что дети с особым вниманием и интересом слушают рассказы о птицах, об образе их жизни, повадках. Ведь еще в раннем детстве малыши любят показывать, как птицы клюют зерна, пьют воду, машут крыльями, с удовольствием играют, изображая полет птиц. У детей загораются глаза, они радуются и смеются!

Я предложила детям моей группы участвовать в проекте «Весна идет!», рассказав о важности и необходимости наблюдений за прилетом птиц для ученых-орнитологов, и ребята с удовольствием согласились. Но как наблюдать за птицами, если мы, и взрослые, и дети, мало знаем об их жизни?

Важную информацию о перелетных птицах, в том числе о кукушковых и ласточковых Приханкайской низменности, предоставили нам сотрудники Государственного природного биосферного заповедника «Ханкайский».

Чтобы узнать подробнее об обитающих в нашей местности деревенской ласточке и обыкновенной кукушке – и выяснить, когда эти птицы прилетают к нам на Спасскую землю, мы придумали проект: «Здравствуй, перелетная птица!»

Приступив к разработке плана проекта, мы поняли, что без помощи родителей не обойтись. Их попросили вместе с детьми поискать сведения о ласточках и кукушках, но не просто приносить их в детский сад, а побеседовать со своим ребенком на эту тему. А он сам расскажет, что интересного узнал об этих птицах.

Каждой семье я предложила искать информацию по маленькому вопросу, чтобы потом, как из мозаики, сложить интереснейшую картину о жизни птиц. Ежедневно дети приносили сведения из

Интернета, видеоматериалы, иллюстрации, художественную литературу. Но, самое главное, они друг другу взахлеб рассказывали о птицах!

Так мы узнали, что в природе есть много видов ласточек, да и кукушек – не один вид, чему дети очень удивились. Наши родители активно включились в работу, и некоторые пришли в детский сад, чтобы поделиться тем, что знают и умеют сами.

Занятие по рисованию провела мама Алины Андриановой – Виктория Владимировна. Она помогла детям сравнить несколько видов ласточек. И в рисунках детям удалось отразить особенности деревенской ласточки – кирпичного цвета шейку и длинный вильчатый хвост.

На других занятиях дети изобразили кукушку и рассказали, где она живет, почему свои яйца сама не высидывает. Как их удивил тот факт, что нельзя кукушку назвать нерадивой мамой – просто сама природа позаботилась о сохранении потомства кукушки!

Чем больше мы узнавали о птицах, тем больше у нас возникало вопросов. Куда улетают ласточка и кукушка? Зачем прилетают к нам снова? Ответить на эти вопросы мы попросили маму Кати Сикорской – преподавателя географии. Татьяна Ивановна доступно и интересно рассказала о миграциях птиц, об ученых-орнитологах, которые изучают пернатых. Детей очень заинтересовало, что птицы преодолевают тысячи километров, чтобы вернуться к нам снова, и они сами сделали вывод, что птицы для этого должны быть здоровыми и сильными. А по карте мы проследили маршруты перелетов птиц и сравнили с маршрутами самолетов, которые точно знают, куда они летят.

Мы обратились за помощью и в городскую детскую библиотеку, где для нас подобрали книги и слайды. Дети с восторгом рассматривали красочные изображения ласточек и кукушек, отгадывали видеозагадки.

И вот подошло время подвести некоторый итог – провести викторину о жизни деревенской ласточки и обыкновенной кукушки. Мы изготовили шапочки кукушек (1-я команда) и ласточек (2-я команда). Родители оценивали действия команд: умение работать дружно, выполняя задания, и правильность ответов.

Дети отвечали интересно и эмоционально. Например, на вопрос: «Почему малыши, играя в прятки, говорят «ку-ку»?», Никита Лебедев с присущей ему серьезностью ответил: «Да весь образ жизни кукушки связан с прятками!»

А вот Даша Гурьева восторженно возразила: «Детки маленькие, и им трудно еще произносить длинные слова, вот они и говорят «кукушкины слова!»»

К 1 мая 2011 г. мы завершили свой 10-дневный проект и теперь точно знали, за какими птицами нам наблюдать, чтобы передать полученные результаты ученым-орнитологам из нашего заповедника и в Союз охраны птиц России.

В праздничные дни дети и родители наблюдали птиц в парках, на дачах, в парках, возле речки, озера.

Первых деревенских ласточек мы увидели 5–8 мая. Кукушку услышали позже, 21 мая, – видимо, из-за холодной погоды в Приморском крае она задержалась в пути.

31 мая 2011 года я попрощалась со своими 26 детьми: осенью они пойдут в школу. Думаю, что смогла заинтересовать их наблюдениями за птицами, научила стремиться к познанию неизведанного, бережно относиться к природе. Надеюсь, что работала я не зря, и мои дети никогда не возьмут в руки рогатку, не будут разорять гнезда, с радостью будут слушать птичий щебет.

Удачи нашим детям и пернатым!

В.И. Фридолина
воспитатель МДОУ
детский сад № 3 «Радуга»,
г. Спасск-Дальний

Эдуард Иванович Гаврилов

8 октября 1933 г. – 15 сентября 2011 г.

В ночь с 15 на 16 сентября 2011 г. скончался ведущий орнитолог Казахстана, Почетный член Мензбировского орнитологического общества, много лет возглавлявший лабораторию орнитологии Института зоологии Академии наук Казахской ССР, один из основных авторов монографической сводки

«Птицы Казахстана», лауреат Государственной премии Казахстана, доктор биологических наук, профессор Эдуард Иванович Гаврилов, всю свою жизнь посвятивший изучению птиц Казахстана.

Родился Эдуард Иванович 8 октября 1933 г. в г. Воронеже (Россия), где получил среднее и высшее образование. Птицами Казахстана начал заниматься с 1956 г., когда после окончания кафедры зоологии Воронежского университета стал работать зоологом Чапаевского противочумного отделения в Западно-Казахстанской области. Параллельно с выполнением основных обязанностей по учетам грызунов и профилактическим мероприятиям по снижению их численности, Эдуард Иванович начал активно изучать фауну птиц долины Урала и Волжско-Уральского междуречья вместе с зоологами из других противочумных отделений и отрядов (В.А. Наглов, А.К. Федосенко, В.Л. Шевченко, О.М. Татарина). За несколько лет им удалось собрать огромный по тем временам фактический материал, который был впоследствии дополнен наблюдениями других авторов и опубликован несколькими крупными выпусками (Гаврилов и др., 1968; Шевченко и др., 1978, 1993). Эти публикации составили основу современных знаний об орнитофауне Волжско-Уральского междуречья.

С марта 1959 г. по декабрь 1964 г. Э.И. Гаврилов работает в Институте защиты растений МСХ КазССР (Алма-Ата) и без отрыва от производства обучается в аспирантуре при Институте зоологии АН КазССР (1960–1963) под руководством И.А. Долгушина. Аспирантура заканчивается защитой кандидатской диссертации «Испанский воробей в Казахстане и меры борьбы с ним». Весь богатый фактический материал, собранный по теме диссертации, Эдуард Иванович в эти же и ближайшие годы публикует в отечественной и зарубежной научной печат-

ти. Без преувеличения можно сказать, что именно после этих публикаций испанский воробей стал одной из наиболее изученных воробьиных птиц нашей фауны (одновременно изучением биологии и разработкой мер борьбы с этим видом занимались Э.Н. Голованова в России и Г.С. Умрихина в Киргизии).

В Институте зоологии, куда Эдуард Иванович перешел в декабре 1964 г., он с увлечением включается в организованное И.А. Долгушиным для получения материалов к сводке «Птицы Казахстана» стационарное исследование биологии высокогорных птиц. Здесь он впервые для себя сталкивается с такими замечательными птицами, как арчовый дубонос, арчовая чечевица, бледная и черногорлая завирушка, черногрудая красношейка, расписная синичка и многие другие. В тезисах очередной, Четвертой Всесоюзной орнитологической конференции (Алма-Ата, сентябрь 1965), в организации и проведении которой Э.И. принял активное участие, публикуется целый блок соавторских докладов по данным видам, а вскоре появляются в печати и обстоятельные статьи с описанием их биологии.

В 1966 г., после смерти И.А. Долгушина, Э.И. Гаврилов становится заведующим лабораторией орнитологии и руководит ею без малого четверть века – до 1990 г. Вместе с лабораторией он принял в наследство и чрезвычайно ответственное дело – незаконченную многотомную сводку по птицам Казахстана. Параллельно с организацией первого орнитологического стационара по изучению миграций птиц на Чокпакском перевале необходимо было организовать авторский коллектив для написания оставшихся разделов сводки и добиваться у высоко начальства включения уже написанных рукописей в планы издания. Здесь проявились незаурядные организаторские способности молодого заведующего. Вкладывая в работу всю свою неумную энергию, он находит надежных помощников в каждом из этих важнейших направлений. Надо сказать, что расчет заведующего оказался верным. Чокпакский стационар, несмотря на то, что в первые годы сам Эдуард Иванович много сил и времени отдавал экспедиционному обследованию и других перспективных для изучения миграций мест (Джунгарские ворота, долина р. Чу, долина р. Или), крепко «стал на ноги», а сводка, превратившись из трехтомной, как было вначале запланировано, в пятитомную, была опубликована без задержки (1970, 1972, 1974). Спустя 4 года она была удостоена Государственной премии Казахстана, и это была заслуженная награда авторскому коллективу, в частности, Эдуарду Ивановичу как одному из основных авторов.

Как бы подводя черту работам в высокогорье, Э.И. Гаврилов в июне – июле 1967 г. предпринимает успешные поиски гнезда красного вьюрка, дотолем никем не найденного, нахождение которого мы с ним считали просто долгом перед памятью своего учителя. Эта единственная кладка находится сейчас в хранилище Института зоологии Академии наук Казахстана (Алма-Ата), а сама «эпопея» нахождения гнезда и доставания его с помощью альпинистов сначала была обнародована в мемуарах К.А. Воробьева «Записки орнитолога» (М. 1973, 1978), а затем подробно описана самим Эдуардом Ивановичем в очерке «Красный вьюрок. Впервые в мире» в научно-популярном сборнике «Розовые чайки и черные журавли» (Л. 1985).

Начиная с осени 1968 г., все весенние и осенние полевые сезоны Э.И. Гаврилов проводит на Чокпаке. Здесь отрабатываются и окончательно «доводятся» методики учета, отлова и кольцевания птиц; организовывается изготовление собственных казахстанских колец, налаживается массовый отлов и кольцевание птиц. К 1970 году, когда в миграционную тематику включаются орнитологи других среднеазиатских республик, Чокпак уже является флагманом кольцевания в регионе и не уступает первенства в течение последующих 25 лет. Эдуард Иванович становится одним из наиболее авторитетных идеологов миграционной тематики в регионе, а после ухода А.И. Янушевича – и официальным научным руководителем всей Среднеазиатско-Западносибирской комиссии по изучению миграций птиц. На ежегодных заседаниях этой комиссии, проходящих в разных городах – от Ашхабада до Новосибирска, заслушиваются отчеты, вырабатываются и обсуждаются планы предстоящих работ по изучению миграций, налаживанию массового отлова и кольцевания. Более полутора миллионов птиц было отловлено в регионе за эти годы. Рост возвратов позволил приступить к анализу результатов. В 1978 г. Э.И. Гаврилов организует и проводит в Алма-Ате Вторую Всесоюзную конференцию по миграциям птиц.

В результате анализа накопленного на территории Казахстана богатого материала по миграциям птиц Эдуард Иванович публикует монографию «Сезонные миграции птиц на территории Казахстана» (1979), по которой в апреле 1980 г. защищает докторскую диссертацию, а через год получает звание профессора. С мая 1980 г. по апрель 1987 г. Э.И. Гаврилов, оставаясь заведующим лабораторией орнитологии, является заместителем директора Института зоологии по науке. И в это время он не прекращает научной деятельности: параллельно с Чокпакским организует Сорбулакский и Уральский стационары, отправляет орнитологические отряды по Центральному Казахстану, работает на Тургае, в Бетпак-Дале и других местах. Организует регулярные издания сбор-

ников «Миграции птиц в Азии», которые выходят почти ежегодно в одном из городов так называемого Среднего региона. Часть из них Эдуард Иванович редактирует (1976, 1983, 1986). Кроме того, он является редактором трех лабораторных орнитологических сборников – «Новости орнитологии Казахстана» (1968), «Биология птиц в Казахстане» (1978) и «Фауна и биология птиц Казахстана» (1993).

Эдуард Иванович был участником девяти Всесоюзных орнитологических конференций (со 2-й по 10-ю), а также XVIII Международного орнитологического конгресса (Москва, 1982), членом Всесоюзного орнитологического комитета, членом Центрального Совета Всесоюзного орнитологического общества и членом Президиума Казахстанско-Среднеазиатского зоологического общества, членом редколлегии сборника «Орнитология» и казахстанского зоологического журнала «Selevinia».

Под руководством Эдуарда Ивановича защищено 11 кандидатских диссертаций по орнитологии. Он много лет являлся членом специализированного совета по защите диссертаций при Институте зоологии, ряд лет был заместителем председателя этого совета. Э.И. Гаврилов опубликовал свыше 400 работ, подавляющее большинство из них посвящены орнитологии. Большой интерес представляет проведенная им ревизия орнитофауны Казахстана, результаты которой опубликованы в виде книги «Фауна и распространение птиц Казахстана» (1999), переизданная в 2005 г. на английском языке совместно с сыном А.Э. Гавриловым под названием «The Birds of Kazakhstan» (Алматы, 2005, 228 с.).

С именем Эдуарда Ивановича Гаврилова связана эпоха 25-летнего изучения миграций птиц на обширной территории Среднего региона – от Западной Сибири до южных границ Средней Азии, включая Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. Помимо своих научных трудов, Эдуард Иванович оставил о себе память в сердцах не только казахстанских, но и большинства русскоязычных орнитологов на всем огромном постсоветском пространстве, именуемом сейчас СНГ. Имя его хорошо известно и далеко за пределами этого пространства – в странах дальнего зарубежья.

Мы, старые друзья и коллеги Эдуарда Ивановича, скорбя о невозможной потере, выражаем уверенность в том, что память об этом крупном ученом и незаурядном человеке сохранится не только в наших сердцах, но и в новых поколениях всех тех, кто интересуется птицами нашего казахстанского региона.

А.Ф. Ковшарь,
Президент Мензбирова
орнитологического общества
и Союза охраны птиц Казахстана
Фото О.В. Белялова, 2003 г.¹

¹ Некролог опубликован также в казахстанском ежегоднике «Selevinia».

Евгений Николаевич Курочкин 12 июля 1940 г. – 13 декабря 2011 г.

Уходит эпоха, ее знаковые фигуры. Одна из самых тяжелых потерь – внезапная кончина крупного ученого мирового класса, Почетного Президента Мензбировского орнитологического общества и Президента Русского общества сохранения и изучения птиц, заведующего лабораторией Палеонто-

логического института РАН, доктора биологических наук, профессора Евгения Николаевича Курочкина.

Коренной москвич, сын потомственных интеллигентов: мама библиотекарь, отец – инженер. Еще в детстве Женя проникся интересом к живой природе, к птицам в соседних парках, стал активным участником знаменитого КЮБЗа – Клуба юных биологов Зоопарка.

Известный постулат – «талантливый человек талантлив во всем» – всецело приложим к Е.Н.Курочкину. Со школьных и студенческих лет он в поиске все новых и новых тем и объектов исследований: бакланы в Московском зоопарке и морские птицы Тихого океана, поток мигрантов через Кандалакшский заповедник и скрупулезнейший анализ клинальной изменчивости ястреба-перепелятника, физиология и морфология птиц – впечатляющий перечень для студента! Очевидно общественное признание научной значимости этих работ, подчеркнутое их публикацией, в том числе, в солидных изданиях. Не у каждого орнитолога его личный каталог начинается с сообщения 18-летнего школьника, а к защите диплома уже насчитывает несколько статей, в том числе, в ежегоднике «Орнитология» и других солидных изданиях.

Евгений Николаевич никогда не выбирал легких путей ни в науке, ни в жизни. Непостижимо, какой собранностью и работоспособностью надо было обладать, чтобы всего за 4 года после окончания вуза полноценно выполнить и успешно защитить весьма непростую кандидатскую диссертацию «Локомоция и морфология тазовых конечностей плавающих и ныряющих птиц». Ему бы продолжать эту важную работу, но учитель Евгения, выдающийся отечественный орнитолог Г.П. Деметьев, предлагает своему талантливому ученику целое научное направление – познание эволюции птиц. Подлинно новое всегда привлекало Евгения Николаевича, он соглашается и на несколько десятилетий всецело погружается в эту таинственную область знаний – палеорнитологию. Именно здесь состоялись его самые крупные открытия, сложился его непререкаемый авторитет ученого мирового уров-

ня, этой тематике посвящены знаменитые монографии «Птицы Центральной Азии в плиоцене», «The age of Dinosaurs in Russia and Mongolia», большинство из трех сотен других его публикаций. Примечательно, что на XXV Международном Орнитологическом Конгрессе в Бразилии (2010) один из симпозиумов был посвящен двум выдающимся ученым – Е.Н.Курочкину и его другу американцу Уолтеру Боку. В поисках палеонтологических материалов Евгений Николаевич совершил множество экспедиций в самые разные регионы Советского Союза, во Вьетнам, на Кубу и в Монголию, где ему посчастливилось обнаружить наиболее вероятного предка современных птиц, остроумно названного *Ambiortus* («сидящий между двух стульев» – меж рептилий и птиц) и почтительно посвященного своему великому учителю – *A. dementievi*. Естественно, что фундаментальные изыскания в области ранней эволюции птиц завершились в 1994 г. блестящей защитой докторской диссертации «Основные этапы эволюции класса птиц». Помнится, что на защите, которая проходила в актовом зале Палеонтологического института РАН, всех завораживали не только россыпи сугубо специальной терминологии, но и гигантская таблица со многими десятками мало кому известных названий, которая свешивалась откуда-то из-под потолка с 10-метровой высоты до самого пола. Здесь надо отдать должное просвещенческому таланту Евгения Николаевича: прекрасно понимая важность своих открытий не только для узких специалистов, но и для широких кругов студенчества, учителей, школьников, он терпеливо и, главное, доходчиво разъяснял их суть в статьях для популярных изданий – журналов «Природа», «Биология в школе», «GEO» и даже «Юный натуралист». А как раскрывалось ораторское искусство Евгения Николаевича, когда этого, казалось бы, кабинетного ученого приглашали прочесть студентам пединститута и участникам Международной научной Школы молодых ученых «Популяционные и эволюционные исследования в орнитологии» в Ростове-на-Дону лекции об эволюции птиц и его оригинальной теории происхождения их полета!

Невозможно переоценить вклад Евгения Николаевича в подготовку и редактирование первых томов сводки «Птицы СССР», серии «Современная орнитология». Велика роль Е.Н. Курочкина в создании и функционирование Всесоюзного орнитологического общества. Евгению Николаевичу, который тогда работал в аппарате Президиума АН СССР, мы обязаны тем, что прохождение документов о создании Общества через бюрократические рогатки было относительно гладким и заняло месяцы, а не годы. Снискали всеобщее уважение и признательность поистине героические усилия Е.Н. Курочкина по спасению объединения орнитологов

после распада СССР. Именно Е.Н. Курочкину удалось воссоздать на пространстве Северной Евразии единую организацию – Мензбировское орнитологическое общество, которое он успешно возглавлял до 2010 г., когда обрел статус его Почетного Президента. После 10-летнего перерыва МОО в содружестве с национальными организациями и региональными центрами восстановили традицию проведения Всесоюзных орнитологических конференций в качестве Северо-Евразийских, великолепно организованных в Казани (2001), Ставрополе (2006) и Оренбурге (2010). Стремление Евгения Николаевича к новизне проявилось и совсем недавно. В связи с созданием новой организации – Русского общества сохранения и изучения птиц – возникла проблема поиска харизматического лидера для нее. Евгений Николаевич согласился на эту новую роль и в 2009 г. был избран Президентом РОСИП.

Неисчислимы научные, деловые и дружеские контакты Е.Н. Курочкина, но главной его жизненной опорой всегда оставалась семья – супруга Любовь Евгеньевна, дочь Ольга, внук Петр. Их любовь, доброе отношение и постоянная забота очень много значили в жизни и творчестве незабвенного Евгения Николаевича.

С уходом Евгения Николаевича Курочкина, посвятившего себя познанию и сбережению птиц, сохранению нашего профессионального и человеческого содружества, мировая и отечественная наука понесла невосполнимую утрату.

Вечная ему память!

Приносим глубокие соболезнования родным Евгения Николаевича, его близким, коллегам и всему нашему орнитологическому сообществу.

В.М. Галушин, В.А. Зубакин, А.Ф. Ковшарь

Памяти Татьяны Борисовны Ардамацкой 25 октября 1927 г. – 24 октября 2011 г.

Имя Татьяны Борисовны Ардамацкой хорошо известно не только отечественным, но и зарубежным зоологам. Обладая редким сочетанием интеллекта, врожденной интеллигентности и простоты общения «полевика», она всегда была доброжелательна, полна оптимизма. Именно эти черты особенно памя-

тны людям, общавшимся с нею. Зоологи же знали Татьяну Борисовну как специалиста первой руки. Она входила в плеяду корифеев советской орнитологии, была человеком академических знаний, безусловным авторитетом в любом вопросе, не говоря уже о птицах, которым Татьяна Борисовна безраздельно посвятила всю свою жизнь.

История ее жизни, становления как ученого достойны восхищения. Ее путь в науку отнюдь не был усыпан розами. Родилась Татьяна Борисовна 25 октября 1927 г. в Ленинграде. Детство и юность ее связаны с этим городом, вложившим в само естество юной Ардамацкой то, что нас всегда восхищало в ней. Родители ее – выпускники Петербургского университета: отец юрист, мать – врач.

В середине 1930-х годов, как и многие, отец, потомственный дворянин, был сослан в приволжские степи, а матери с тремя дочерьми пришлось переселиться в местечко Александрово Ленинградской области. Здесь, в окружении природы, в юной Татьяне особенно обострилось чувство близости ко всему живому,

сформировалось умение видеть мир глазами натуралиста. Целыми днями девочка пропадала в лесах, наравне с мальчишками носилась верхом на лошади по полям. В доме у Ардамацких всегда жили птенцы сов, галок, сорок, и наблюдения за ними стали первой школой будущего орнитологического авторитета Советского Союза.

В школьные годы Татьяна много болела, и ей приходилось периодически бывать в санаториях, где, как вспоминала Татьяна Борисовна, она «приводила в ужас врачей и сестер своей бесшабашной веселостью и нарушением всяческих режимов».

После окончания средней школы, опять же в связи с обострившейся болезнью и необходимостью смены климата, Татьяна Борисовна поступает на биологический факультет Одесского университета. Год учебы в Одессе стал судьбоносным в жизни Т.Б. Ардамацкой. В те годы на биофаке преподавал легендарный Иван Иванович Пузанов, человек невообразимой эрудиции, светлейшего ума и бесконечного обаяния. Общительная и любознательная, – как могла она не оказаться среди тех, для кого пожилой профессор был более чем преподаватель? Общение с Иваном Ивановичем обогащало не только в профессиональном плане. Татьяна Борисовна вспоминает: «...несмотря на разницу лет, я дружила с ним. Он приезжал со студентами в Черноморский заповедник, когда я уже работала научным сотрудником. Я ходила с ним на экскурсии. Ему нравилось разговаривать со мной по-немецки и читать стихи Шиллера, Гете. У меня сохранились подаренные им книги и множество его стихов и прекрасных переводов, не уступающих подлиннику».

Одесса, море, южное солнце и молодость излечили юную Ардамацкую, и она переводится в Ленинградский университет, где быстро обживает в новой

среде. Энергичную студентку второго курса, отличницу, занимало все – курсы английского языка и вечерний университет литературы и искусства, спорт, Эрмитаж и Русский Музей. Но, главное – для нее родной стала кафедра зоологии позвоночных. А.С. Мальчевский, А.С. Данилевский (правнук Пушкина), В.П. Петров, другие замечательные люди, педагоги, – определили научную судьбу Татьяны Борисовны: «...Я поняла, что буду заниматься птицами и только птицами. ...Я благодарна судьбе за то, что меня учили чудесные, влюбленные в свою профессию преподаватели, которые старались передать нам – студентам – любовь и верность выбранной профессии...»

Перечень фамилий университетских учителей Татьяны Борисовны Ардамацкой поражает своей фундаментальностью, значимостью персон, определивших целые эпохи в науке: Терентьев, Чернов, Хазацкий, Мальчевский.

В 1952 г. Татьяна Борисовна окончила биологический факультет ЛГУ, но по причине вновь обострившейся болезни не смогла поступить в предложенную ей А.С. Мальчевским аспирантуру и снова уехала на юг. Предполагавшееся место работы – Черноморский заповедник – было занято другим орнитологом, и Татьяна Борисовна согласилась на работу в Азово-Сивашском заповеднике. С июля 1952 г. она – старший научный сотрудник, орнитолог. Работа в заповеднике стала первой настоящей научной и житейской школой. С головой окунувшись в изучение птиц, многие из которых для молодой ленинградки оказались новыми, она с каждым днем постигала жизнь птиц в природе, во всей ее красоте и трудностях. Любовь к науке побеждала зачастую невыносимые условия полевой работы орнитолога, которая не всякому мужчине по плечу. Здесь Татьяна Борисовна соединила свою жизнь с Б.В. Сабиневским, известным орнитологом, работавшим в то время в Азово-Черноморском заповеднике. Год работы в заповеднике не только оставил неизгладимый след в памяти Татьяны Борисовны, но и многому научил. В мае 1953 г., к моменту перевода в Черноморский заповедник, она стала уже зрелым, опытным орнитологом. В Черноморском заповеднике, с которым она была неразрывно связана в течение 35 лет, происходило взросление, формирование специалиста.

В 1956 г. она участвует в первой Всесоюзной орнитологической конференции, посвященной памяти профессора М.А. Мензбира. Весь цвет орнитологической науки был представлен на этом дотолем невиданном в стране форуме. И, как равная среди равных, – Т.Б. Ардамацкая.

В 1963 г. Татьяна Борисовна защищает кандидатскую диссертацию «Экология гнездящихся утиных Северо-Западного Причерноморья». В 1969 г. она получает диплом старшего научного сотрудника.

Более трех десятилетий проработала Татьяна Борисовна в Черноморском заповеднике. Большая

часть жизни отдана ею делу изучения пернатых Причерноморья, его островов и заливов. Как-то так сложилось, что два понятия – Ардамацкая и Черноморский заповедник – стали чем-то неразрывным, единым целым.

Работая там, она вела исследования по различным группам птиц. Темы сменялись темами, а исполнитель оставался прежним. «Экология пеганки в Северо-Западном Причерноморье», «Черноголовая чайка в районе Черноморского заповедника», «Миграция чайковых птиц в Северо-Западном Причерноморье», «Экология куликов в районе Черноморского заповедника», «Изменение орнитофауны Черноморского заповедника за период его существования», «Экология крачек Черноморского заповедника», «Изучение островного орнитокомплекса и пути его оптимизации» и многое другое...

Скупой перечень – и колоссальный труд исследователя в течение десятков лет. В списке печатных работ Татьяны Борисовны – более 170 статей на русском, английском и немецком языках.

26 студентов-дипломников из Одесского, Черновицкого, Львовского, Воронежского, Горьковского, Ижевского, Московского университетов – ученики Ардамацкой, взлелеянные в Черноморском заповеднике, прошедшие ее школу. Теперь это известные специалисты, ученые с именем.

Татьяна Борисовна была участницей всех десяти Всесоюзных орнитологических конференций. От первой, проходившей в беломраморном зале Академии в Ленинграде, до, к сожалению, последней – в Витебске... Семь прибалтийских орнитологических, восемь зоогеографических, шесть экологических Всесоюзных конференций. Серьезных, представительных, академических. И всюду эта живая, очень компетентная женщина с докладами, с дискуссиями. Не счесть многих других совещаний и съездов, проходивших в нашей стране, где имя Ардамацкой повторялось неоднократно. Она – участник целого ряда зарубежных конференций, съездов, конгрессов. С 1987 года началось ее «покорение» Европы, так что список стран, где она представляла отечественную науку, не мал.

С 1992 г. Татьяна Борисовна Ардамацкая – старший научный сотрудник Азово-Черноморской орнитологической станции. В 1994 г. она избрана Президентом Украинского общества охраны птиц, позже – его Почетным президентом. Последние ее мысли и заботы были о том, чтобы ставший родным Черноморский заповедник с честью вышел из выпавшего на его долю испытания осени 2011 года...

Можно ли этот очерк назвать «послужным списком»? Нет, скорее это экскурс по вехам жизни известного орнитолога, до конца дней не изменившего своей первой любви – птицам.

И. Кривицкий, Т. Атемасова

РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА ЧЛЕНА СОЮЗА ОХРАНЫ ПТИЦ РОССИИ

Фамилия, имя, отчество _____

Дата рождения _____ Электронная почта _____

Интернет-страничка _____ Телефон дом. (____) _____

Телефон моб. 8- (____) _____ Телефон раб. (____) _____

Факс (____) _____ Почтовый индекс:

--	--	--	--	--	--

Адрес для переписки: _____

Место работы или учебы и должность _____

Вы считаете себя: орнитологом-профессионалом / любителем (нужное подчеркнуть)

Вид членства: индивидуальный, семейный, коллективный (нужное подчеркнуть)

Какими иностранными языками Вы владеете? _____

Какой раздел орнитологии Вам интересен? _____

Какие районы России Вам интересны? _____

Кто пригласил Вас вступить в Союз? _____

Для коллективных и семейных членов: как Вы хотите быть поименованы в дипломе _____

В каких направлениях деятельности Союза Вы хотите участвовать? (отметьте галочками)

Научные проекты Природоохранные акции Развешивание гнездовых и кормушек

Фотографирование птиц Поддержка Союза в интернете Просветительская деятельность

Распространение информации о деятельности Союза

Другие направления деятельности (какие): _____

Хочу участвовать лично Могу организовать людей // Я хочу только оплачивать взносы

Дата заполнения: _____ 201__ г. Подпись: _____

Прошу принять меня в члены Союза охраны птиц России

ВСТУПАЙТЕ В СОЮЗ ОХРАНЫ ПТИЦ РОССИИ!

Наши цели – охрана птиц и мест их обитания, распространение знаний о птицах и их жизни, развитие любительской орнитологии в России.

В наших рядах – самые разные люди: от профессиональных орнитологов до начинающих птицелюбов. Не важно, сколько вам лет и какова ваша профессия. Если вы любите птиц – нам по пути! Ведь сейчас, как никогда раньше, птицы зависят от нашей заботы, от нашего к ним отношения.

В Союзе каждый найдет дело по силам – от зимней подкормки птиц и развески скворечников до участия в исследовательских и природоохранных проектах.

Как вступить в Союз охраны птиц России:

– вырежьте и заполните помещенную здесь учетную карточку члена Союза и платежную квитанцию на ее обороте;

– оплатите членский взнос в любом отделении Сбербанка и вышлите в Координационный центр Союза заполненную учетную карточку вместе с квитанцией. Оплатить взнос можно также в любом из региональных отделений Союза или в Координационном центре в Москве.

Каждый вступивший получает членскую карточку, доступ к электронной рассылке, журнал «Мир птиц» и информационные материалы Союза.

Как вступить в Союз

Форма ПД-4

Извещение общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»
(наименованиеполучателя платежа)

5 0 2 9 0 0 6 1 1 7	4 0 7 0 3 8 1 0 4 3 8 0 9 0 1 0 2 2 6 9
---------------------	---

(ИНН получателя платежа) (номерсчета получателя платежа)
в Сбербанке России ОАО, г.Москва БИК

0 4 4 5 2 5 2 2 5

Номер кор/сч. банка получателя платежа

3 0 1 0 1 8 1 0 4 0 0 0 0 0 0 0 2 2 5

Членский взнос за _____ год
(наименованиеплатежа)

Ф.И.О. плательщика _____
Адрес плательщика _____

Кассир Сумма платежа _____ руб. _____ коп. « » _____ 200 _____ г.
Подпись плательщика _____

Форма ПД-4

Квитанция общероссийская общественная организация «Союз охраны птиц России»
(наименованиеполучателя платежа)

5 0 2 9 0 0 6 1 1 7	4 0 7 0 3 8 1 0 4 3 8 0 9 0 1 0 2 2 6 9
---------------------	---

(ИНН получателя платежа) (номерсчета получателя платежа)
в Сбербанке России ОАО, г.Москва БИК

0 4 4 5 2 5 2 2 5

Номер кор/сч. банка получателя платежа

3 0 1 0 1 8 1 0 4 0 0 0 0 0 0 0 2 2 5

Членский взнос за _____ год
(наименованиеплатежа)

Ф.И.О. плательщика _____
Адрес плательщика _____

Кассир Сумма платежа _____ руб. _____ коп. « » _____ 200 _____ г.
Подпись плательщика _____

Членский взнос в 2011 г.

Индивидуальный: годовой взнос для членов Союза – **200 руб.**

Льготный: взнос для пенсионеров, инвалидов – **100 руб.**

Семейный: единый годовой взнос – **200 руб.**

Поддерживающий: годовой взнос – **от 500 руб.**

Попечительский: годовой взнос – **от 3000 руб.**

ПОДДЕРЖИТЕ СОЮЗ!

**Если вам безразлична судьба птиц России,
вы можете помочь нам
сделать больше для их защиты.
Даже самый скромный взнос,
внесенный вами,
послужит нашему общему делу –
охране птиц!**

Внести все пожертвование вы можете безналично на расчетный счет № 40703810438090102269 в Сбербанк России или у нас в офисе по адресу: Москва, шоссе Энтузиастов, дом 60, корп. 1 с 10.00 до 18.00, кроме субботы и воскресенья.

1 килограмм семечек для подкормки птиц	45 р
Содержание одной раненой птицы (сутки)	200 р
1 деревянная кормушка	300 р
1 скворечник или синичник	300 р
Реабилитация одной птицы, пострадавшей от нефтяного загрязнения (сутки)	800–1000 р
Устройство одной гнездовой платформы для хищных птиц	3000 р
Один бинокль для наблюдения за птицами	2500 – 5000 р
Установка птицезащитных устройств на одном километре ЛЭП	14 000–20 000 р
Печать одного номера журнала «Мир птиц»	80 000 р